

V. I. Lenin adına Azərbaycan Dövlət Dərİİİnİnİn Zərİİ Fakulİİİİ.

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
И. И. В. И. ЛЕНИНА.

Н. Я. МАРР.

ЯФЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ПРОГРАММА
ОБЩЕГО КУРСА УЧЕНИЯ ОБ ЯЗЫКЕ.

АзГИЗ.

БАКУ

1928.

Напечатано в гостип. „Красный Восток“
Бахполиграф.
Бану, Карантинная, № 84.
Главлит № 691. — Заказ № 4972.
Тираж 2000 экземпляров.

45151-В

V. I. Lenin adına Azərbaycan Dövlət Dərİflinyninin Zərک Fakültəsi.

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. В. И. ЛЕНИНА.

с. 56

Н. Я. МАРР.

ЯФЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ПРОГРАММА ОБЩЕГО КУРСА УЧЕНИЯ ОБ ЯЗЫКЕ.

1948

112

АзГИЗ.

БАКУ

1927.

ЕВ_1927_VAN_2AK00000628

Печатается по определению Восточного Факультета А. Г. У.

Декан **Г. Губайдуллин.**

1 сентября 1927 г.
Баку.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	VI
Вступительная лекция	1—15
§ 1. Две основные дисциплины яфетической теории: яфетическое языкознание и общее учение об языке	16
§ 2. Значение яфетической теории	16—18
§ 3. Смена языковых систем и приближение к типу единого языка	18—19
§ 4. Происхождение языка с точки зрения яфетической теории	19—21
§ 5. Все языки — продукты единого языкотворческого процесса	21—22
§ 6. Яфетическое языкознание как учение об яфетических языках	22—23
§ 7. Ход развития яфетической теории с 1886 г. по настоящее время	23—29
§ 8. Отказ яфетической теории в ее настоящем состоянии от ряда прежних ее положений	29—32
§ 9. Яфетическое языкознание и его отношение к индоевропейской лингвистике	32—35
§ 10. Техника и термины яфетического языкознания	35—37
§ 11. Яфетидологическая транскрипция	37—39
§ 12. Новые достижения яфетической теории требуют поправок в старых ее утверждениях	40
§ 13. Генеалогическое дерево (классификация языков) и поправки к нему	40—51
§ 14. Формальная и идеологическая типология. Аморфная, агглютинативная и флективная типологии	51—59
§ 15. Флективная типология и сложность яфетической пирамиды	59—60
§ 16. Определение типологии совокупностью признаков (координатов)	60—61
§ 17. Типология и семантика китайского языка. Полисемантизм	61
§ 18. Изменчивость морфологии и изменчивость идеологии	61—63
§ 19. Переменчивость форм и переменчивость слов	63
§ 20. Производственно-культурный характер начальной речи	63—64
§ 21. Изменение звукового состава языков	64—68

✓ § 22. Т. н. расовые языки и семьи. Связанность различных типов языков яфетической системы	68—70
§ 23. Звуковые соответствия сибилантных и спирантных языков	70
§ 24. Примеры корреспонденций языков сибилантной ветви	71—73
✓ § 25. Социальная фонетика	73
✓ § 26. Источники социальной фонетики	73—74
✓ § 27. Формальная классификация языков в их динамике	74—75
✓ § 28. Трудности построения таблицы взаимоотношений различных систем и различных языков каждой системы	76
✓ § 29. Смена эволюционных этапов в каждой языковой системе	76—77
✓ § 30. Происхождение языка и вопрос о месте зарождения культуры	77—80
§ 31. Археологическое построение истории человечества в одной из западно-европейских формулировок 1925 г.	80—82
§ 32—33. Первобытная культура и кинетическая речь	82—89
§ 34. Рука и роли создателя культуры и хозяйственно-общественное происхождение человеческой речи	89—97
§ 35. Полисемантизм руки и семантический пучок рука—женщина—вода	97—98
✓ § 36. Система звуковой речи	98—99
✓ § 37. Среда возникновения 4 элементов речи и их развитие	99—109
✓ § 38. До-речевая фонетика	109—110
✓ § 39. Развитие звуковой речи в путях идеологии кинетической речи. Технические средства звуковой речи	110—112
§ 40. Объяснение четырех элементов и обоснование их разновидности	112—118
§ 41. Рост звуковой речи	118—122
§ 42. Увязка частей речи с общественностью	122—123
✓ § 43. Идеология формирования частей речи, их типология и последовательность возникновения типов	123—127
✓ § 44. Техника формирования типов	127—129
✓ § 45. Стадии развития человеческой речи	129—135
§§ 46—51. Сокращенный свод с пропусками заключительной части курса, в Программе намеченной по следующим пунктам: § 46. Сравнительная грамматика языков различных систем (грамматика статическая—формальная и динамическая—палеонтологическая). § 47. Семантика. § 48. Образование семантических гнезд. Полигенизм семантики. § 49. Яфетическое языкознание и индоевропейская лингвистика. § 50. Яфетидология и материальная культура. § 51. Яфетидология и марксизм	135—156

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Идеи, неразрывно связанные с языковедным построением яфетической теории, можно легко подобрать у различных писателей, даже у консервативных представителей старой лингвистической школы, не исключая ее современного столпа А. Мейе, профессора Сорбонны, тем более подобные встречи легко заметишь с Шухардтом, материально шире, хотя и не глубоко ориентированным во взаимоотношениях языков различных систем, но и тогда, когда они выступают поборниками социологического подхода к вопросам человеческой речи (Мейе), и тогда, когда они трактуют о правильно подмеченном сродстве явлений в языках различных систем (Шухардт), обычно определяемой по т. н. расовой принадлежности, с нами совпадения у них лишь в словах и отвлеченно взятых мыслях, отнюдь не по существу в самом языковедном построении. Такие совпадения, иногда разительные, в вопросе о происхождении языка, наблюдаются и с неокантианцем Кассирером, мысли которого в целом абсолютно не вытекают из языковедно добытых основных положений яфетической теории, оказавшихся обоснованными на историческом материализме и диалектизме. Естественно, ближе к нам в гносеологических вопросах стоят лингвисты, примыкающие по своему мировоззрению к марксизму, в первую голову Людвиг Нуаре и его предшественники, а в вопросах взаимоотношений языков мира ученые по необходимости более, чем близко, вплотную подходившие исследовательски к живой речи в ее бесконечно переливающимся разнообразии, именно американисты и африканисты, как то Boas, Rivet, Meinhoff, Schmidt и др., да часто историки материальной культуры, в числе их и археологи, самими фактами наталкивающиеся, в их вынужденных высказываниях о смене языков в связи со сменой культур, на такие кардинальные положения нового учения об языке, яфетического, как скрещение. Имею при этом в виду прежде всего известного производителя систематических раскопок на Крите, Evans'a. Подобные встречи уже далеко не слу-

чайны. Они связаны или со сродством независимо выявившихся методов или со сродством в выборе продвигаемой в исследовательскую орбиту категории языков, языков живых, или со сродством в исканиях увязки лингвистических явлений с историей материальной культуры и общественности и т. п. Однако, языковедное построение, составляющее предмет настоящего краткого вводного курса в общее учение об языке, имеет свои независимые материальные и теоретические языковедные предпосылки. Без ознакомления с ними и соответственной проработки конспектообразно изложенных в настоящем курсе мыслей трудно рассчитывать на их правильное восприятие и целесоответственное усвоение. Студенты Ленинградского Университета располагают возможностью глубже усваивать указанные предпосылки, слушая такие в печати неимеющиеся пока общие курсы, как „Палеонтология речи“, „Сравнительная грамматика сибирянской ветви яфетических языков“, „Сравнительная грамматика языков семитической и яфетической систем“, равно специальные курсы и семинары по отдельным группам языков, как то „Схождения и расхождения армянского и грузинского языков“, „Языки Вол-Камья (чувашский и финские) в палеонтологическом разрезе“ и т. п. Само собою понятно, что эти мои общие и специальные курсы в Ленинграде же находят дальнейшей материальной опоры в курсах и занятиях по различным яфетическим или ближайше связанным с ними языкам у И. А. Орбели, К. Д. Дондуа, А. Н. Генко, И. И. Мещанинова, читающих в том же университете, некоторые и в Институте Живых Восточных Языков в Ленинграде и Институте Национальных и Этнических Культур в Москве. Тем же, кто не располагает возможностью слушать мои или моих учеников соответственные лекции или принимать непосредственное участие в связанных с ними практических занятиях, для усвоения названных необходимых предпосылок можно порекомендовать следующие печатные работы для проработки: 1) Абхазский аналитический алфавит. К вопросу о реформах письма, изд. ЛИЖВЯ. 1926; 2) По этапам развития яфетической теории. Сборник статей Н. Я. Марра, изд. Института Этнических и Национальных Культур народов Востока СССР (Москва). Ленинград 1926; 3) Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до-истории (К увязке языкознания с историей материальной культуры), изд. Кавказского Историко-Археологи-

ческого Института в Тифлисе, Ленинград 1926; 4) Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры (Сообщения ГА-ИМК, Ленинград 1926, I, стр. 37—70); 5) Чуваши-яфетиды на Волге. Чувиздат. Чебоксары 1926 и по личному интересующегося выбору из трудов, вошедших в Классифицированный перечень печатных трудов по яфетидологии, 2-е издание Института Этнических и Национальных Культур народов Востока (Москва). Ленинград 1926.

Н. Марр

Ленинград.

16. VI. 1927.

Привесок. Я не касаюсь здесь трудностей печатания яфетидологического курса за тридцать от себя земель и неизбежных отсюда последствий, но не могу не выразить здесь особо благодарности тем, которые героически содействовали ослаблению происходивших отрицательных черт названных трудностей, именно А. Р. Зифельдту и И. И. Мещанинову.

Н. М.

Ленинград.

10. VIII. 1927.

VIII

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

- АИМК см. ГАИМК.
АН Академия Наук СССР.
ГАИМК Гос. Академия Истории Материальной Культуры.
ДАН Доклады Академии Наук СССР.
ИАН Известия Академии Наук СССР.
КИАИ Кавказский Историко-Археологический Институт АН.
ЛИЖВЯ Лен. Институт Живых Восточных Языков.
ПЭРЯТ По этапам развития яфетической теории. Сборник статей
Н. Я. Марра.
ЦБК Центральное Бюро Краеведения.
ЯИ Яфетический Институт
ЯС Яфетический Сборник.
абх.—абхазский; араб., арб.—арабский; баск. или баск.—баск-
ский; г.—грузинский; греч., грч.—греческий; л.—латинский;
м.—мегрельский; морд.—мордовский; пехл. — пехлеви; св.—
сванский; сс—свистящая группа сибилантной ветви; т.—турец-
кий; ч.—чанский; чв. или чув.—чувашский; ш. или шп.—ши-
пящая группа сибилантной ветви; юк.—юкагирский.
-

Вступительная лекция к курсу общего учения об языке,

читанному в Азербайджанском Университете.

Приветствую и старших, и молодежь, приветствую Азербайджанский Университет, признательный за внимание к новому учению об языке, прочитав эпизодический курс по которому я приглашен, и, приветствуя, не могу не поделиться, с риском омрачить привет, не могу не поделиться скорбным чувством при живо воскресающем здесь образе, неизбежно воскресающей памяти о том, кто первый в университетской среде, вне Ленинграда, проторил было дорогу новому учению об языке, б. профессоре Азербайджанского Университета Всеволоде Брониславовиче Томашевском, скончавшемся месяца два тому назад на ответственном посту ректора Ленинградского Университета. Добрая ему память!

Чем т. Томашевский был для нового учения об языке, в родном мне с ним одинаково университете в Ленинграде, в нашей *alma mater*, кому интересно, получит возможность узнать по слову, посвященному его памяти и вошедшему в число статей печатающегося сборника о числительных, коллективном труде той т. н. Группы Числительных, ныне органической части Яфетического Института АН, одним из идеологов и технических работников, членов-основателей которой был покойный. Основная его заслуга—фактическое выявление того, как можно, не порывая не только с актуальными по сей день достижениями индоевропейской лингвистики, но даже с ее положениями, ныне имеющими лишь историческое значение,—как можно стать адептом новой языковедной теории, ее настойчивым поборником. А как это трудно, когда, с одной стороны, за пределами СССР пока только в одном Венском университете оказался ее сторонник, смело выступивший глашатаем нового учения, и когда, с другой стороны, с увеличением интереса к новому учению об языке по пе-

риферии—в свободных от академического самомнения нацменовских и национальных исследовательских организациях, в центре усиливаются всякого рода выступления, настолько внушительные и тогда, когда они мало выявляются, как бы сокровенные деяния, что в порядке дня становятся малодушные молчаливые отречения учеников. Кому интересно знать и эти недавние, почти еще свежие переживания нового учения об языке, могут осведомиться в предисловии Сборника „По этапам развития яфетической теории“.

Нам не в диковину и не в первый это раз наблюдается, что ученым дорожке привычные построения, им не по себе становится, когда с изжитыми научными построениями, естественно должны они отойти и уже отходят с господствующих, когда-то по праву занятых ими, позиций. Нас более и действительно тревожат признаки равнодушия самих говорящих масс, в частности, национальностей, к вопросу об языке и отношении к языку вообще, точно это проблема отвлеченного значения. Строя всякое благополучие человека, относясь с необычайным вниманием ко всем его источникам, включая и живую и мертвую природу, ее т. н. производительные силы, об языке, следовательно, и о самом человеке мы вспоминаем лишь тогда, когда он сам о себе заставляет вспомнить, не забывать.

Подъезжая к столице Азербайджанской Республики, я взял в руки первый встречный номер столичной газеты „Бакинский Рабочий“,—и прочитал не без волнения, во всяком случае с интересом, следующие строки про дагестанских профработников в Баку: „как заявил зампред Дагсовпрофа т. Косицын (или Косницын), Азербайджан далеко опередил Дагестан, что, впрочем, естественно: в Дагестане насчитывается только 27.000 членов профсоюзов, тогда как в АССР их свыше 200.000. Затем не следует забывать, что Дагестан говорит на 6 языках и 33 наречиях, что особенно затрудняет развитие культуры“.

Не знаю, что понимает автор под наречием или как он отличает дагестанские наречия от языков; мне известно, что в Дагестане не менее 39 языков, говорящие на которых друг с другом не могут общаться. Но все таки хорошо, что начинаем вспоминать, „не надо забывать“, что без урегулирования вопроса об языке нельзя вести культураную работу. А с сохранением основ советской общественности можно ли вести дело индустриализации края без урегулирования вопроса об

языке? А можно ли с фактическим успехом вести дело национализации культурных достижений человечества без урегулирования вопроса об языке? А можно ли достигать реальных успехов в деле приобщения действительно широких масс, подлинных рабочих и подлинных крестьян, без урегулирования вопроса об языке? И правда ли этот вопрос об языке, из орудия культурного общения становящийся орудием культурного разобщения, является животрепещущей актуальностью только для Дагестана, а в остальных Респуб-ликах он уже решен или, что важнее всего, правильно поставлен и правильно решен? Предоставляю самим вам также не забыть об этом и подумать.

Второй раз приходится выступать в вашем родном университете. Но как будто у нас не было провала за трех-летний промежуток с выступления моего здесь в 1924 году. У нас, казалось, была с Азербайджанским научным миром некоторая увязка, с нашей стороны благодаря, главным образом, работам моего ученика И. И. Мещанинова; правда, Мещанинов прежде всего историк материальной культуры, специально Элама и архаической Передней Азии, но, во-первых, новое учение об языке отнюдь не шествует, паря своим методом в поднебесии, это не метафизическая отвлеченность, в разлуке с материальной культурой,—более того, сама теория нового языковедного учения в генесиологических вопросах, насколько в ней имеются положительные стороны, по своему значению для всякой обществоведческой науки равноценна с тем, что она представляет специально для языка. В конце концов, речь идет не о голой сумме знаний, т. н. истин, а о методе в конкретной работе над фактами, лингвистическими, дающими освещение, а часто впервые осмысление явлениям материальной культуры, и, естественно, что историки материальной культуры пользуются не только методом новой языковедной теории, но установленными ею положениями. В этом отношении И. И. Мещанинов отнюдь не одинок: то же самое делают два убежденных последователя новой теории—историк средиземноморской материальной культуры, проф. Б. Л. Богаевский, специалист по эллинскому миру, активный работник АИМК специально в комиссии социологии искусства, и археолог и этнолог, а также веществовед Кавказа, д. член АИМК А. А. Миллер, тоже приблизившийся к научно-исследовательской организации Азербайджана и один из звеньев той же нашей увязки и по новой теории. Для цельности и нерушимости научного миро-

воззрения названных трех историков материальной культуры, в согласии со все более и более укрепляющимися и уточняющимися положениями нового учения об языке, достаточно сослаться на вопрос об устранении миграции как творческого фактора, на какую тему И. И. Мещанинов недавно выступил в АИМК с блестящим докладом, и обстоятельным изложением и уничтожающей критикой новейших авторитетнейших западно-европейских построений истории и материальной культуры выявил, что с миграцией, неблагоприятно, миграцией не решить ни одного генетического вопроса и ставка археологов на миграцию завела их в тупик, в такой же тупик, в какой лингвисты-индоевропеисты загнаны ставкой на пра-язык и формальный сравнительный метод.

Но кроме того, это во-вторых, И. И. Мещанинов лучший специалист по халдскому языку и ванской клинописи, памятников и до-индоевропейской Армении, памятников исторических эпох Кавказской жизни, когда не было еще и иранцев, персов-иранцев, и когда в числе соперников халдов с Ванского озера, как теперь наметилось, единоплеменников скифов, выступал с севера и тот народ этиуниев, который ныне на лицо в виде пережитков, казалось бы только в двух-трех селах, удинов. В связи с этим естественным для Азербайджана научным интересом и к халдской речи ванских царей, толкуемой яфетидологически, да и независимо, по непосредственному интересу к самой новой теории об языке, И. И. Мещанинов читал здесь курс, печатал и печатает соответственные работы, в том числе и популярное изложение яфетической теории ¹⁾, и потому мне казалось, что я могу прочесть эпизодический общий вводный курс яфетического языкознания с расчетом на знакомство заинтересованной аудитории с литературой и основной частью терминологии нового учения.

Нужно ли в самом деле мне до приступа к курсу объяснять такие элементарные вещи, как существование свистящих и шипящих звуков, именно свистящих в составе слабого согласного, глухого s различных категорий, как то s_1 , равно звонких z, z_1 и их сильных под'емных представителей t, d, θ и т. п., шипящих в составе слабого шипящего согласного в разновидностях глухих ψ, ψ_1 , равно звонких j, j_1 и

¹⁾ Основные начала яфетидологии. Изд. Об-ва Обследования и Изучения Азербайджана, Баку 1926 г.

их под'емных представителей t, d, θ и т. п., и что свистящим и шипящим мы противопоставляем придыхательные звуки, свистящим длительные, как h , и шипящим прерывистые, как s , причем придыхательные также представлены в яфетических языках слабыми согласными, в длительных глухим h , звонким γ и сильными под'емными k, g, q и др., в прерывистых глухим s , звонким γ и сильными под'емными k, g, q , и др.

Если раз'яснить эти элементарные термины, да еще то, что свистящие (sifflant) и шипящие (chuintant) в яфетической теории об'единяются родовым термином «сибилянты», а слово „спиранты“ употребляется в значении исключительно „придыхательных“ для такого же об'единения длительных и прерывистых придыхательных, то нам придется прочесть не эпизодический курс в десяток часов, а по крайней мере семестра два.

И с другой стороны, все эти технические слова нужно знать, так как иначе не понять конкретно, о чем идет речь, когда мы говорим «сибилянтная ветвь», «свистящая группа», «шипящая группа». По формальной классификации яфетические языки Кавказа делятся на две ветви, сибилянтную и спирантную, в свою очередь сибилянтная ветвь, наиболее полно или доработанно представленная, состоит из двух групп:

1) группы свистящей, куда относятся оба грузинских языка: и древне-литературный (феодалный) язык высокой знати, и т. н. вульгарный, язык раньше низов, крестьянских масс, с ростом значения мелкого дворянства и городков со средних веков, а в XIX веке, с усилением крестьян и нарастанием мелкой буржуазии и рабочих, в полной мере пробивающий себе дорогу в литературу;

2) группы шипящей, куда относятся языки мегрельский и чанский, бесписьменные доселе языки, языки ныне, главным образом, крестьянского населения. В курсе мы раз'ясним, в чем более точно выражается взаимное схождение или расхождение языков свистящего и шипящего строя, но надо знать хотя бы то, чего касаются определения «свистящий», «шипящий», что подразумевается формально под терминами «сибилянтный» и «спирантный» и что уже реально имеется в виду, какие языки, когда говорят о свистящей и шипящей группах на Кавказе. Так то взаимоотношения свистящей и шипящей групп прослеживаются и за пределами Кавказа, даже между языками отнюдь не являющимися ныне яфетическими,

напр., как увидим, между турецким и чувашским, в языках Волкамья, т. е. Волги и Камы, не только в чувашском, но и финских языках. В финских языках вообще, в особенности волкамских, звуковые взаимоотношения яфетических языков Кавказа, в том числе и взаимоотношения свистящей и шипящей групп, прослеживаются с замечательной яркостью, то же самое наблюдаем мы пережиточно во взаимоотношениях таких бесспорных индоевропейских языков как классические языки Европы, греческий и латинский. Кому детали интересно знать, рекомендую заглянуть в ближайший выпуск Докладов АН, именно в печатающуюся в нем статью „О слоях различных типологических эпох в языках прометеидской системы с точки зрения яфетической теории (ИАН 1927)“.

Не буду останавливаться на таких терминах, не мною к тому же введенных, как пучковые значения, но в новой теории особенно усиленно используемые и уточняемые, когда за словом закрепляется семантически-закономерно установившийся подбор значений.

Все это можно бы знать раньше, как и термин «диффузный», в применении к звукам, используемый физиологами, у нас же получающий особенно углубленное, да и расширенное значение даже в области социальных явлений. В отношении звуков дело, как будто, ясно: буквально слово значит 'разлитой', происходя от лат. глагола *diffundo* 'разливаю', но реально 'не оформленный индивидуально', 'сливающийся со смежным также не отлившимся в устойчивую форму явлением, в применении к звуку такое его производство, которое свидетельствует о недоразвитости произносительных органов для расчлененного произношения физиологически смежных звуков, имеющих впоследствии разлучиться друг с другом и развиться каждый в самостоятельную фонему, но на прежней стадии развития как бы не совсем членораздельные звуки. В яфетических языках сохранились во множестве пережитки таких диффузных звуков, как бы не совсем членораздельных, это своего рода диффузоиды, нерасчлененные звуки, которые мы воспринимаем как составные, из двух, а иногда и из трех звуков, напр., в абх. $t + s + w = t^{\circ} *$) или $d + z + w = d^{\circ} *$). Простых звуков в начале и не было, как не было и составных, собственно им предшествовавших диффузоидов,

*) По типографским условиям здесь невозможно передать точное начертание буквы. Кружок, здесь поставленный отдельно, должен сливаться с буквой.

а были диффузные, в своей первичной нерасчленяемой еще сложности и послужившие впервые сигналами для обозначения тех или иных предметов или явлений, для получения того или иного значения, чтобы стать словом.

Все это можно бы знать раньше, и я должен был рассчитывать разве на незнакомство с такими техническими, казалось бы, новшествами в изложении, как замена слова «индоевропейские» в применении к языкам термином «прометеидские» («индоевропейский» или «индоевропеистический» сохраняется за старым учением об языке: индоевропейская лингвистика и т. п.), отказ от термина «семья» в применении к группам родных языков в пользу «системы».

В связи с этим для начальных эпох человеческой общности упраздняется возможность пользоваться термином 'племя', *ἔθνος*, вообще всяким названием объединения по крови, ибо первоначальные объединения, как показала палеонтология речи, коллективы хозяйственно-общественно возникающие, агнатические, а не по крови, не когнатические, не по родству крови, а по общности интересов и общности территориально определяемой техники для их удовлетворения.

Пожалуй, не могу я рассчитывать и на знакомство с положением или учением о четырех элементах, т. е. с тем, что все слова всех языков, поскольку они являются продуктом одного творческого процесса, состоят всего на всего из четырех элементов, каждое слово из одного или двух, реже трех элементов; в лексическом составе какого бы то ни было языка нет слова, содержащего что-либо сверх все тех же четырех элементов. Эти четыре элемента обозначаем прописными латинскими буквами A, B, C, D; они, прежде называвшиеся нами же племенными словами SAL, BER, YON, ROU, — основа формального палеонтологического анализа каждого слова; без предварительного производства такого анализа, без разложения слова на наличное в нем количество элементов, одного, двух или более, нельзя сравнивать, без такого анализа сравнительный метод не действителен. Однако, этот количественный или формальный анализ еще ни к чему также не обязывает, ибо при существовании в человеческой речи всего на всего четырех элементов, получилось такое количество созвучных или совпадающих по формальному облику слов, ничего общего друг с другом не имеющих, что их случайное тождество может ввести и действительно вво-

дит сплошь и рядом в безграничное число заблуждений, несмотря на существование т. н. фонетических законов, требованиям которых они часто вполне удовлетворяют. Спасает лишь качественный анализ двух категорий, один простой качественный анализ, как бы физический, когда созвучие проверяется значимость слова, т. н. семантический анализ, при этом значимость утверждается не установившимся представлением на основании употребления в том или ином письменном или вообще классовом языке, как это принято в индоевропейской лингвистике, а по законам палеонтологии речи. Другой анализ более сложный, как бы химический, анализ также семантический, когда значимость проверяется или удостоверяется прежде всего историей материальной культуры, равно историей общественных форм и затем историей надстроечных социальных категорий, искусства, художеств и т. п.

При учете и этих идеологических моментов речи дать правильное определение состава элементов в слове не так то легко, как если бы дело шло о применении лишь формального анализа, об определении количественного и материального (звукового) наличия 4-х элементов в слове. О том, что это за четыре элемента, каковы и почему их различные виды соединения,—именно скрещение, сложение и т. п., речь будет в курсе.

Лично всего три года тому назад я имел честь быть приглашенным в Баку Обществом Обследования и Изучения Азербайджана, и тогда пришлось прочитать и здесь, в университете, доклад о культовом предмете, о женском божестве Иштари, любопытном и как ключ для анализа названия Азербайджана. Но какое это имеет отношение к актуальной задаче осознания Азербайджанского языка, казалось бы, пришлого или миграцией занесенного сюда? Как много утекло воды с тех пор! И тогда, впрочем, этот до-исторический термин *Ištar* увязывал культово Месопотамию и Азербайджан с чувашами на Волге и этрусками в Италии, но до-историческая эпоха присваивалась изолированным в Средиземноморье своим особым расовым происхождением яфетидам, которые противопоставались народам, казалось, иной расы, т.е. т.н. индоевропейцам, и все бремя вопроса о возникновении новых типов речи возлагалось на миграции, на появление новых по происхождению народов и смешению речи пришлых племен с языками аборигенов-яфетидов. Миграции и связан-

ные с ними скрещения—все внешние факторы. Правда, еще в том-же 1924 году на страницах Докладов Академии Наук появилось под заглавием „Индоевропейские языки Средиземноморья“ первое мое заявление о фиктивности не только какого-бы то ни было пра-языка, взорванного новым учением раньше, но и о фиктивности и научной выдуманности различных расовых языков. Сформулировано было это новое утверждение, казалось бы, достаточно ярко и четко. Заявление гласило: „Утверждаю, что индоевропейской семьи языков расово отличной не существует. Индоевропейские языки Средиземноморья никогда и ни откуда не являлись ни с каким особым языковым материалом, который шел бы из какой-либо расово особой семьи языков или, тем менее, восходил к какому-либо расово особому пра-языку. Индоевропейские языки составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой степени, более сложной, скрещения, вызванной переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства, связанных, повидимому, с открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве, может быть, и в соупутствии приходящих пермутаций [перерождений] физической среды; индоевропейская семья языков типологически есть создание новых хозяйственно-общественных условий, по материалам же, а пережиточно и по многим конструктивным частям, это дальнейшее состояние тех же яфетических языков в Средиземноморье—своих или местных, на определенной стадии их развития, в общем новая по строю формация. Такие более наглядные гибриды, как, например, языки Армении, отчасти и албанский язык, не воплощение позднейшего скрещения индоевропейских языков с яфетическими, а представители переходного состояния на промежуточном этапе между чистыми яфетическими и совершенными индоевропейскими языками; это—языки, отошедшие от до-исторического состояния яфетической семьи и не дошедшие до полного индоевропеизма“.

Основные мысли, конечно, остаются в силе, и тогда, года три тому назад, эта формулировка их вполне соответствовала достигнутому охвату и пониманию материалов, степени их раз'ясненности. Да и сейчас, когда понимание это углубилось и уточнилось, сомневаюсь, можно ли формулировать иначе, при кратком изложении, да еще при изложении, требующем упрощения в интересах удобопонятности,

настолько сами явления оказались чрезвычайно сложными. И все таки от точного воспроизведения вскрывшейся перед нами действительности настолько далеко отстоят приведенные пространно наши же формулировки, настолько они грубо неточны, что впору уподобить тому, как если бы творения Бетховена вздумали сыграть без учета диэзов и бемолей, или тому, когда восточную музыку исполняют на европейском инструменте, не располагающем данными для передачи богатства ее долевых гамм.

Не говоря о том, что вместо «системы» все еще удерживался термин «семья», вынужденные фактами отвергнуть расовое различие языков, следовательно, отвергать и соответственное противоположение уже не семей, а систем, мы все еще продолжали представлять каждый член данной системы как совершенный ее представитель, точно по кровному родству происходящий, и говорили о «чистых яфетических языках» и «совершенных индоевропейских языках», и между этими мнимо-чистыми и мнимо-совершенными черезчур резко выделяли, как переходные, некоторые языки по принадлежности к какому-то особому промежуточному этапу развития человеческой речи, на самом же деле при всей правильности основной мысли как отвлеченного обобщения, фактическое положение выявляет такие модальности во взаимоотношениях конкретных языков каждого в целом, что любой из них оказывается на том или ином переходном этапе развития. Также обстоит дело с противоположением т. н. индоевропейских языков яфетическим, как исторических—до-историческим, между тем все более и более выясняется более углубленным анализом языков различных систем забытые исторические периоды яфетической речи, что народы, предшествовавшие т. н. индоевропейцам, до возникновения этих самых „индоевропейцев“ жили исторической жизнью. И в этой исторической жизни Средиземноморья принимали непосредственное участие, были ее творцами, помимо яфетидов, народы с языками других систем, с тех пор отброшенные в недостижимые, казалось бы, дали и на восток вплоть до Тихого океана и на полдневную сторону вплоть до юга Африки. А народы турецкой или тюркской системы тоже в числе их? Отвечаю: это пока проблема, но проблема настолько назревшая, что остается сорвать ее как зрелый плод. Правда, с тех пор основные мысли, отрешенно лингвистически

установившиеся, стали материализоваться, благодаря увязке нового учения об языке с историей хозяйства и общест-венности, о чем интересующийся может осведомиться по таким статьям моим, как, напр.: 1) „Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до-истории (к увязке языкознания с историей материальной культуры)“. Ленинградское издание Кавказского Историко-Археологического Института в Тифлисе, 1926; 2) „Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей ма-териальной культуры“ в Сообщениях АИМК, I, стр. 37—70; 3) „Скифский язык“ в сборнике „По этапам развития яфе-тической теории“ (1926, стр. 336—387).

Здесь, в последней из трех названных работ, уже трак-товка языка ни в какой мере не остается отрешенной от хозяйства и общест-венности отвлеченностью. Здесь впервые подходим к конкретной постановке вопроса о двух мировых терминах материальной культуры, одинаково означающих предмет эпохи металлов, именно драгоценный металл — ‘зо-лото’, один термин скифский, как бы азиатский, каковым оказалось русск. «золото» с рядом разновидностей, в том числе и турецкий *altun*, другой термин — иберский, каковым оказался длинный ряд разновидностей на не меньшем ко-личестве языков со включением в него латин. *aurum*. Весь афреазийский культурный мир оказался с одной стороны разделенным на две половины в отношении употребления слова, означающего названный благородный металл, одна половина с термином скифским, казалось бы, восточным, азиатским, что конкретно подтверждалось и нахождением золота одновременно в алтайских, ~~геспералданских рудниках,~~ *ман* другая половина с термином иберским, казалось бы, запад-ным, с Иберийского или Пиренейского полуострова, но обе разделившиеся половины всего афреазийского мира ока-зались в схватке, борьбе друг с другом из-за утверждения одной стороной скифского термина, т. е. скифского или вос-точно-азиатского золота, с другой стороны иберского тер-мина, т. е. иберского или западно европейского золота, сле-довательно, по внутреннему смыслу культуры, которая гене-тически определяется не отвлеченным бытием, еще менее — мышлением и затем творчеством, а трудовой жизнью, творчеством и затем бытием, обе половины оказались одним органически нераздельным культурным миром, выделяющим из себя тезы и антитезы в процессе совместной единой хо-

зайствованно-общественной жизни. Выяснилось и то, что в центре древнейшего отложения средиземноморской культуры, именно в эллино-семитической среде, оказались отложившимися и скифский, и иберский термин, однако, большой вопрос, здесь как вклады восточного и западного мира или как порождения накопившихся там же еще до эллинов и до семитов материалов не только евразийского, но и афревозийского окружения, -- порождения, разошедшиеся потом в различные стороны и на запад в Европу, и на восток в Азию, и на более далекий юг—в Африку, в поисках не слов, а нехватившего ценного материала с наречением и его самого и мест его приисков тем названием, какое было в обиходе у того или иного соответственного профессионального коллектива единого средиземноморского культурного мира. Вспомним, что название самой Африки, перешедшее с ее части на всю эту третью страну Старого Света, своей основой афг состоящее из двух элементов, АВ или SAL-BER, является по форме даже не диалектической разновидностью основы ауг-(„ауг-“) латинского аугит ‘золото’, а закономерным двойником, по законам т. н. до-исторической, т. е. яфетической фонетики. В то же время вскрылось той же работой, что, во-первых, скифское ‘золото’ не только по мифическому преданию самих скифов связано с ‘плугом’, т. е. *земледельцем*, но и терминологически, во-вторых, название одного благородного металла по закону функционального перехода значений перешло на другой благородный металл ‘серебро’, и именно иберское название ‘серебра’, скрещенное, оказалось внедрившимся в самое сердце глубокой Азии, таково, между прочим, происхождение турецкого слова ^ги^тиш ‘серебро’ или ^ки^тиш, у чувашей ^ке^те^л¹), а на западе у хранителей древнейших традиций человечества оказались иные названия того же металла из одного элемента А (элемента SAL), это у египтян, как одноэлементное до-индоевропейское еще название (опять элемент А) ‘золота’ отложилось в Иране, в позднейшей персидской речи его населения и сохранилось в более архаическом переживании речи и первоначального населения Европы, именно в финской речи коми, или зырян, как сохранили одноэлементно название и ‘золото’ и ‘серебро’, именно раз-

¹) В сборнике „По этапам развития яфетической теории“, стр. 350, т. гу-тэш в диал. произношении.

новидности элемента, входящего в состав скифского термина, такие древнекультурные обитатели Азии, казалось бы ее аборигены, т. е. коренные жители, как китайцы, kip 'золото', gin 'серебро', а в Месопотамии у шумеров уже в скрещении—gishkip 'серебро'. Со всем этим напором терминологических фактов чисто исторического значения мы увязываем, благодаря анализу речи по новому учению, не только отвлеченные лингвистические данные с материальной культурой, но и т. н. до-историю, да и мифические предания о человеческой жизни с историю, как то выражено в следующем заключительном аккорде все той же статьи „Скифский язык“: „Геродот, или вернее его источники, и в этом отношении добросовестно повторяют то, что передавалось в народе в сказаниях мифического склада о *скифском золотом плуге* с неба, очевидно, со *скифского золотого неба*, о *скифском золоте* и т. п. Нужно ли прибавлять, что все космическое мировоззрение, с которым неразрывно связаны и религиозные представления, не что иное, как отложение успехов в эволюции хозяйственной жизни и ею порождавшейся общественности? Скифская общественность ушла далеко от первичной ступени развития с 'желудями' или древесным питанием, отложившим свидетельство своего господства в культовых образах, ставших одной орнаментикой на вещественных памятниках. Скифская общественность ушла далеко и от ранней ступени развития культуры с оленем в роли животного передвижения. За оленем и лошадь становилась культовой. Скифская общественность переживала, т. е. оставляла за собой ступень культуры с одной лошадью в роли животного передвижения. Скифы скрещены уже с кимерами или иберами, этими скитальцами Средиземноморья, вместе с этрусками мореплавателями, проторившими путь финикийцам - семитам и грекам - прометеидам (индоевропейцам)“.

„Скифский Пантеон знает и морское божество, и небесное, Посейдона и Афродиту, уже раздвоение или ипостаси одной [т. е. раньше единой] Иштари, в терминах иберского или кимерского происхождения. Яфетических до-исторических коней, в том числе и скифского коня, мы покидаем, чтобы переместиться на все еще яфетические кимерские и этрусские кони-корабли, для пути, освещаемого светилами уже астрального культа, и чтобы с яфетически понятным языком скифов из до-истории в'ехать в забытые человечеством,

замолчанные и ученым миром, исторические эпохи Средиземноморья“.

Таким образом, богиня Иштарь, так тесно связанная не только с названием Азербайджана, но и древнейшим отложением культовой терминологии в самих массовых низах Азербайджанской живой речи, небесная Иштарь, движущаяся или кочевая, она же еще и преисподняя или морская, т. е. мореходная, она все еще и земная, т. е. земледельческая, низводится палеонтологией речи к творившей ее одно время также нерасчлененной хозяйственно-общественной жизни. Лишь впоследствии, с дифференциацией в различные сменявшие друг друга эволюционные эпохи, выдвигался и развивался каждый тип хозяйства в отдельности, номадно-пастушеский и скотоводческий, и также скитальческий мореходный и оседло-земледельческий, если не говорить пока особо о всегда наличном торговом, меновом торговом моменте. Но с этрусками и кимерами этот торговый момент представляет уже самостоятельное дело, самостоятельное производство соответственного класса. Упоминание кимеров рядом с этрусками в цитованном заключении статьи „Скифский язык“ может смутить тех, кому впервые приходится слышать о новой языковедной теории, яфетической, или кому, далее ознакомления с нею по одной, другой работе из специальной по предмету печатной литературы, не приходилось углубляться, систематически изучать эти работы в последовательности развития теории.

О кимерах или, что то же по названию, иберах, строителях приморских городов вместе с италийскими купцами, плователями-разбойниками по Черноморью, начиная с Ольвии, тезки италийского города *Alba Longa*¹⁾,—столицы Этрурии, можно осведомиться в докладе, прочитанном в Керчи пролетариату под заглавием „Старая и новая археология, старая и новая культура“. Доклад появляется ныне, в переизложении его музейным работникам на краткосрочных курсах в Москве, в журнале „Краеведение“ Центрального Бюро Краеведения под заглавием «Значение и роль изучения нацменьшинств в Краеведении»..

Что же касается яфетических коней, то, распределенные сначала по племенам, лошади оказались, как и названия драгоценных металлов, одни и те же по названию в распоряжении народов от Японии и Кореи на Востоке с захватом

¹⁾ Ольвия и Альба Лонга (ИАН, 1925, стр. 663—672).

Кавказа и Передней Азии до Пиренейского полуострова на западном конце Европы. Одна работа, уже появившаяся в Докладах АН, так и озаглавлена „Берская ‘лошадь’ от моря до моря“, т. е. от Тихого океана до Атлантического, и этот материально-конкретный охват, на базе эволюции хозяйственно-общественного строительства, чисто языковых данных, казалось, исключительно отвлеченных звуковых явлений, лишь физиологически раз'яснявшихся и их общественно ничем не закреплявшихся норм,—охват, включивший и китайский, ныне расширяется внесением речи южно-африканского населения, готтентотов, это последнее уже достижение нового учения об языке.

А какое все это имеет отношение к актуальной задаче обследования Азербайджанского языка, а с ним к пересмотру и решению проблемы об единственно, как раньше казалось, связанных генетически с ним турецких языках? А я поставлю встречный вопрос: „Случайно ли мое вторичное выступление в вашем родном Университете?“ Я не знаю. Ответить может лишь отношение университетской аудитории к нашему общему делу. А какое это дело? Это дело, без которого шагу нельзя сделать вперед, дело осознания орудия межчеловеческого общения; в частности, нельзя осознать свою родную речь, нельзя, следовательно, осознать правильно республиканский язык, язык Азербайджанской Республики, если нет ясного и научно обоснованного представления о человеческой речи в целом, как категории социальной ценности, о том, что такое язык¹⁾.

¹⁾ Последовавшее за этим чтение на тему „Язык“ появится в русском переводе труда Вейле „Этнология“ (изд. „Прибой“).

Яфетическая теория.

Общий курс учения об языке.

§ 1. В работе моей „Происхождение терминов ‘книга’ и ‘письмо’ в освещении яфетической теории“¹⁾, говоря о отношениях современного состояния яфетической теории с ее недавним, весьма недавним прошлым, именно, что было всего года три тому назад, мы отметили следующее: „Яфетическое языкознание с тех пор успело не только двинуться вперед и пустить свои корни глубже в толщу массового материала, но и раздвоиться на две самостоятельные дисциплины, на две органически связанные, особенно по линии преемства, дисциплины, одно учение—яфетическое языкознание, т. е. учение об яфетических языках, особой [системе, т. н.] семье языков, представляющих собой по типологии речи пережитки до-исторических языков Афревразии [я бы теперь прибавил: и Америки с Океаниею, и Австралии] и ныне ютящихся в трех горных странах, на востоке в Памирской полосе, на западе в Пиренеях по одному языку и на Кавказе в составе значительно многочисленной и разнотипной массы. Другое учение—яфетическая теория вообще, в применении к речи—общее учение об языке, об его происхождении, о взаимоотношениях различных [систем, т. н.] семей языков в статическом их состоянии, отложений различных этапов развития звуковой речи человечества и об эволюциях ее как формальной типологии, так и идеологической“.

§ 2. Предмет настоящего нашего курса—это яфетическая теория вообще, т. е. общее учение, одинаково касающееся всех языков, одинаково важное и даже необходимое для всех, кто изучает какой-либо язык с желанием осознать его строй, само собой понятно, особенно важное для тех, кто собирается исследовать, тем более уже исследует, какой-бы то ни было язык, яфетический ли он или не-яфетический,

¹⁾ Книга о книге. Изд. Института Книговедения Гос. Публичной Библиотеки в Ленинграде (стр. 46).

и существенно необходимое для всякого работника по т. н. гуманитарным наукам, собственно социальным наукам, по любой из них, т. к. яфетическая теория, хотя языковедная, затрагивает основные интересы, принципиальные, во всяком случае генетические проблемы, всех наук о человеке, как общественном уже не животном, а деятеле, более того, общественном творце. У яфетического учения об языке, общего учения, есть органическая увязка с историей материальной культуры, следовательно, с хозяйством и экономикой; есть такая же увязка с историей общественных форм, следовательно, с социологиею и в широком и тесном смысле слова; само собою ясно, что при такой органической увязке с историей материальной культуры и с историей общественных форм, без нее в своих научных изысканиях не может обойтись ни один археолог, ни один этнолог, ни один историк искусства, ни один словесник, литературовед, занят ли он историей письменной литературы, доселе классовой, или народной, народным эпосом и фольклором, отложениями также классовых, но изжитых классовых культур, или изучает происхождение культурных сюжетов или художественных образов и форм. Наконец (и это, отнюдь, не последнее дело), общее учение об языке в освещении яфетической теории существенно необходимо для всякого общественника, для всякого общественного работника, откликающегося активно на окружающую действительность, работает ли он в порядке международных или спаянных с ними неразлучно национальных интересов, ибо в обоих случаях жизнь неумолимо ставит перед ним в том или ином виде вопрос о главнейшем доселе живом орудии общения, вопрос об языке в самых разнообразных плоскостях, именно об языках международных, живых и традиционных, мертвых, доселе также классовых, и хранителях классовых исторических культур, и об языках национальных, частью традиционных также классовых и также хранителях классовых исторических культур, но в значительной мере новых, зарождающихся, как обще-национальное достояние, в новых путях—в путях советской общности, с охватом прежде всего речи так называвшихся народных низов, крестьян и широких масс. Этого мало. Поскольку жизнь неумолимо ставит перед нами всеми вопрос о живом орудии международного общения, то этот важнейший и ни на минуту не устранимый вопрос нового интернационального общественного строительства нас вынуждает

38461

отвлечься от куцых перспектив настоящего, стойти от имеющих в нашем распоряжении ограниченных как бы натуральных средств или возможностей международно-язычного общения и говорить не о многочисленных международных языках, живых или мертвых, традиционных, всегда классово-культурных, и всегда неминуемо империалистических, а об едином искусственном общечеловеческом языке и говорить о нем не утопистически и не кустарно-самоделнически во вкусе и в поддержку европейского империализма, а в подлинно мировом масштабе с охватом языковых навыков и интересов не одних верхних тонких слоев, а масс, трудовых масс всех языков и стран, не исключая ни т. н. восточных народов, ни тех стран, которые до сих пор были заклеены как места ссылок или обречены как колониальные и „туземческие“ районы пассивно давать материал на метропольные строительства, быть своего рода пушечным мясом в созидании будущей культуры, как она планировалась и строилась до Октябрьской революции. И в этих новых, отнюдь не мечтах, а серьезных, совершенно трезвых думах о будущем всемирном едином языке мы снова возвращаемся к яфетической теории, к существенной необходимости знать ее общее учение об языке. Это вовсе не значит, что мы забываем о давних опытах создания искусственных международных языков, о существовании такого искусственного международного языка, как общественно преуспевающий эсперанто, как хотя бы проявляющий последние годы большую исследовательную активность язык ido. Это вовсе не значит, что мы отворачиваемся от них, как от *quantité négligeable*, т. е. от 'презренных величин', явлений, незаслуживающих внимания. Наоборот, мы в свое время к этим языкам вернемся, о них вопрос будет особо. Но сейчас речь об ином.

§ 3. Дело в том, что по яфетической теории человечество не начинало единым языком, а шло и идет к единству языка всего человечества. Яфетическая теория выясняет пути этой эволюции мутационного (перерожденческого) порядка, ряда смен одной системы другою, и технику каждой типологически новой системы, приближавшей и приближающей нас к будущему типу единого языка. Разумеется, на этом пройденном в течение многих и многих тысячелетий пути потрачено человечеством громадное количество труда и имеются поразительные достижения, многим кажущиеся,

многим именно из круга ученых кажущиеся, по темпераменту их или умонастроению, сказкой или, что то же, не заслуживающими доверия чудесами. Но может ли человечество отказаться от того, что достигнуто ценой столь длительных и громадных усилий?

Яфетическая теория учит, что язык, звуковая речь, ни в какой стадии своего развития, ни в какой части не является простым даром природы. Звуковой язык есть создание человечества. Человечество сотворило свой язык в процессе труда в определенных общественных условиях и пересоздаст его с наступлением действительно новых социальных форм жизни и быта, сообразно новому в этих условиях мышлению. Выходит, что натуральных языков не существует в мире, языки все искусственные, все созданы человечеством, и они не перестают быть искусственными по происхождению от того, что, раз они созданы, наследственно переходят от одного поколения к другому, точно природный дар, как бы впитываемый с материнским молоком в детском возрасте. Корни наследуемой речи не во внешней природе, не внутри нас, внутри нашей физической природы, а в общественности, в ее материальной базе, хозяйстве и технике. Общественность наследует, консервирует или перелицовывает свою речь в новые формы, претворяет ее в новый вид и переводит в новую систему. Ясное дело, что будущий единый всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей, как будущее хозяйство с его техникой, будущая внеклассовая общественность и будущая внеклассовая культура. Таким языком, естественно, не может быть ни один из самых распространенных живых языков мира, неизбежно буржуазно-культурный и буржуазно-классовый, как ни один из мертвых языков не смог стать международным в бывшем новом мире, до-октябрьском, да и в том бывшем мире ни один из них и не намечался вовсе как массово-международный. При новом дыхании жизни современной общественности не может не чужать наступления своего конца в самой своей стране даже такой тысячелетиями взращивавшийся общий для многих миллионов письменный язык, как китайский, не живой китайский язык, а мертвый письменный с его изжитой для современности техникой.

§ 4. Как же быть, когда непосредственные творческие факторы не в окружающей нас природе, вне ее производительных сил и вне внутренней нашей природы,

WB

вне нас, когда они лишь в общественности, а творческие факторы общественности, нас хотят уверить, неучитываемы? Так ли, однако, действительно обстоит дело?

Не буду останавливаться на стороне чисто социологической специальности. Насколько мне известно, до марксизма здесь та же неисповедимость. По этой части и книги в руки марксистам, у которых, однако, учение и по языку, в том малом, что ими освещено по языку, почти исключительно по вопросу о происхождении, до мелочей оправдывается независимыми языковедными исканиями яфетидологии. Однако, правда ли независимыми путями, если метод яфетической теории оказался, неведомо для нее, марксистским? О поразительных встречах марксистских мыслителей или учитываемых марксистами лингвистов с положениями и фактами, устанавливаемыми яфетической теорией, речь будет в особом параграфе общего курса. Там же речь будет о встречах с идеалистическими мыслителями, так новокантианцем Кассирером и даже индоевропеистами, так особенно с Шухардтом, не говоря о характере случайном или поверхностном этих встреч и не забывая, что авторы-лингвисты подобных мыслей, в частности и Шухардт, вовсе не являются выразителями господствующей лингвистической школы. Вопрос кардинальный по нашему предмету, по языку, именно в постановке проблемы о происхождении в зависимости прежде всего от внутренних общественных факторов. Вот тут то у нас коренное расхождение со старой лингвистической школой, индоевропейской. Для нее творческие факторы общественности действительно неучитываемы, прежде всего субъективно, именно потому, что вопрос о происхождении языка она сама считает неразрешимым, она отвергает даже существование такой научной проблемы. Между тем, яфетическая теория не только считает эту проблему научной, да еще первоочередной, но подошла к ее разрешению, перекинув бремя доказательств в истории языка с формальной стороны на идеологическую и создав особые в увязке с историей общественности обосновываемые отделы науки об языке, именно семасиологию, т. е. учение о значениях, и палеонтологию, учение о смене самих типов в хронологической друг с другом последовательности. Оба учения не по названию, а по существу в корне новой природы. Отсюда, придав эти особенности к указанным двум основным положениям яфетической тео-

Л³

рии, и менно созданности звукового языка людским трудовым коллективом и неуклонному движению языков в путях мутационного порядка, в путях развития взрывами, в зависимости от смены материальной культуры, ее техники и общественного строя, создаваемых систем в направлении к единству человеческой речи, рядом с эволюционными путями обособленного развития каждой народившейся системы, каждого языка, мы получаем ясное обязывающее положение. При таком положении на будущую речь человечества яфетическая теория не может иначе смотреть как на искусственно (имеющий быть созданным) язык, с тем отличием от прежней общественной работы в этой области культурных достижений, что бессознательный традиционный момент все более и более должен уступить место осознанному участию в ней, наследственная пассивность должна преобразиться, выделив из себя соответственную свою антитезу, в новообщественную активность, руководимую или планируемую на основании конкретных данных и техники творческой работы человечества прошлых веков, многочисленных веков и тысячелетий общих усилий над созданием речи, начиная с момента ее возникновения, когда из элементов, человечеством же в других целях созданных четырех элементов, позднее созидались и создались языки и образовались типологически различные их системы. Ни одно достижение древних не должно остаться не учтенным и не использованным в новом языковом строительстве. В связи с этим интерес именно к будущему, а не приверженность к древности и ее отмершим и отмирающим мировоззрениям заставляет направить свой исследовательский интерес в одинаковой степени и к языкам прошлых веков, не исключая мертвых, и ко всем живым т. н. отсталых, на деле отброшенных господствовавшими нациями и классами народов от сознательного активного участия в творившейся доселе культуре.

§ 5. В этой работе над выковыванием будущей единой речи не может, следовательно, быть обойден ни один национальный язык, ни одна племенная речь, как бы они ни казались теперь без роду и без племени, т. к. в них, даже изолированных и совершенно одиноких, мы имеем в сохранности драгоценнейшие остатки социальным настроением прошлого загубленных достижений, целых эпох общечеловеческого творчества в мировом масштабе. Вне этой общечеловеческой глоттогонии (созидания речи) не возникал ни

✓
один язык. Яфетическая теория подошла вплотную к утверждению этого положения, успев уже определить вполне или как никак наметить место всех главных более или менее цельно сохранившихся систем, не как продукта независимого творчества, т. н. расового, в разобщенных районах, а как отложения основных этапов развития человеческой речи, отвечающих основным этапам в эволюции хозяйственной жизни, общественных форм и соответственной материальной и надстроечной техники. Посильное, в пределах наличных пока достижений, изложение этой истории и представит учение об языке, общая часть яфетической теории, а не яфетическое языкознание, специальное учение об яфетических языках. Основные моменты самой теории, общего учения об языке, составляют и предмет настоящего нашего курса.

§ 6. Специальное учение об яфетических языках, также теоретическое учение, но в пределах их интересов,—интересов самих яфетических языков.

Следовательно, курса яфетического языкознания, учения специально об яфетических языках читать я не буду. Сравнительная их грамматика требует знания ряда языков, мало кому известных, не только в центре, но даже на Кавказе, даже здесь в Баку в окружении самих яфетических языков; она требует и особой подготовки. Но некоторыми сведениями об яфетических языках надо все таки овладеть, да и без элементов сравнительной грамматики именно яфетических языков, как формальной, так и идеологической, едва ли легко будет усвоить вполне содержание нашего общего курса. Те нужные сведения по яфетическому языкознанию и те элементы его сравнительной грамматики вношу я в наш общий курс. Желаящим приложить с своей стороны некоторые усилия к лучшему усвоению настоящего курса, углублению и уточнению излагаемых в нем мыслей может помочь литература вопроса, из которой рекомендую вашему вниманию „Абхазский аналитический алфавит (к вопросу о реформах письма)“, издание ЛИЖВЯ, для ознакомления с транскрипцией и „Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии“, издание (2-е изд.) Московского Института Этнических и Национальных Культур Народов Востока СССР, для общей ориентировки в существующих статьях. Значительно может облегчить слушателю восприятие нашего курса другое издание того же Института—Сборник статей моих „По этапам развития яфети-

ческой теории" (из этих статей особо рекомендовал бы работу „О происхождении языка“, немецкий перевод которой появился еще в январском номере минувшего (1926) года в журнале „Unter dem Banner des Marxismus“, в немецкой серии „Под знаменем марксизма“). Статья эта наиболее близка к современному состоянию яфетической теории, хотя, составленная год тому назад, она уже отстает от достигнутого этой теорией уже нового этапа своего развития.

§ 7. Чтобы понять, какой путь пройден ею до начала этого года с момента возникновения теории ровно сорок лет тому назад, достаточно взглянуть на предложенное в цитированной статье «О происхождении языка» генеалогическое дерево развития человеческой речи¹⁾, где нашли выражение своей органической связанности друг с другом все языки, кроме американских и африканских, ныне уже намеченных к внесению туда же, и сопоставить это построение с тем положением, которое, в процессе работы начальной стадии развития той же теории, мы отстаивали, в опровержение существовавшего дотоле взгляда о полной изолированности самих языков Кавказа. Собственно тогда речь шла в первую очередь о грузинском языке.

Не надо, впрочем, забывать и того, что на первичных стадиях развития лингвистики, тогда учения о той или иной группе языков, воспринимавшейся в начале без позднейшего уточнения, не то как особая семья, не то как особая система, вопрос об изолированности даже языков Кавказа не являлся в какой-либо мере догмой. Бопп, основоположник формального учения об языке, индоевропейского, один из основных языков яфетической системы, грузинский, кстати, тогда единственно изучавшийся и известный в научной литературе, разъяснил как язык индоевропейской семьи, и это мнение готов был разделить, можно сказать, разделял единственный тогда грузиновед Броссе, что не мешало ему отдельные слова грузинского языка об'яснять родством его с семитическими языками. Это понятно, если учесть то, что Броссе, единственный предшественник мой как специалист кавказовед в составе АН, был собственно историк, менее всего лингвист.

Значительно позднее, в эпоху возрождения и научного и общественного интереса к странам, принадлежащим к колониальным владениям Британской империи,

¹⁾ Unter dem Banner des Marxismus, Januar 1926, стр. 558—599, таблица та-же по существу в ПЭРЯТ, стр. 314, и здесь, стр. 41.

или к путям к ним, в частности, к морским выходам в Средиземноморье, работавший в Англии лингвист Макс Мюллер, специалист по санскриту, филолог, изолированные, как казалось, языки Кавказа, в том числе в первую очередь грузинский, вместе с турецкими и финскими языками, вообще урало-алтайскими, относил к одной формально определяемой семье, агглютинативной, которая ~~по~~крещена была в языкознании термином „туранская“. Туранская теория долго продолжала существовать в умах ученых, под ее влиянием часть их, занимавшаяся загадочными для тогдашней науки мертвыми языками клинописей Месопотамии и Кавказа, эламским, шумерским, ново-эламским и халдским, стремилась истолковать их с помощью грузинского, так Lepoint, Saussure, Hommel и др., все они без всякого или без элементарного достаточного знания грузинского языка, единственного сравнительно лучше, во всяком случае наиболее изученного яфетического языка.

Профессор Ленинградского, тогда Петербургского университета, специалист грузиновед А. А. Цагарели, выдавая за свое собственное мнение в 1872 г., печатно повторял по-русски взгляд, высказанный за 8 лет раньше, в 1864 г., буквально в тех же выражениях венским лингвистом Фридрихом Мюллером и гласивший следующее: „Грузинский язык (равно как и другие кавказские языки) не имеет генетической связи с индоевропейскими языками, но не может быть причислен и к урало-алтайским. Он, подобно баскскому в Европе, по всей вероятности, есть остаток некогда весьма многочисленной группы, распространенной на кавказском перешейке еще до прихода семитических, арийских и урало-алтайских племен на Кавказ и на юг“. Вскрывая взаимоотношение взглядов венского и петербургского профессоров, студент факультета восточных языков, ваш покорный слуга, в опровержение мнения обоих ученых о полной изолированности грузинского языка, а с ним и прочих коренных языков Кавказа, в заметке (по-грузински), помещенной в газете „Иверия“ за 1888 г., выдвинул тезис о родстве грузинского с семитическими. Тезис тогда же был формулирован так: „Грузинский язык по плоти и духу, т. е. в отношении корнеслова и грамматического строя, находится в родстве с семитической семьей языков; однако, связь его с упомянутыми языками не столь тесная, как связь этих последних между собой. Повидимому, грузинский

язык (собственно, три языка, грузинский, мегрело-чанский и сванский) происходят из одного пра-языка, почти столь же походившего на семитические языки, как семитические похожи друг на друга“.

Тезису этому было предпослано следующее осведомление: „Мысль о родстве грузинского языка с семитическими в науке высказывалась и раньше, но вскользь и без хотя бы той слабой попытки обосновать ее, какая понадобилась ученым для доказательства мысли о близости и родстве нашего языка с урало-алтайскими или индоевропейскими. Первая подобная попытка оказалась не безрезультатной. Еще года три тому назад [это значит в 1885-1886, т. е. ровно 41 год тому назад] я попал на след, давший вскрыть характерные особенности грузинского языка. По ознакомлении с арабским языком, я окончательно убедился, что у нашего языка много родственных черт с семитическими. Придя к такому выводу, я немедленно приступил к изучению еврейского и сирийского языков. С тех пор, с каждым днем все более и более накапливается у меня материал и растет число данных для доказательства с большей убедительностью и оправдания высказанного мною предположения. К слову пришлось и, думаю, было бы кстати, здесь же изложить вкратце ту мысль, которую в будущем мне предстоит обосновать“.

Та мысль, это только-что перед этим сообщенный тезис тогда же, т. е. в 1888 г., была изложена, но печатно дана была мне возможность лишь двадцать лет спустя, в 1908 г., опубликовать намеченное обоснование в предисловии труда „Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка“. Это предисловие гласило: „Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими“¹⁾. С ним был нанесен, в кругу заинтересованных специалистов, способных мыслить без шор, смертельный удар полной изолированности грузинского языка, было, благодаря уже выработанной к тому времени сравнительной яфетическо-семитической грамматике, положено начало установлению тесной углубленной взаимной связи самих яфетических языков Кавказа, в первую очередь грузинского и его ближайших т. н. сородичей, а затем и других яфетических языков Кавказа. Тогда же, в том же Предисловии, впервые было мотивировано введение в лингвистическую науку нового ус-

¹⁾ Перепечатано в ПЭРЯТ, стр 8-30.

ловного термина „яфетический“: смысл и значение его определяются успехами исследовательской работы над так названными языками, а вовсе не самим мифическим именем, также мало что определяющим в новой теории, как имена не менее мифических существ Венеры, Сатурна, Марса в столь исключительно точной науке, как астрономия ¹⁾.

Связанность яфетических языков вскоре выводит теорию за пределы Кавказа, а вскрытые ею пути взаимоотношений яфетических языков с не-яфетическими или не вполне яфетическими языками на самом Кавказе дают в руки новые приемы и технику, чтобы закономерно распространять эту связанность на группы языков, дотоле стоявшие (для большинства ученых и доселе стоящие) в изоляции и друг от друга и, конечно, от яфетических языков Кавказа.

Из отчета „О поездке к западно-европейским яфетидам“²⁾, равно из доклада на грузинском языке „Культурный фронт грузинской нации с лингвистической точки зрения“³⁾ можно воочию видеть, как та же связанность у народов, казавшихся расово различными, с языком включает и эпос. Яфетическая теория осветила сродство средневекового персидского романа „Виса и Рамин“ со средневековым французским романом „Тристан и Исольда“, поставив рядом с ними как сродное творение древнюю народную версию того же сюжета, отрывки из армянского эпоса о Сартенике или Исартенике-Исольде. В тех же путях яфетическая теория оправдала лингвистическим анализом термина «Тристан», имени героя французского романа, мысль известного французского исследователя Gaston Paris, что оно значит ‘солнце’, как имя Исольды оказалось означающим ‘воду’; она установила, что сюжет до-исторического происхождения, в источнике это сказание о космических явлениях, стихиях-божествах, и к народам позднейшей формации, французам и англичанам на Западе, как к армянам и персам на Востоке, сюжет попал независимо друг от друга к каждому одинаково из своих народных недр, именно народных недр своего культурного окружения, как пережиток эпоса первоначального населения одинаково и Европы и Азии, т. е. яфетидов.

¹⁾ Н. Марр, Абхазский алфавит, стр. 10-11; В. И. Абзев ЯС. IV, стр. 205-207.

²⁾ ЯС, III, стр. 1-64. (ПЭРЯТ, стр. 124—189).

³⁾ Мნაխობ, 1925, №№ 12-14: Qarḡvel eris kulturuli shubli enaḡmeḡ-nierebis miqedviḡ).

В работе „Чуваши-яфетиды на Волге“¹⁾, появившейся в печати в 1926 году, намечается, как речевая связанность человечества, обоснуемая общностью до-исторических переживаний, захватывает и русскую речь. Намечается насыщенность русской речи, независимо от ряда ярких чувашизмов, массово яфетическими словами.

Та же связанность человечества по речи яфетических языков Кавказа и оказавшегося с ними в родстве чувашского через финские языки Европы и Азии и палеоазиатские распространилась на китайский. Мы уже не говорим о том, что намечается, как готовая к разрешению, точно просящийся на сбор зрелый плод, проблема об увязке афреварийских языков с американскими и африканскими языками во всей полноте, не с одними северно-африканскими. В частности, о готтентотском или намайском языке нами в своем месте самого курса будут даны суммарно добытые пока положения.

Совершенно конкретно выступившие связи яфетических языков с финскими и далее с китайским дали материал для большей детальной скрепы яфетических языков Кавказа в их взаимоотношениях, притом, что так натурально, китайские и финские эквиваленты, одноэлементные, помогли вскрыть и правильно анализировать двухэлементные грузинские слова, позднейшие скрещения. Когда находим двухэлементное скрещенное слово г. *ga-te* на Кавказе || баск. *ga-w* („*gau*“) в при-Пиренеях Испании и Франции, в абхазском в том же значении оказался первый элемент *qa* (← *ga* → *ga*), то второй элемент *ve* также в значении ‘ночи’ самостоятельно оказался у одного из приволжских финских народов, именно мордвинов²⁾.

Когда двухэлементное скрещенное слово г. *tu-qa* ‘дуб’ (— *‘дерево’) во второй части *-qa* оказалось представленным в значении ‘дерева’ как спирантно *qa* || *qe* (г.), так сибилантно *ta* ‘лес’ и др., то первый элемент *tu*, у финнов с подъемом *t* в *r*—*ruu* → *ru*, сохраненным оказался у китайцев, везде со значением ‘дерева’. То же слово, отнюдь не единственное, оказалось объединяющим с народами Востока и западных европейцев, народы Средиземноморья.

¹⁾ Изд. Чувашского Госиздата.

²⁾ Н. Марр. Абхазско-русский словарь, изд. Академии абхазского языка и литературы (в Сухуме), Ленинград 1926. Введение, стр. XII—XIII.

Эта связанность стала углубляться увязкой с историей материальной культуры, равно поддерживаемая функциональным переходом слов, как названий, на позднейший предмет потребления с древнейшего в бесконечную даль минувших дней, много и много древнее эпох письменных языков, в том числе и яфетических ¹⁾. И вскрылись на той глубине такие связи между языками, о которых мы и не мечтали. Оказались такие абсолютно раньше неучтенные связи даже во взаимоотношениях наиболее, казалось бы, изученных языков—греческого и латинского, не говоря о совершенно дезственнно-нетронутых в этом отношении русском и финском, хотя бы суоми. После того, как выяснилось, что название 'хлебных злаков', да и 'печеного хлеба', равно 'муки' получилось из названия 'дуба-желудя', раньше заменявшего 'хлеб', стало ясно, что лат. *pan* + *i-s* 'хлеб' своей основой *pan* — в архетипе **paln*, при сохранении первоначального тут полногласия (ибо термин скрещенный двух-элементный ВС: бер-ионский) — **pal-an*, представляет архетип и греческого *bal-an* (*βάλαν-ος*) 'желудь', 'дуб'. Удивительно ли после этого отсутствие всякого чутья к восприятию и оценке таких же фактов во взаимоотношениях грузинского, финского и русского — во взаимоотношениях, завещанных от до-исторических эпох, примерно, того факта, что финское слово ныне для 'дерева' *pu* раньше в одиночестве означавшее 'дуб + желудь', как впоследствии скрещенный термин ком. *tu* + *pu*, морд. эрзя *tu* + *то* и т. п., у западных финнов звучащее с долгим *u* — *puu*, у грузин значит 'хлеб' и входит в состав названия 'дуба', ибо его архетип *pu*, у яфетического поныне народа, кавказского, грузин, в этой первичной именно форме *pu* действительно значит 'хлеб', а скрещенный с тем же, казалось бы, исключительно финским *pu*, resp. *то* ↔ *ти*, в составе грузинский же термин означает 'дуб', звуча *ти-qa*, в архетипе **ти-ka*, что пережило у русских в виде слова «мука» со значением всем вам хорошо известным. Удивительно ли, что не учтены в этом отношении ни в какой мере факты из взаимоотношений иранских языков с финскими языками Вол-Камья (Волги и Камы)? Так же просле-

¹⁾ Н. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до-истории (Изд. КИАИ); его же, Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры (Сообщения ГАИМК, I, стр. 37-70).

жено то же самое слово *rig* (форма окающей, в яфетических языках-шипящей группы) в идеальной безукоризненности окающей, *resp.* свистящей разновидности *rai*, которую сохранили прометеидские („индоевропейские“) народы Средиземноморья в указанных уже видах, греки в значении 'желудя', римляне 'хлеба'. В чувашском, определившемся в своих сравнительно более цельно удержанных яфетических переживаниях как язык шипящей группы, этот же термин, с обычным для чувашской фонетики перерождением плавного *г* в *г*—*ru*, сохранился в скрещении с ионским, как в греческом и латинском эквивалентах, элементом (С), но окающей формы *op* с утратой исходного носового и редукцией губного гласного *o* в звук *э*, в общем, следовательно, *ru*-*э*, что значит обычно в соединении с *тыг-э* 'хлеб'. И совершенно такое же образование и по огласовке, и по скрещению с ионским элементом, но ионским элементом сибилантной ветви *don*, в усечении в виде *d*, мы имеем в персидском *bu*+*u*-*d*, еще лишь со значением 'дуба', а в монгольском тот же *don* то в полном виде, то также с отсечением *op*, да элемент *B* без плавного исхода в виде *то*, налицо также в скрещенном слове *то*+*don*→*то*+*d*, получившем уже общее значение 'дерева'.

§ 8. Естественно, за этот долгий исследовательский путь мы вынуждены были расстаться с целым рядом представлений, прежних, как казалось, незыблемых научных положений, о расовых языках, о существовании кустарно строившегося пра-языка, о вне исследуемой лингвистической среды за горами за долами находившейся пра-родине тех или иных народов, да еще пра-родине с райским бытjem фантастического пра-языка, о меж'языковых китайских стенах, о хронологизации языковых явлений на основании письменных памятников и сосредоточении исследовательского внимания на письменных, особенно мертвых языках, в ущерб и умаление бесписьменных и живых, представляющих громадное значение для науки об языке, об исключительном значении морфологии, о неважности, во всяком случае второстепенности лексического материала сравнительно с грамматикой, о национальной или первородной племенной чистоте языков, и т. д., и т. д. Пришлось постепенно расстаться со всем этим абсолютно ненужным, вредным багажем. Пришлось перенести бремя доказательств и направить острие интереса на другие явления и предметы,

как-то изначальное скрещение в звуковой речи, вместо простоты и чистоты, система вместо расы, живые языки вместо мертвых в первую очередь, идеологический анализ вместо формального, более того, качественное улучшение исследования формальной стороны идеологическим ее обособлением, выдвигание вперед значения материальной культуры, хотя бы самой примитивной, вместо художественной стороны в такой степени, что в одном из своих докладов прошлого года в Академии Истории Материальной Культуры, докладе „О скифском языке“, докладе, впервые прочитанном на состоявшейся в сентябре Керченской Археологической Конференции, с полным убеждением в своей правоте, я вынужден был, рискуя прослыть вандалом, воскликнуть: „Долой Милосскую Венеру, да здравствует мотыга и мотыжная культура!“ Ибо лишь материалистическая постановка изучения культурных достижений человечества может научно разъяснить, будь это художественный памятник такого исключительного значения, как Милосская Венера, или такая культурная ценность, как также созданная человечеством звуковая речь, результат коллективной творческой работы трудового человечества, отложение находящегося еще и сейчас в полном ходу единого мирового глоттогонического процесса, идущего в такт с хозяйственно-социальным строительством в путях внеклассового омеждународования.

А как относится ученый мир к новой теории? Если исключить тесный, чрезвычайно тесный круг моих учеников и ближайших наших немногочисленных последователей, ученый мир в лучшем случае относится никак, продолжая поживать в дремоте на достижениях первой половины XIX-го века. Хотите доказательство из русской научной литературы? Достаточно одного утверждения из рекомендуемого и сейчас в Ленинградском университете по курсу общего языкознания учебника выдающегося по вполне бесспорным заслугам в своей специальности, авторитетного индоевропеиста-лингвиста, учебника, выходящего уже шестым и далее изданием¹⁾: „На Кавказе различные племена говорят на языках, частью родственных, повидимому, друг с другом, как южно-кавказские языки: грузинский, мингрельский, сванетский, частью не родственных ни между собой, ни с другими, как северо-кавказские языки: черкесский, чеченский, лезгинский и др. Все эти языки в науке называются «кавказскими»“.

¹⁾ Н. Г. Ушаков, Краткое введение в науку о языке (6-е издан. Госиздата 1923 г., стр. 110).

В какой науке? Очевидно, в почившей науке.

А на Западе? Там и в наши дни, когда на основе скрупулезного учета особенностей яфетической системы языков вообще, да все углубляющегося изучения части кавказских ее представителей сложилось новое учение об языке, определенное классовое мировоззрение заставляет наиболее сильного поборника отжившего учения выявлять к тому, что делается по Кавказу благодаря незыблемо установленным положениям яфетической теории и что уже сделано, такое изумительное отношение, какое заслуживает в назидание потомству быть занесенным как классический образец былой претензии индоевропеистической лингвистики судить и рядить по неподсудным и недоступным ей языковедным областям. Вот сам документ ¹⁾: „А. Дирр, заслуги которого известны в изучении Кавказа, предпринял периодическое издание, посвященное народам Кавказского края. Это счастливая идея. Все более и более (*de mieux en mieux*) выясняется, как важно для освещения до-истории Европы изучать эти народы, которые единственные или почти единственные хранители остатков некоторых языков и некоторых обычаев. Но нигде как здесь не требуется наибольшей тонкости в изысканиях. Приходится быть перед простыми обломками. Исторические данные не снабжают почти ничем. Сравнительный метод оказывается, следовательно, особенно трудным для применения в деле, как вследствие того, что эти языки, за исключением грузинского, засвидетельствованы за новейшие времена, так вследствие особенностей структуры самих языков, и, что еще более тяжко, вследствие того факта, что в начале не видать никакого общего великого культурного языка. Потому то, как везде, где работа сопряжена с особыми трудностями и где трудность к чему-либо подойти удерживает осторожные умы [или благоразумных—*les esprits prudents*], множатся, как это видно, торопливые опыты и скороспелые заключения по этой области, где часто фантазия играет черезчур большую роль“.

Если исключить с одной стороны то, что у А. Дирра имеются, разумеется, свои бесспорные заслуги в определенной части языковедной работы по Кавказу, с другой—действительное умножение и за последнее время торопливых и

¹⁾ Взят из помещенного в *Bulletin de la Société de Linguistique* [т. XXVII, 2 (1927)], стр. 192—193 отзыва проф. Meillet о немецкой серии, *Caucasica* ed. A. Durr, Leipzig (*Asia Major*), fasc. I (1924), II (1925).

скороспелых суждений об языках и вообще культуре Кавказа, и в то же время не менее действительный факт, что «все более и более» или, говоря буквально словами самого Meillet, „все лучше и лучше“ раз'ясняется, как важно изучение народов яфетического Кавказа для изучения до-истории Европы (и только ли до-истории), то остальное в утверждении высокочтимого лингвиста-индоевропеиста сплошное недоразумение или по полному незнанию истории Кавказа или по несоответственному действительности представлению об исключительно благоприятных возможностях лингвистической работы именно на Кавказе, — представлению совершенно извращенному, в зависимости от омертвелости изжившего себя старого учения об языке, индоевропеистического.

Остается одно: учиться и продолжать исследовать, расширяя круг исследуемых языков с их массовым материалом и смыкая круг учащихся и исследователей с радужно многоцветными интересами в рабочем сосредоточении над единым творческим процессом человеческой речи и дать поскорее заменить старую омертвевшую науку новой, живой, жизнеспособной и творческой.

Есть-ли основание на это надеяться, покажет ход нашего курса и активность в нем вашего участия.

§ 9. Казалось бы, нам теперь следовало перейти к будничной рабочей части курса, скользя по параграфам или статьям, ознакомить вас с основными положениями учения об языке, почему-то и мною называемого новым, хотя всей системе, вступившей в эпоху бурного своего развития после Октябрьской революции, как вам уже было сообщено, добрых четыре десятка лет, да еще один год, а у многих отдельных мыслей того же учения возраст значительно более внушительный, значительно древнее моей „древности“ и научной, и даже личной физической.

Прощаясь с прошлым в общей постановке яфетического учения об языке, мы, однако, не должны забывать двух вещей.

Во-первых, не надо забывать того, что у меня формулировано в „Классифицированном перечне печатных работ по яфетидологии“¹⁾: „Яфетическое языкознание отнюдь не вылетало подобно Афине-Палладе из головы Зевса: 1) оно родилось в той же буржуазно сложенной и скроенной научной среде, бо-

¹⁾ Ленинград 1926, 2-е изд., стр.

лее того—зачалось, разумеется, как антитеза, в нормах индоевропейской лингвистики, без которой его и не было бы,
2) [оно] с трудом высвобождается последние годы из пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологически научной работы“.

Во-вторых, надо восполнить тем, что формулировано было мною еще в Керчи во время конференции археологов в упоминавшемся уже публичном докладе. Он переработан в начале сентября минувшего года и ныне печатается в журнале ЦБК „Краеведение“, уже переизложенный, первый же раз читавшийся под заглавием „Старая и новая культура, старая и новая археология и задачи культурного строительства, стоящие перед Советской властью“. Там была речь об археологии, о новой археологии в противоположность старой¹⁾: „Новая археология, уже нарастающая и выросшая“, говорилось там, „также не в силах, однако, пустить глубокие корни, если не сбережет блестящих достижений старой археологии, как позднейшие культуры быстро отцветали, если не умели вобрать в себя культурные достижения предшествовавших веков, чем отборнее и сильнее, тем лучше. И, желая здорового и роскошного расцвета новой советской культуры, не можем не стремиться к тому, чтобы новая археология, археология динамическая, наиболее действенно помогла советской власти в ее задачах по сохранению культурных ценностей прошлых эпох и по бережной пересадке их в новое хозяйственно-культурное строительство“.

Археология это история материальной культуры, и достижения ее в прошлом, допустим, в тех или иных случаях могут быть использованы, но какое дело Советской власти до языков и языковедных теорий при ее и без того сложном хозяйстве и при направляемом с соответственной целевой установкой культурном строительстве? Разве ей можно в задачи ее культурного строительства вносить языковедные интересы в таком широком объеме? Однако, вносить эти интересы в задачи культурного строительства Советской власти нет никакой надобности, ибо они внесены октябрьской революцией. И здесь позволю себе опять самоцитирование из того же доклада Керченскому пролетариату, где было сказано²⁾: „Величайшим залогом лучшей и полной охраны сде-

¹⁾ Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении („Краеведение“ № 1, 1927 г., отд. отт., стр. 20).

²⁾ Ц. с., стр. 19.

ланных человечеством на всех пройденных им этапах развития культурных достижений и в то же время новой неусыпно-творческой работы является дар октябрьской революции, это не только предоставление раскрепощенным нациям с историческим прошлым самоопределения, но и призыв к активному по науке и просвещению самоопределению всех народов и племен, не исключая народов и племен с одним этнографическим культурным багажом, народов и племен без исторического прошлого, народов, казалось бы, лишь «отприродных» (Naturvölker) в противоположность народам культуры (Kulturvölker). Октябрьская революция общественно упразднила это деление, как отвергает его яфетическая теория, вынужденная к тому языковыми данными". По этому случаю не могу не поделиться соображениями уже не собственными, а наблюдателя со стороны из западной буржуазной среды, германской. В статье „Naturvölker und Kulturvölker“, помещенной в „Die Friedenswarte“¹⁾, по вопросу высказывается Wolfgang Steinitz, молодой ученый, специализующийся как лингвист по финским языкам и в 1926 году приезжавший в Ленинград. Так в статье той он пишет: „Сравнительно с сотнями тысячелетий древнего развития человечества не могут идти в противовес немногие тысячи лет, которыми мы «опережаем» в развитии..... Далее, т. н. «варвары», «отприродные народы» часто становились действительно культурными народами. Так, именно как на «варваров» смотрели греки и римляне на все народы запада и севера Европы, подлинных носителей позднейшей европейской культуры, и так их характеризовали. Тоже самое делали в средние века немцы со славянами, также поступали еще позднее с финнами; а сегодня славяне и финны—члены европейского культурного сообщества, пользующиеся уважением наравне с другими. Новейший же пример развития «отприродных народов» в «народы культуры» происходит на наших глазах в России. Национальная свобода в новой России распространяется не только на признанные культурные народы, как то украинцев, немцев, армян и др., но на все большие и малые народы восточной России и Сибири, которых у нас отчасти не знают и по названиям (напр., мордвин, черемис, абхазов, затем татар, киргизов и т. п.). Первый раз в истории, насколько она нам известна, народам, которых характеризовали как малоценных (minderwertig), стоящих на стадии выми-

¹⁾ XXVI Jahrgang, Heft 8.

рания, дано право на свободное собственное духовное развитие на их языках, и мы видим соответственно, как за восемь лет на этих языках развилась не только богатая литература пособий саморазвития и учебников, но также в полной мере поэзия, стихотворения, рассказы, песни и т. п. Для тех, кто мало-мальски знаком с прежней духовной жизнью этих народов, эта борьба за новые формы и содержание представляет глубоко захватывающее зрелище“.

Но разве это «глубоко захватывающее зрелище» не является не менее глубоко потрясающим, когда мы смотрим на дело не с птичьего полета, а придвинуты советской общественностью и самой жизнью вплотную к его практическому разрешению без наследия требуемых навыков, необходимых знаний и целесообразных методов, между тем мы от практического разрешения поставленной перед нами задачи можем уйти лишь ценой отказа от основ советской общественности. Но чтобы разрешить эту задачу, сделать активными деятелями по культурному самоопределению отсталые народы без письменности, без традиции национального просвещения, надо самим учиться многому новому и прежде всего ясно понять, усвоить как аксиому и как положение теоретической науки, что все народы мира, все языки, в том числе и самые отсталые, казалось, самой природой созданные как дички, не терпящие культуры, являются неотъемлемыми частями одного целого — единственного в процессе творчества находящегося общечеловеческого языка. Однако, прежде чем двигаться дальше, надо ознакомиться с техникой формального анализа и терминами яфетического языкознания.

§ 10. В технику и термины яфетического языкознания войдут аналитическая транскрипция, знаки, под'ем и падение, ослабление звука и классификация по ветвям и группам, племенное название, скрещение, семантический ряд, гнездо и т. п. Знаки: \rightarrow , \leftarrow , куда острое, там результат, дериват, вообще, позднейшее явление, так даже $s \rightarrow z$, $t \rightarrow d \rightarrow \delta$ Падение \times , \times , под'ем \times , \times : $\delta \times s$, $s \times \delta$, $\delta \times ш$, $ш \times \delta$, i у и т. п. Неразрывные парные разновидности одного явления, или амплитуда безразличного в языках яфетической системы колебания, напр., $o \leftrightarrow u$, $v \leftrightarrow m$. Пара вертикалов (\parallel):— чередование в одном и том же ряде согласных сибилантов $s \parallel ш$ или спирантов $h \parallel \epsilon$. Рогатина \vee : перебой, замена звука одной полости рта (напр., передней) другой, (напр., заднюю) $s \vee h$, $t \vee k$, $t \vee k$.

Из гласных:

Основные сильные дифференцированные: а, е ↔ і, о ↔ у;
 слабые э ↔ ы, редукции сильных э × о, ы × у;
 составные (или затемненные, они же смягченные): ä ↔ ö;
 полугласные (слабые): $\tilde{a}, \tilde{e} \leftrightarrow y$ (вм. \tilde{i} или \tilde{i}), $\tilde{o} \leftrightarrow w$ (вм. \tilde{u} или \tilde{u});
 долгие гласные: $\bar{a}, \bar{e} \leftrightarrow \bar{i}, \bar{o} \leftrightarrow \bar{u}$;
 носовые гласные: $\tilde{a} (\leftarrow an), \tilde{e} \leftarrow \tilde{i} \leftarrow (en \leftarrow in), \tilde{o} \leftarrow \tilde{u}$;
 (on \leftarrow un). Над і не ставится точка по основному положению системы, у, w входят и в согласные (спиранты по формальному учению о звуках), они заменяют часто плавные и т. п. потому имеют самостоятельные начертания, не в линии гласных.

В гласных три основные разновидности: а, о (с двойником u) и е (с двойником і).

И в согласных надо раз навсегда отметить, что яфетические языки застаем в обладании трехступенности согласных, каждый сильный согласный может быть представлен в трех ступенях озвончения (по крайней мере), если язык не перешел в прометеидизм («индоевропеизм»), так:

	сибилянтной ветви	спирантной ветви
простые:	t d θ	k g q
аффрикаты:	$\left\{ \begin{array}{l} cc \quad \tilde{t} \tilde{d} \tilde{\theta} \\ шп \quad \tilde{t} \tilde{d} \tilde{\theta} \end{array} \right.$	длит. $\dot{k} \dot{g} \dot{q}$
		прерыв. $\underset{\cdot}{k} \underset{\cdot}{g} \underset{\cdot}{q}$

Добрая часть наших терминов, даже в части о фонетике, не физиологического, а общественного смысла. Как язык вообще в целом создание общности, так не только гласные, но и согласные различаются слабые и сильные не потому, что при произношении одних произносительные органы делают меньше усилия, при других больше, а потому, что это выяснено и факт, слабые согласные легко изменяют себе, они то переходят в тот или иной звук, то нет, легко бесследно исчезают, а сильные держатся устойчивее. Естественное обращение слабого в сильный мы называем подъемом ×, κ, а обращение сильного в слабый — падением, не потому, что сильные звуки произносятся на каких-либо верхах в полости рта, а слабые на низах, а так как с подъемом и падением мы, как в социальной организации, связываем с первым жизненность, выявление большей энергии и работоспособности, устойчивость и активность, а с падением — замирание и умирание, что не всегда значит исчезновение, а переход

от активной роли к пассивной, от самостоятельного значения лишь к подсобному, напр., ослабление гласного *i* в *y* мы называем также падением, как и падение согласного *g* в *u*. Формулы этих двух падений $i \times u$, $g \times u$, и вот, какого бы ни был происхождения звук *u*, полугласный ли он или слабый согласный, относимый в спиранты, легко исчезает как слабый согласный, но не всегда бесследно, часто он незаметно соприсутствует; так, когда ему предшествует гласный, напр., а в группе *au*, то сохраняется, как «*у*», то исчезает бесследно или перерождается в «*е*» (пройдя процесс переработки по формуле $au \rightarrow eu \rightarrow e$), а то (это в языках с долгими гласными) — *au* и *aw* обращаются в долгий *a* и *u* и *uw* в *u* (полугласный *u*, т. е. *w* отсутствует самостоятельно, но соприсутствует в долготе), напр., в *суоми* *mā* («*таа*») 'земля' *vm. mal*, *resp. maq*, или *pu* = «*пуу*» 'дерево' *vm. puq* и т. п.

Существуют, как и гласные, слабые и сильные согласные. Слабые согласные: 1) сибиланты двух категорий, свистящие $s \rightarrow z$ и шипящие $ш \rightarrow ж$, не говоря о сложных s_1 , z_1 , $ш_1$, $ж_1$ и т. п., 2) спиранты также двух категорий, именно длительные $ʃ \rightarrow ʒ$ и моментальные или прерывистые $ɕ \rightarrow ɟ$, не говоря о сложных $ʃ$ и других оттенках придыхательного *h*. Сильные согласные простые (всегда в трех ступенях) переднеязычные — *t*, *d*, *ʈ*, заднеязычные — *k*, *g*, *q* и составные (собственно, диффузоиды, именно аффрикаты), о которых дальше, но одно сейчас: воспринимаемые как составные, одни — сибилантные, если в их состав входит сибилант, напр., \check{d} (*dz*) и \check{d} (*dj*), другие — спирантные, если в их состав входят спиранты, напр., \check{q} (*qh*) и \check{q} (*qɕ*). Более того, как и слабые сибиланты, одни из сильных сибилантных согласных бывают свистящие, так \check{d} — сильный сибилантный согласный свистящий, а другие из сильных сибилантных согласных — шипящие, так \check{d} — сильный сибилантный согласный шипящий; равным образом, как слабые спиранты, одни из сильных спирантных согласных бывают длительные, так \check{q} , другие — моментальные или взрывные, так *q*).

§ 11. По транскрипции, думаю, достаточно сообщить ее основы, — во-первых, вы могли следить за тем, что излагается с иллюстрацией примерами, во-вторых, чтобы, усвоив эти основы, вы легче могли одолеть книжку уже цитованную „Абхазский аналитический алфавит (к вопросу о реформах письма)“. Пусть каждый студент или аспирант проштудирует

ее. Абхазский алфавит тем удобен на первых порах для примерного изложения яфетидологической транскрипции, что, будучи цельным в себе, т. е. алфавитом одного языка, он вмещает знаки, выразители такого разнообразия звуков, что с избытком может удовлетворить потребности в изображении звуков большинства языков, даже яфетических языков, а количественно всегда их превосходит, так в трехзначных буквах, в роде t° *) надобности не имеется почти ни в одном из других яфетических языков.

Одно из положений яфетидологического алфавита это то, что ни один простой звук не может быть изображен сложным или составным начертанием и ни один сложный или составной звук не может быть изображен простым начертанием без нарушения системы, а систему нельзя нарушать, т. к. иначе мы возвращаемся назад от сделанных лингвистических достижений.

В чем же система? В том, что буквы воспринимаются как цифры. Буквы должны стать столь же понятными и общими, как цифры, не каждый звук с особым начертанием, а лишь основные простые звуки каждый особым стержневым изображением, как в цифрах 1, 2, 3 и т. д. до 9, а сложные буквы, будут ли они двухзначные, своего рода десятки в цифрах—10, 20, 30 и т. д., трехзначные, своего рода сотни в цифрах—100, 200 и т. д., сохраняют те же стержневые знаки, что в единицах-звуках, т. е. простых звуках, но с придачею условных начертаний слабых звуков, как нуля или нулей в цифрах, именно сибилантов, в виде $\frac{\cdot}{\cdot}$ $\frac{\times}{\times}$

так

единицы

t

k

десятки

$t + w = t^{\circ}$

$t + s = \dot{t}$

$k + w = k_{\circ}$

$k + h = \dot{k}$

сотни

$t + s + w = t^{\circ}$

$k + h + w = k_{\circ}$

При такой системе нет надобности брать каждую букву, как особую феодальную крепость. Система яфетидологическая не только уменьшает число потребных основных букв, стержневых их частей, своего рода единиц, доводя их лишь до числа простых звуков, поскольку речь о сильных согласных, и не только значительно уменьшает число потребных для изображения слабых сибилантов (s, z, ш, ж и т. п.) и

*) См. сноску на стр. 6.

спирантов (h, γ, ε, у и т. д.) в составе сложных звуков, доводя их до двух знаков . и ~ (почти, следовательно, до одного как в цифрах 0), по месту их размещения, четыре, по значению восемь, четыре в сибилянтах при сочетании с переднеязычными и четыре в спирантах при сочетании с заднеязычными: s (·), ш (—), z (≈), j (̄), h (·), ε (—), γ (≈), у (̄).

Таким образом, повторяю, яфетидологическая транскрипция не только доводит выражения сложнейших звуковых величин до простых цифр, но в то же самое время выделяет взаимную связанность одних звуков с другими, одних групп с другими, а не затушевывает ее или совсем закрывает. Больше об этом можно осведомиться по цитованной книжке. Здесь даю таблицу яфетидологического алфавита более простого состава, именно грузинского алфавита (сравните по цитованной книжке со сложнейшим абхазским). Впрочем, в таблице больше знаков, чем в грузинском алфавите, утратившем глухой спирант ε, звонкий спирант γ и не имеющем g и т. п.

слаб. сильные слаб.
сиб. простые спир.

	t ∨ k	d ∨ g	ʃ ∨ q	
	составные			
s = ·	ṭ ∨ ḳ		ʃ̣ ∨ q̣	h = ·
z = ≈		ḍ ∨ ḡ		[γ] = ≈
ш = —	ṭ ∨ ḳ		ʃ̣ ∨ q̣	[ε] = —
j = ̄		ḍ ∨ ḡ		y = ̄

Об остальных согласных—в семинарских занятиях или все по той же цитованной книжке. Так то в числе этих остальных звуков есть l, m, n, но их объяснять не приходится, разве не упустить:

1) двух типов этих звуков, в целом трех типов их произношения—мягкого l₁, m₁, n₁ (иотиров.), среднего l, m, n и жесткого l, m, n

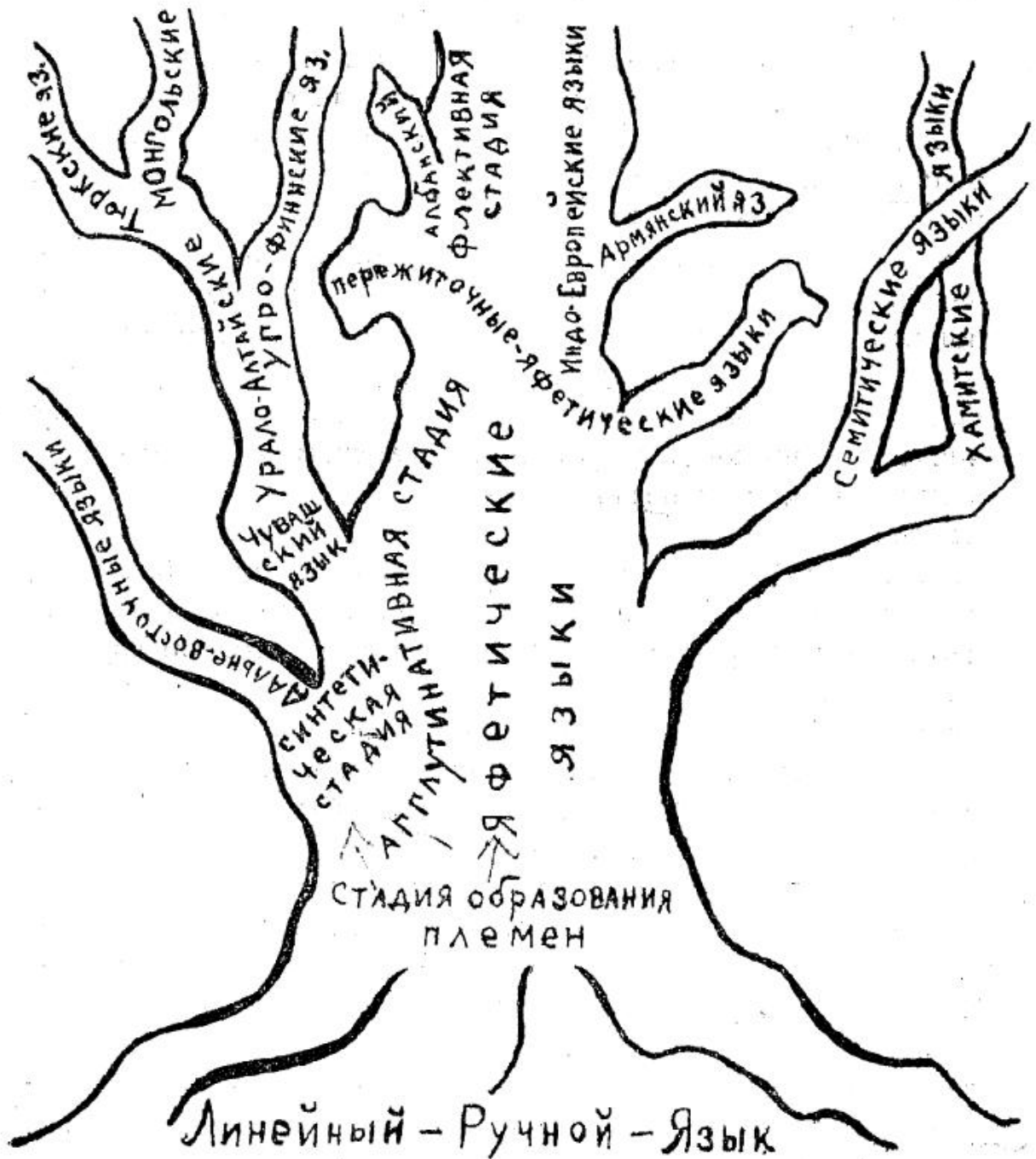
2) и исчезновения n в назализации предыдущего гласного а и т. д., см. § 10 (выше, стр. 40).

§ 12. С первых же шагов мы делали ставку на внедрение в вас общего представления о происхождении, сложении и развитии языка. С первых слов нашего приветствия мы имели в виду это задание. Мы с этой целью общему курсу предпослали, кроме того, статью об языке. Самый курс вчера начали с лекции, первой лекции курса, которая в известной мере суммировала содержание всего курса в его намеченном новом теоретическо-научном устремлении, выдвинутом ударным моментом общего учения об языке с точки зрения фактически малоизвестной даже в научных кругах яфетической теории. Естественно, эти вводные части с общими местами, сравнительно более доступные, могли создать известное настроение, содействовать хотя бы у части слушателей временному подъему настроения аудитории, но нам всем надо быть на страже, чтобы этот подъем не стал мимолетным. Трудно его сохранить в тягучие моменты изложения элементарных сведений о письме, яфетической транскрипции звуковых явлениях того же элементарного порядка, без которых, однако, нельзя ни правильно понять излагаемое, ни, тем более, нельзя использовать усвояемые положения каждому в своей специальной учебе, особенно, в занятиях по языку своей специальности.

Думаю, для этого необходимо получить ясное представление о том, какое количество проблем ставит яфетическая теория, уже в целом и общем проторившая путь к монистическому началу в изучении языков.

§ 13. Вашему вниманию уже была рекомендована на прошлой лекции статья о происхождении языка, раньше появившаяся на немецком языке в переводе, но ныне наличная в русском оригинале, там в частности имеется генеалогическая таблица, точнее генеалогическое дерево, с классификацией языков в их взаимной связанности. Тогда же было нами упомянуто, что в этой таблице не хватает американских и африканских языков, да и Океании, которых происхождение уже более, чем намечено. Есть в генеалогическом дереве другие более существенные дефекты, хотя бы то, что дерево с его натуральными ответвлениями мало подходит для фигурного изображения классификации языков, разъясняемых не по родословному их наследованию, а по мутационно-эволюционному развитию одних систем вслед за другими и попутным отбрасыванием, как реликтовых отложений, всего незахваченного в полной мере мировым процес-

сом такой эволюции, в поворотных пунктах отмечаемым явлениями порядка взрыва или революции. Есть и специальные технические дефекты в исполнении задания. Мы сделаем посильно поправки всех этих дефектов и, если не дадим опыта нового рисунка, опыта современной нашему нынешнему пониманию классификации, то сейчас поделимся всеми предпосылками для его составления, в первую очередь предложу вашему вниманию «генеалогическое древо» языков, как оно появилось в русском оригинале цитированной статьи. Повторяем схематическое разъяснение из той-же статьи:

1) Вершина, теоретически имеющая венчать все предшествующие стадии развития звукового языка, единая речь, общечеловеческая.

2) Ниже, наличное завершение—«индоевропейская семья» языков, по нашей терминологии «прометеидская система языков», формально, именно морфологически, флективная стадия развития.

3) Ниже, справа от ствола и слева, отставший от его роста сучек: пережиточно наличные, известные с исторических эпох яфетические языки; они стоят на различных ступенях типологического развития, с наглядным сохранением пережиточных форм предшествующих эпох на стадии, близкой к системе языков прометеидских (т. н. индоевропейской семье), степенью одной еще ниже к семитической системе.

4) Ниже, отошедшая от роста ствола ветвь, ближайше родственная с флективными группами яфетических языков, семитическая семья языков, по нашей терминологии ныне—семитическая система языков.

5) Ниже, слева, отставшая от роста ствола ветвь, урало-алтайская группировка языковых семей (по нашей терминологии—алданская—по имени мифического героя турецких народов Алдана—система языков), типологически более близкая к яфетическим языкам с агглютинативным строем, в числе их сванскому, мегрельскому, чанскому и из двух грузинских народному (не книжному древне-литературному), с чем намечается место тут же вслед за турецкой группой, т. н. турецкой семьею—с одной стороны для угро-финской группы, с другой и для монгольской группы, все благодаря чувашскому языку (угро-финская не за языками турецкой группы, как оказалось в немецком издании, а раньше ее; и раньше их всех, как бы у преддверья или зари возникновения алданской системы, чувашский язык, открывший путь в языки всех трех видов алданской системы, особенно угро-финской и турецкой групп, с последней из которых у него, чувашского языка, кроме того, особые независимые связи).

6) Ниже, также слева, отставшая от роста ствола ветвь, т. н. хамитическая «семья», которая, т. е. система хамитических языков, по выделении позднейшего вклада из языков семитической системы, морфологически проявляет агглютинативную и еще более синтетическую природу, т. е. характер типологического развития тех из яфетических языков, которые примыкают к абхазскому типу, а вне круга

яфетических языков основной слой хам. группы примыкает к системам уранической и алданской.

7) Еще ниже синтетическое состояние языков, аморфное, в самих яфетических представлено пережиточно языками абхазского типа: это ураническая система языков.

На этом родословном дереве особые места надо отвести четырем языкам: 1) двум гибридным или, вернее, в основе скорее переходным от яфетидизма к прометеидизму (т. н. индо-европеизму) типам, одному из двух языков Армении на Кавказе и одному албанскому на Балканах и 2) двум еще переходным от яфетидизма к алданизму (т. е. урало-алтаизму) типам: народному из пары языков Армении на Кавказе и особняком стоящему на Волге чувашскому, который в основе также не гибрид, а переходный тип, но проявляет признаки прерванного скрещения с финскими языками и застигнут современностью в период борьбы двух уже исторического порядка процессов воздействия со средних веков турецких народов, особенно длительно казанского татарского и затем русского.

Однако, вся генеалогическая таблица требует и по полноте и по подробностям пересмотра и уточнения.

Оставаясь пока в рамках классификации, изображенной в виде родословного дерева систем, мы отметим в ней с одной стороны отсутствие американских, океанийских и африканских языков, равно из материковых самого Старого Света дравидических и других языков системы не прометеидской, т. е. не т. н. «семьи» индо-европейских языков самой Индии, с другой — неполноту дальневосточных, ибо в общем упоминании «дальневосточных языков» в виду имелся из дальневосточных лишь китайский.

а) Однако, и китайский в момент, когда составлялось впервые настоящее родословное дерево, в соображение принимался по одному формально-типологическому признаку, по относимости его в первую голову к языкам синтетическим или аморфным. В остальном это было тогда лишь проблемой, когда мы в первую голову подразумевали китайский язык в кругу дальневосточных, как сохраняющих доселе аморфный или синтетический строй, возникший на первой ступени развития или еще сложения звуковой речи человечества.

С тех пор, однако, китайский язык вовлечен был конкретно, с фактами своего лексического материала семанти-

ческого и функционального порядка в яфетидологические изыскания, и после первого заявления на страницах Докладов Академии Наук (1926 г., стр. 39) в статейке „Яфетическая теория и семантика китайского языка“ пошли заметки, печатающиеся в этих же Докладах под общим заглавием—„Китайский язык и палеонтология речи“. Пока их напечатано пять ¹⁾. Еще в упомянутом первом заявлении об отношении китайского языка к яфетическим у нас сказано: „Достигнутое путем долгих изысканий палеонтологическое разъяснение падежного окончания, как оказалось, находит свое подтверждение в фактическом положении этого формального явления в китайском классическом литературном языке, где его, именно винит. падеж, мы находим в том переходном состоянии от синтетического строя к агглютинативному, до которого мы довели свои изыскания по вопросу лишь в результате длительной работы и глубоко заложенных палеонтологических раскопок в семантике слов самостоятельных и функциональных, часто обращенных в служебные частицы, то суффиксы, то префиксы“. И далее еще: „Встреча палеонтологических достижений яфетической теории с бесспорно фактическим положением дела в китайском настолько поразительна, что, отмечая ее в печати для сведения следящих за нашими изысканиями об эволюции человеческой речи, не могу не усмотреть в неожиданности наблюденного факта лишнего доказательства пагубности той рутины, которая под видом научного метода направляет наши лингвистические исследовательские работы в полном отчуждении заинтересованных специалистов друг от друга, притом в неведении палеонтологически исключительно важного языка—китайского, без которого немыслима, имею смелость утверждать, правильная постановка общего языкознания ни как предмета исследования, ни как предмета преподавания“. В последующих специальных заметках о китайском языке и палеонтологии речи мы останавливаемся на отдельных фактах, которые, независимо от интересов предмета настоящего курса, общего языкознания, бросили и продолжают бросать

¹⁾ Статьи эти следующие: 1) „Яфетическая теория и семантика китайского языка“ (ДАН—В, 1926, стр. 34), 2) „Китайский язык и палеонтология речи: I. ‘Глаза’ и ‘слезы’. Глаза космические—‘солнце’, и ‘луна’. II. Числительное ‘два’ и глагол ‘считать’ (ДАН—В, 1926 г., стр. 93—96. III: Д у б’ → ‘хлеб’ и ‘дерево’. IV. ‘Рыба’ ← ‘вода’ (там же, стр. 109—112). V. Берская ‘лошадь’ от моря до моря (там же, стр. 129—132).

свет на лексический состав самих яфетических языков Кавказа. До получения этого света мы не понимали, да и не могли понять целого ряда слов, терминов самой первой необходимости, напр., как-то на прошлой лекции было показано название 'хлеба' или названия культового, да и для хозяйства с первобытным питанием столь важного дерева, как 'дуб'. Потому-то китайский язык, параллельно интересу, вызванному в истории материальной культуры скифо-китайскими встречами в памятниках, стал вовлекаться во все наши палеонтологические изыскания, по числительным, по скифскому языку, по терминологии благородных металлов, золота и серебра, и у нас народилась потребность с точки зрения языковедных данных поставить вопрос о значении если не самих китайцев, то сродных с ними по языку народов для изучения не до-истории и палеонтологии речи в Средиземноморье, а исторических эпох человечества, протекших там же, но в до-письменно исторические времена и потому имеющих свидетелей, свидетельские показания в свою пользу прежде всего лишь в одних языках. И тем не менее понимание китайского языка в этой первой еще генеалогической таблице, даже появление его с достаточной мотивировкой в имеющей быть составленной новой генеалогической таблице мы расцениваем пока как проблему,—однако проблему, требующую лишь детальной фактической проработки китайского языка в свете яфетической теории специалистом-китаистом.

б) Таковой созревшей для уже материального порядка проблемой можно бы признать языки, обойденные полным молчанием в настоящей генеалогической таблице, именно американские языки. Я имею в виду с одной стороны ту намеченную увязку части американских языков с палеоазиатскими, с другой стороны—яфетических языков Кавказа и Пиренеев с финскими и далее палеоазиатскими, о чем и трактуется в работе „Происхождение американского человека и яфетическое языкознание“¹⁾, в работе, внушенной достижениями известного французского американиста Rivet. Нас же эта увязка яфетических языков с финскими, через чувашский, и далее палеоазиатскими языками Сибири и довела до интереса к китайскому языку, сторицею вознаграждающему наши более чем скромные конкретные ожидания

¹⁾ Восточный сборник Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде, I, стр. 167—192.

от него. Первой ласточкой этой сибирской исследовательской тяги, поставившей вопрос о китайском языке, из числа чисто яфетидологических работ, является заметка „К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории“¹⁾.

в) С другой стороны в вопросе об американских языках по связи со старо-материковыми имею в виду посредничество до-прометеидских (т. н. «до-индоевропейских») языков Индии, не исключая из этих, можно сказать, до-исторических для прометеидов пережитков Индии и дравидических языков. Проблема о связи дравидических и других отнюдь не позднейших классово-вселенских языков вроде прометеидского языка, представленного лучше всего санскритом в Индии,—о связи то с этрусским, то с баскским языком, т. е. с языками до-исторической Европы, следовательно, яфетическими языками, ставилась не раз. Особо, именно культурно-исторически, подошел к тому же по существу вопросу известный французский индианист Sylvain Lévy, сосредоточивший свой интерес на еще более, на его взгляд, в этом отношении показательные местные языки Индии, чем дравидические, именно тамильские, имеющие связь с океанийскими языками, что естественно направляет наше внимание опять-таки и на новый путь американо-древнематерикового общения. Sylvain Lévy в защиту до-прометеидских связей Тихоокеанского мира с Индией выдвинул, как известно²⁾, и следующие соображения, отнюдь не лишённые и лингвистического содержания и значения, но увязанные с данными и по истории материальной культуры: „Прием дифференциаций начальным образовательным элементом чужд двум группам языков, арийскому [т. е. «индоевропейскому», по нашей терминологии—прометеидскому] и дравидическому, которые создали цивилизацию исторической Индии. Он составляет характерную особенность одной семьи языков, поныне еще распространенной на громадном расстоянии, от Гималаев до острова Пасхи, которая держится в массивах высот внутренней Индии. Замешкавшиеся (*attardés*) представители этой архаичной расы являются бессознательными наследниками цивилизации, имевшей дни своего величия. Она создала в Индии подлинные политические единицы значительного про-

¹⁾ ИАН 1926 г., стр. 349—354.

²⁾ Н. Марр, „Происхождение американского человека и яфетическое языкознание“, стр. 171—172.

тяжения, настолько сильно связанные с реальной жизнью страны, что эти политические образования, пережив тысячелетия, дошли до нашей эпохи... „James Hornell в великолепном опыте касательно происхождения и этнологического значения индийских судов (Memoirs of the Asiatic Society of Bengal, т. VII, № 3, 1920) своими изысканиями технического порядка был приведен к заключениям, которые он должен был принять, говорит он, не будучи к тому подготовлен, и эти заключения не без аналогии с нашими. Он допускает полинезийское влияние на до-дравидское население южных берегов Индии: „одна малайская иммиграционная волна, предполагается, прибыла позднее, после появления дравидов на сцене, и это она принесла культуру кокосового ореха с Малайского архипелага“. Наметились и слова, вторящие этим связям в предметах материальной культуры.

г) Однако, типологическая существенно характерная черта, префиксовое словообразование, этот тамильский язык вместе со включающей его «семьей» языков, не только выводит их, как указывалось нами раньше, за пределы населенного ими громадного расстояния, от „Гималаев до острова Пасхи“, за пределы „массивов высот внутренней Индии“ и на запад—в сторону яфетидов кавказского перешейка, с теми же префиксовыми образованиями, у них в свою очередь увязанными с морфологией языков семитической системы. Та же существенно характерная черта, префиксовое образование, включает в тот же обширный круг и тибетский язык. Однако, префиксовое образование не является водораздельной линией, по двум сторонам которой должны бы течь языки совершенно независимых друг от друга систем в различных изначально типологических направлениях. В самих яфетических языках префиксовое образование разностепенно распределенное явление, в некоторых из них совершенно отсутствующее.

д) Вопреки отсутствию префиксового образования в финских языках с ними весьма тесные связи яфетических языков и тех, что имеют префиксовое образование. Эти встречи вскрылись и у более далекого юга, именно Индии, с приволжским финским миром в топонимике, когда мы пошли по стопам Sylvain Lévy, и отложение этого настроения имеем в работе „Из до-истории Индии и Вол-Камья по названиям городов (опыт формального анализа)“¹⁾. Но и тут

¹⁾ Восточные Записки Института Живых Восточных языков. Лгрд. 1927, стр. 223—234.

наметились также общие слова. Таким образом в Индии с первоначальным населением у нас возникает проблема о двух сторонах, по увязке с одной стороны с яфетическим миром запада и с их близкими и дальними сородичами, с другой стороны—с океанийскими языками, с одним из которых, малайским, внедрившимся и в Индию, мы приходим в контакт и с японским, предметом особой проблемы, так как то, что уловлено нами пока в японском, по типологии ли семантики или морфологии, в частности, в трактовке мн. числа, нас вынуждает плотнее подойти к материальному освещению проблемы об отношении японского языка к яфетическим, что едва ли можно исчерпывающе произвести без учета типологических и материальных данных корейского языка, тем более, что по мнению самих специалистов, корейский настолько близок к японскому, если отвернуться от лексики, что его можно признать типологически двойником японского.

Когда речь о Дальнем Востоке и Индии, то увязка не только приемлема, она общепризнанное дело и в более широком кругу первостепенных ученых, причастных к лингвистическим интересам с точки зрения старого учения об языке, она захватывает и Среднюю Азию с тибетцами и монголами, но эта увязка чисто религиозно-культурная, буддийская. ↓

В процессе чрезвычайно скрупулезной научной работы над выяснением истории распространения буддийского культа и буддийского искусства и вообще учения, в первую голову и более всего буддийской литературы, естественно возникали и возникают лингвистические вопросы, касающиеся прежде всего письменных языков. Собственно по существу и методу вопросы эти чисто филологические, и идет большая работа по производству весьма важных исследований о воздействии более культурных языков на менее культурные, т. е. более буддийски самостоятельных письменных языков на менее буддийски культурные языки. В таких исследованиях налицо вопрос о заимствованиях слов из буддийски основного языка, санскрита, вопрос о влиянии буддийски первоисточной речи и стилистически на буддийско-оформлявшиеся искусственно-литературно языки, тибетский, монгольский и т. д. Работа здесь ведется совершенно также, как в южном и западном культурных мирах.

Здесь наука долго работала, порой и по сей день работает разобщенно, над мусульманским и христианским культурами,

над мусульманским и христианским искусствами и над мусульманской и христианской литературами, однако существует и филологическая увязка, отнюдь не лишенная значения и для лингвистики, народов христианского мира и их письменных языков с первоисточниками для христианства языками, здесь по ранней культурной разбивке христианско-вселенской церкви на три культурные мира с тремя первоисточниками языками, для азиатского Востока прежде всего арамейским языком, языком, предполагается, самого основателя христианской церкви, в частности и сирийским, для европейского Востока греческим языком, подлинным языком основных книг священного писания христиан, Евангелия, Посланий и Деяний апостолов и для остальной части Европы, особенно римской и романской Европы с латинским языком, языком «наместника Христа». Точно также для мусульманского мира в целом, несмотря и здесь на позднейшее культурное раздвоение шиитское и суннитское, первоисточником языком мусульманской культуры является арабский язык. Существует бесспорная, очевидно, лингвистическая увязка мусульманских народов по книжному языку, увязка и турецкого и персидского языков, если не говорить о других особенно письменных, следовательно, классовых языках, с арабским, над чем с не меньшей научной скрупулезностью филологически работали и работают десятки и сотни ученых специалистов, исходя все из общепринятых доселе положений старого учения об языке. Но мы говорим не об этой позднейшей культурно-исторической увязке, ни, естественно, о старо-лингвистическом, собственно филологическом подходе к самому процессу распределения всего Старого Света, именно между тремя мировыми культурами, пределы которых и даже дальнейшая их разбивка, так христианского культа на три основных мира, а мусульманского на два, шиитский и суннитский, имеют с точки зрения яфетической теории совершенно иные факторы, чем т. н. первоисточные языки или сами религии. Но сейчас при сосредоточении внимания на языковой момент, мы говорим о подлинной лингвистической увязке Индии и Дальнего Востока в «до-исторические» эпохи, включая сюда из Средней Азии не только монгольский, но и языки Тибето-бурманской группы, и в этом отношении любопытны вскрывшиеся поразительно-близкие связи новооткрытого письменного языка Средней Азии неизвестного происхождения, о чем желающий подробнее осведомиться

может в моей заметке, помещенной в ДАН ¹⁾); в ней приведены из числительных не случаи созвучия, но прямо таки одни и те же слова, общие для ряда числительных то с грузинским, то в большинстве с языками шипящей группы, мегрельским и чанским (лазским).

е) Не приходится сейчас откидывать по меньшей материальной представленности в программах и лингвистических наших коллекциях еще остающуюся проблему, одну из важнейших, без которой невозможно дальнейшее развитие яфетической теории, ни в диахроническом разрезе—палеонтологически, ни территориально—по основной средиземноморской части, именно проблему об африканских языках: ее ни в какой мере и раньше, судя по производившимся работам касательно увязки африканских языков с баскским и т. п., не надлежало выделять из монистического построения яфетической теории. Ныне же материально ввели нас в этот мир личные занятия в частности средне- и южно-африканскими языками, суданскими, и в частности таким, казалось бы, исключительно своеобразным и исключительно примитивным языком южной Африки, как намайский, долго определявшийся как птичий язык, по Геродоту язык летучих мышей, потому то в насмешку голландцами названный готтентотским. Подробности проделанной пока работы над этим языком в полученных результатах изложены в статье, помещенной в Известиях АН, под заглавием „Готтентоты—средиземноморцы“. Выяснилось, что их язык, намайский язык, один из тех языков, которые проявляют бесспорные связи с яфетическими языками, особенно с баскским, и в то же время фонетически весьма сближен за исключением 4-х всасываемых аффрикатов, с латинским, располагающим с ним общими космическими терминами, напр., ‘солнцем’ *sore*, *resp.* лат. *sol* и сродными ему терминами, с такими хозяйственными терминами, даже двухэлементными скрещениями, как *dom-us* (V нам. $o + m-s$), и часто, как в лат., так особенно в греч., отложения намайского языка сохранились в двухэлементных (АС) скрещенных словах, как, напр., в греч. *ig-an-os* \longleftrightarrow *ôr-an-os*, тогда как намайский по сей день сохранил эти же слова одноэлементно, или А элемент—*hug-b*, общий с баскским (‘небо—вода’, ‘небо—год’), отсюда бск. *hug* \rightarrow *ig* \rightarrow *u* ‘вода’, как и в намайском, бск. *ig-te* ‘год’ или С элемент, общий с шумерским (*an* ‘небо’ $+$ ‘год’),

¹⁾ Н. Марр, Новый среднеазиатский язык и его числительные в освещении яфетической теории (ДАН 1926, 133—134).

сохранил в намайском целый ряд дериватов, напр., апі 'птица', как с другой стороны в связи с 'небом-кругом' и 'небом-годом', от того слова в латинском имеем annulus 'кольцо' и ann-us 'год'.

ж) Остальные еще «проблемные» языки требуют лишь материальной проработки или доработки самой постановки исследования. В том и другом случае, заинтересованная молодежь, аспиранты они или студенты, тем более начинающие учиться могли бы весьма разнообразно принять участие в работе над ними, этими и теоретически, и практически громадной важности проблемами, не выходя из пределов своих учебно-исследовательских занятий, наоборот, стараясь углубить приобретаемые в соответственных программных для них работах, да и на лекциях по языкам своей специальности материальные знания, освещая их с точки зрения яфетической теории, ее общих и, поскольку объект исследования дает для того пищу, частных положений.

Без ознакомления в той или иной мере с этими общими положениями яфетического учения об языке, конечно, обойтись нельзя.

§ 14. На предыдущей лекции по ознакомлении с родословным деревом языков мира сказано, что „вся эта генеалогическая таблица требует и по полноте и по подробностям пересмотра и уточнения“.

Но прежде чем говорить об иных опытах родословия возможных или необходимых, наиболее потребных и целесообразных для наглядного представления реальной связанности различных систем языков между собой и в то же время и различных конкретных языков одних и тех же систем или систем также различных, следует поставить вопрос, понят ли вполне смысл бракуемой нами таблицы? Ведь все мерило деления сводится лишь к типологии, различаемой тремя терминами или кличками—синтетической или аморфной (это древнейшая типология), агглютинативной (последующая) и флективной (третья). Особо выделяются яфетические языки, которые помещены во всю длину ствола, но с особым уточнением между агглютинативными и флективными. Мы сегодня укажем, да и на прошлой лекции выясняли неполноту перечисленных здесь массовых представителей отмеченных на таблице различных типов. Мы сейчас увидим, как, даже оставаясь при одном принятом здесь мерило типологии, мы имеем потребность число ти-

пов или различных систем увеличить, более уточнить классификацией языков хотя бы в этом отношении, внешне-типологическом. Но представляем ли мы все с одинаковой ясностью: а что значат конкретно эти три термина—«синтетический» или «аморфный», «агглютинативный» и «флективный»?

Есть в них одна общая черта, с ними связана одна идеологическая ценность, о которой и многие искушенные ученые не знают, потому, напр., даже такой опытный исследователь как голландский лингвист Uhlenbeck утверждает, что деление языков на агглютинативные и флективные будто не имеет значения для вопроса о родстве. С этим можно бы согласиться лишь в той мере, что, как мы знаем (и как Uhlenbeck вовсе не думает), все языки в той или иной мере родственны друг с другом, но тем не менее деление языков на три категории, синтетическую или аморфную, агглютинативную и флективную, явление само по себе вовсе не столь незначительное, вовсе не лишь формальное. Три отмеченных пока типологических состояния в развитии единой речи человечества отражают каждое особый социальный строй, каждое типологическое состояние генетически связано с соответственной ступенью развития общественных форм и ею порождено.

Но независимо от этой общей идеологической черты, весьма существенной, необходимо знать, что формально значат три не раз упоминавшиеся клички—«синтетический» и т. д.

Синтетический или аморфный иногда называется моносиллабическим, т. е. односложным, т. к. языки синтетической или аморфной системы обычно состоят из односложных слов. Термины же «синтетический» и «аморфный» говорят с двух различных точек зрения не только об одной и той же системе, хотя каждый из этих терминов представляет, естественно, сумму различных особенностей, но говорят они об одном и том же явлении, ибо синтетический или складываемый обозначает реально язык, в котором функции отдельных слов, как частей предложения, во фразе определяются тем, как складываются слова, порядком их расположения, а не формой каждого из них, каковой нет у языков этой системы, почему она называется и аморфной, т. е. без форм.

Диаметральную противоположность к аморфной или синтетической системе языка представляет система флектив-

ных языков, в которых определение взаимоотношений слов переносится целиком на их оформленность, так что каждое слово нормально в себе носит значение двух порядков, одно значение—выражение предмета без определения времени и пространства, без указания его связей с другими предметами, другое значение это выражение этих именно отношений, т. е. отношений выражаемого словом предмета к другим предметам, выражение отношений не только к пространству, но одновременно и к пространству и ко времени. Отношение предмета к пространству это отношение с известных пор, для звуковой речи ранних пор, к лицам или к олицетворявшимся предметам, это в жизни выражение статического взаимоотношения членов общества, в речи соответственно—взаимоотношения членов предложения. Предложение—это выражение словами, сигнализирующими понятия и представления, определенной мысли, отражающей во взаимоотношениях слов данной фразы, взаимоотношения предметов, и когда эти взаимоотношения находят свое формальное выражение в специальных для этой цели производящихся изменениях слов,—это то, что в грамматике называется склонением, и оно достигается не только выражением взаимоотношений предметов, но и согласованностью обозначающих эти предметы слов, как согласованы в жизни члены любой производственной организации. Во фразе происходит формальное согласование слов одной категории со словами другой категории. Как видите, даже в склонении основное, казалось бы, назначение слова быть символом для выражения того или иного предмета, сигнализировать его, осложняется задачей указывать и взаимоотношения предметов; основное идеологическое назначение отходит на задний план или в глубину сравнительно с тем уже добавочным оформлением, которое призвано выражать эти добавочные моменты. Формальная сторона еще более осложняется при одновременном выражении отношений предмета, представляющего содержание данного слова, в динамическом (действии) или статическом (состояние) разрезе, и к пространству и ко времени, когда само пространство совершенно отождествляется с той или иной из трех личностей, т. е. в спряжении глаголов.

Однако, в языках более древней формации глаголов вовсе не было как особой категории, действие выражалось комбинацией элементов, именно символов или звуковых сиг-

нализаций 1) субъекта, источника действия, 2) объекта, цели или мишени действия, и 3) образа того действия, которое имелось ввиду произвести, т. е. того или иного имени. С течением времени имя удерживается в роли символа предмета, а в роли символов субъекта и объекта, активного и пассивного участников действия, появляются заместители имен, т. е. местоимения.

Между тем, местоимение также сравнительно позднейшее достижение. Следовательно, было время, когда не только не было самостоятельной категории глаголов, но не могло быть и формального выражения спряжения, невозможного без местоимений.

Более того, и склонение могло формально лишь в слабой степени быть выражено, когда не располагали еще местоимением, да и подробности одной из функций склонения, именно согласования, не могло быть, ибо не только не было в прежних системах, да особенно на первоначальных стадиях развития, деления на роды, женский, мужской, да еще средний, но не было вообще особой категории прилагательных, не было этой части речи. Более того, эти сложные потребности формального обозначения общественности имен, с одной стороны выражающих предметы, с другой — их взаимоотношения и согласованность, могли возникнуть и возникли лишь в позднейшие эпохи, в эпохи соответственного развития, общественных форм. Потому-то до соответственной ступени развития социального строя не было не только морфологии, не было богатых формальных средств звуковой изменяемости самих слов для выражения взаимоотношений без ущерба для их значения, не было вовсе так называемых неизменяемых частиц, служащих к увязке отдельных мыслей, отдельных предложений или отдельных слов. Даже союза 'и', чего как будто проще, не было, не было до тех пор, пока не возникла семья, пока не получились термины родства, в частности термин 'брат' с тем представлением об единоутробии и сродства пары и более лиц, которое человечество соединяет так конкретно с термином 'брат' лишь с известных эпох. Ведь союз 'и' палеонтологически значит 'брат'; 'собака и петух' в речи еще далеко уже не первобытного человечества, именно достигшего уже общественного строя с кровным родством, означало 'собака брат петух', причем требуется оговорка, что тогда понятия 'брат' и 'сестра' не имели особых слов для своего выражения, одним словом выражались и 'брат' и 'сестра'.

Если бы в какой-либо мере яфетическая теория строилась отвлеченно-философски, от нас могли бы потребовать другую оговорку, более существенную, в связи с тем, что до племенных образований, в частности, «родов» и «семей» человеческое объединение представляло группировки по хозяйственно-производственным признакам, и в условиях общественной жизни коллективов этого порядка функцию увязки могло брать на себя хотя бы то же слово 'брат' (resp. 'сестра'), но в значении еще не кровного родства, но конкретных лексических материалов для такого утверждения нет в нашем распоряжении.

И, понятно, при таком колоссальном расхождении прежде всего внешней типологии системы флективных языков с синтетической или аморфной, когда, однако, принадлежность их к творчеству единого глоттогонического процесса вне спора, нельзя бы было себе представить дело иначе, как предположив, что между ними была посредствующая переходная система языков. В требуемой, как недостающее звено в цепи, подобной посредствующей переходной системе, если бы не обреталось богатого-развитых форм, наглядно увязываемых с самостоятельными словами, а были бы в ней лишь особые функциональные слова и придаточные частицы (хотя бы представление о таких функциональных словах и придаточных частицах) вместо флективных форм, то и это было бы большим достижением. Существование такой переходной системы, однако, нет надобности предполагать, — она действительно имеется.

Это — система агглютинативных языков.

Агглютинативный тип языка это прилепный: нет органически выявляемых частей — окончаний, напр., у имен, существительных ли они или прилагательные, но вместо собственных падежных или иных окончаний их, имен, назначение во фразе определяется присоединением к ним т. н. функциональных слов или придаточных частиц, своего рода прилеп и в том и в другом случае, т. е. явно слова ли они или придаточные частицы, которые подлежат еще раз'яснению как слова.

От русс. «дом», тур. ev 'дом', чтобы получить падеж, отвечающий на вопрос „где“, местный падеж, по русски образуется соответственный падеж — «дома», а в турецком к слову ev 'дом' присоединяется слово, ставшее теперь частицей-da || -de :ev-de; на вопрос „откуда“, падеж исходный, по-русски прибавляется предлог „из“ — из «дома», еще лучше

«из дому» (и форма «дому» была местным падежом, как «в саду», «в лесу» и т. п.), а в турецком — присоединяется другая частица $-den \parallel -dan : ev-den$. Между тем палеонтология речи выяснила, что местный падеж на вопрос „где“ и исходный на вопрос „откуда“ это позднейшие дифференциации одного и того же падежа, и частица $-da \parallel de$ и $-dan \parallel -den$ разновидности одного и того же слова, в более древней системе имевшего значение самостоятельного слова. Оно определяется, это значение. В грузинском языке яфетической системы частица da на вопрос „где“ также имеется в таких образованиях, как $sa-da$ ‘где’ от местоимен. основы sa , означавшей ‘кто’-‘что’. Эти функциональные слова иногда обращаются в ничего более не означающие символы, признаки той или иной категории — $ka\delta$ ‘человек’, ‘люди’ — г. $ka\delta-eb$, собственно ‘множество людей’, но не именит. падеж ‘люди’, в этом смысле прибавляется гласный $-i$, он же признак им. падежа и в ед. числе.

$ka\delta$	—	eb	—	i
представл. о человеке		множество	выражение отношения к другим членам предложения.	

Агглютинативность проявляется в том, что слова оказываются как бы пронизью односложных слов, напр., одно слово $agm\ddot{u}sheup\ddot{e}bia$ ‘я когда-то построил’ представляет пронизью семи односложных слов, частью и не слоговых:

$a + \check{g}$	—	$m\ddot{i}$	+	$sheup$	—	eb		i	—	a
верх	—	у меня	+	постройка	—	сделать		<i>страд.</i>	—	есть.

Но между системой аморфного типа языков и системой флективных языков имеется еще один этап развития, система оформления слов не непосредственно, а через оформление стоящих при именах местоимений. Так, напр., г. $ka\delta$ ‘человек’, а дат. 2-й, используемый в смысле логического субъекта, имеет в древне-литературном окончании... какое? Казалось бы, map , ибо падеж этот звучит у данного слова $ka\delta map$, но на самом деле окончание — an , его принимает не имя сущ. $ka\delta$ непосредственно, а местоимение 3-го лица $m-$, и, уже оформленное так, местоимение $m-an$ указывает на падеж слова: местоимение с этим окончанием раньше, чем слиться с данным словом, стояло особо $ka\delta-m+an$ и сопровождало с конца, могло сопровождать его и с начала $m+an ka\delta$, это в те и особенно предшествующие эпохи могло не делать и по всем видимостям не делало разницы. Это местоименное

склонение, казалось бы, последует за простым агглютинативным образованием, что без помощи местоимения, на самом деле оно древнее, оно предшествует простому агглютинативному склонению, и во всякой случае оно-то и предшествует системе флективных языков.

Еще случай местоименного агглютинативного склонения из яфетических языков шипящей группы сибилантной ветви, окончание род. падежа -ше (\leftarrow -шеп) \leftrightarrow ши ('человек')— г. kaḥ || м., ч. koḥ, род. г. kaḥ-is, но м. и ч. ko ḥ-1+ше \leftarrow koḥ-1+ши.

В грузинском забыто, что гласный звук *i* окончания Р. падежа *-s* самостоятельное слово, местоимение 'он', 'тот', и *-s* принимается за цельное падежное окончание, и мы так и объясняем в статической грамматике, ибо так стало обстоять дело, но динамическая грамматика, занимающаяся эволюцией форм, да еще революционного порядка, взрывает всю эту статистику: окончание и грузинское *is* вышло из местоимения, и окончание род. падежа, вернее придаточной частицы — *si* (\leftarrow ши \leftarrow -ше), а когда в им. падеже имеем у грузин *kaḥ -i*, то в нем *-i* не окончание именит. падежа, а местоимение, слившееся с основой, в древне-лит. грузинском и без него слово *kaḥ* (неоформлен. падеж) значит 'человек', в им. падеже не было никакого окончания; в языках шипящей группы-то же местоимение *-i* (\leftarrow -е), также слившееся с основой, остается во всех падежах И.— *koḥ-i*, Р. *koḥ-i+ше* и т. д., и оно-то и склоняется, и по его форме узнавалось раньше, в каком падеже стоит неоформленное слово-имя, к которому это оформленное местоимение относилось, т. е. *koḥ -i+ше* раньше значило 'человек — его' (стало пониматься 'человека'). И это архаичное местоименное агглютинативное склонение отнюдь нельзя признать новым явлением потому, что его сейчас находим лишь в живых бесписьменных языках шипящей группы, в чанском (лазском) и мегрельском, а у грузин даже в древне-письменном языке точно след простыл, его приходится откапывать и устанавливать палеонтологически. Древность образования род. падежа на *-i+ше* свидетельствуется неразрывностью цепи эволюционировавших форм Род. падежа. Но, кроме того, форма *-i+ше* свидетельствуется халдским языком клинописей Вана IX-го века до христианской эры, род. *Argištiše*.

Склонение агглютинативное именно с местоимением имеем в яфетическом языке и за пределами Кавказа—в баскском (*-a+re*).

Этого мало. Сами флективные языки вовсе не одной системы, да хотя бы две существующие системы флективности вовсе не различного происхождения, они различные этапы развития,—речь идет о семитической и т. н. индоевропейской или, как мы ее называем, прометеидской системе языков. Семитическая и прометеидская системы (а не семьи) языков представляют различные этапы развития уже самой флективной речи. Однако, мы отнюдь не склонны сейчас устанавливать, предшествует ли семитическая система в этом пункте своей особенностью прометеидской. В семитических иногда прорывается там и сям черта агглютинативного строя, так, напр., евр. *шата-уит* 'небо', букв. 'небеса', это лишь мн. число, что выражается окончанием *-уит*, но падежа в нем формально нет, падежное же окончание вин., на вопрос „куда“ выражается прибавкой элемента *-а:ʔha-l* *шата-уит-а^h*, т. е. по типу совершенно также, как в агглютинативных языках: особо основа, особо признак мн. числа, особо признак падежа. Но архаичнее другие черты в семитических языках, это прежде всего то, что место изменения для образования формы не стабилизировано, признак формы может стоять в конце слова, т. е. быть суффиксом, или в начале слова, т. е. быть префиксом. Затем, образование формы может быть достигнуто в них и внутренним изменением, именно переменной гласного, напр., арб. *katala* 'он убил', *kuṭila* 'он был убит', арб. *kaḏaba* 'он написал', *kiḏab* 'книга' никакого особого окончания не применяют для того, чтобы от глагола, предполагается, образовать имя; правда, 'книга' в имен. падеже звучит *kiḏab-un* (неопр.), *al-kiḏab-u* (опред.), но, не говоря о члене *al-*, окончание *-un* → *u*—достояние исключительно именительного падежа, а слово само со значением 'книги'—*kiḏab*, и от глагола оно отличается лишь огласовкой, его форма определяется исключительно гласными, их подбором. В чем же дело? А в том, что флективность семитических языков по времени происхождения ближе стоит к тому архаичному времени в развитии речи, когда изменения гласных определяли принадлежность к той или иной группе, к тому или иному племенному языку без ущерба для значения, и эта возможность менять гласные без ущерба для основного значения слова была использована для флексии; флективность семитических языков ближе стоит по времени также к той архаичной ступени в развитии речи, когда при общественном

сближении и физическом скрещении двух и более племен скрещивались слова их, означающие одно и то же понятие, но звучащие различно, чтобы быть друг другу понятным, причем было совершенно безразлично, какое племенное слово занимало первое место в скрещенном термине и какое второе или последнее. Все зависело от бытования. Семиты использовали еще наличную в их языковом мышлении эту свободу расположения элементов скрещения, из которых, надо знать, и получились признаки образования форм, и потому у них, семитов, словообразовательные элементы бывают не только суффиксами, т. е. окончаниями, но и префиксами.

§ 15. Хотя, таким образом, семитические языки представляют более древний этап развития, чем прометеидские, но это не значит вовсе, что прометеидские языки во всех частях уступают семитическим в отношении древности языковых материалов и языковых норм, и еще менее это значит, что прометеидские языки вышли непосредственно из семитических языков, что прометеидская система языков есть дальнейшее развитие непосредственно семитических языков. Такая мысль явилась бы глубоким недоразумением. Яфетическая пирамида ¹⁾ от индоевропейской отличается не только тем, что индоевропейцы, исходя из единства праязыка, ставили пирамиду верхом вниз, чтобы от единицы итти ко множеству, широкой раскиданности многообразных видов человеческой речи, а яфетидолог, исходя из одинаковости степени развития всех языков, многочисленных и не окрепших в своей формации, идет к нарастанию в определенных путях общего единого языка. Если бы дело обстояло так, то это значило бы, что одна простота и наивность заменяется другой простотой. Масса разнообразных в процессе творчества моментов требуют каждый особого учета. Яфетическая теория вовсе не чурается формальных сторон глоттогонии или языкового творчества, но есть стороны другие, подлежащие учету, и во всех сторонах наблюдения производятся не только над фактическим положением, как оно обстоит, но и над тем, как получилось это статически фактическое положение, каковы в нем первичные, наследственные элементы и какие элементы усвоены или развиты данным языком в процессе прохождения им его жизненной

1) Н. Марр, Яфетическая теория, НВ V, 1924, стр. 339.

стеzi. Наконец, учет требуется не только того, что развивается, но и того, что изживает и отмирает.

§ 16. Наше родословное дерево, данное в работе „О происхождении языка“, было построено по схеме развития формальной типологии, распределения языков по тому, что в одних языках нет никакой морфологии,—это в так называемых аморфных или синтетических языках, в тех, которые называются также моносиллабическими или односложными; в других языках имеются уже выросшие образования различных типов,—это в языках морфологических, в которых различаются образования форм агглютинативное и флективное. Но не говоря о том, что и в аморфных или синтетических мы не наблюдаем одного типа,—морфологические языки также далеко не ограничиваются делением на типы, агглютинативный и флективный, мы уже видели, как агглютинация языков бывает простая или непосредственная и сложная или местоименная. Простоту опасно, однако, признавать за первичность, как сложность за позднейшее осложнение. Особую систему или, как раньше называли, расовую семью языков составляют не тот или иной признак в отдельности, но совокупность ряда явлений, о чем специально в особом §, но сейчас остановлюсь на одном явлении, казалось бы, неразлучимом с агглютинацией. — ?

Так, агглютинативную систему отличает аггармонизация, согласование гласных, именно подведение всех гласных каждого данного слова под один ряд, мягкий или жесткий, и сочетание мягких гласных с мягкими согласными и жестких гласных с жесткими согласными. Однако, это явление отнюдь не общее даже в кругу агглютинативных языков. Отсутствие этого явления отнюдь не вынуждает вычеркнуть соответственный язык из круга агглютинативных языков. И нельзя сказать, что от аггармонизации звуков и следа не было в языках других систем.

Системы семитических языков отличает образование форм с помощью префиксов, но из этого нельзя делать заключение, что всякий язык, имеющий префиксовое образование, принадлежит семитической системе, ибо при такой трактовке вопроса из круга семитической системы языков оказались бы языки самых разнообразных систем, как то грузинский, тибетский и малайский. ✓

Из этих трех в отношении указанной общей морфологической черты префиксового образования сходящихся язы-

ков малайский и тибетский проявляют признаки реального родства: малайский с японским и тибетский с китайским, между тем ни в японском, ни в китайском нет и следов префиксового образования.

§ 17. У китайского нет вообще в какой-либо существенной мере развитой морфологии, но в нем поразительно своеобразная семантика, т. е. значимость слов, и вот на лицо не одна бедность морфологии, т. е. формальной типологии, которая могла бы быть позднейшим явлением, свидетельством утраты морфологии, как то наблюдается в английском, а не примитивной простоты языка. Многие так и думают по сей день и в отношении китайского. Однако, в китайском примитивность строя поддерживается примитивностью значимости слов, системы взаимной увязки слов со стороны законов семантики, т. е. учения о значениях, вскрытого ныне палеонтологией речи, как она устанавливается яфетической теорией. Так, когда в китайском языке мы имеем ряд созвучных слов, ничего, казалось бы, общего не имеющих между собою в смысловом отношении, напр. 'рыба' уй, 'дождь' уй, то теперь мы знаем, что эти слова вовсе не случайно созвучны, ибо из палеонтологии речи мы знаем, что 'рыба' получила свое название от 'воды', а 'дождь' также назывался по 'воде', т. е. в китайском сохранилось то примитивное состояние речи в отношении значений слов, когда одно и то же слово 'вода' использовалось еще в значении и 'дождя' и 'рыбы'¹⁾.

§ 18. Вот эта семантическая сторона речи в нашем родословном дереве не использована, между тем это—одно из существенных мерил в определении времени и, следовательно, места языка.

Но вопрос еще не в этом. В китайском языке морфологии собственно и нет, все бремя постижения речи ложится на строй речи и на значения слов, т. е. на синтаксис и семантику. На первый план выступает, следовательно, учение о значениях слов. И если даже мы не упоминали об этом особо в классификации языков, в родословном дереве речь лишь о морфологической типологии китайского языка²⁾ что он аморфный или синтетический, то тут еще нет беды, т. к. аморфное или синтетическое состояние речи неразрывно связано с тем состоянием системы значений, какое

¹⁾ О связи термина 'рыба' с 'водой' см. работу „Разложимость мнимых примитивов, простых слов, и термины для понятия 'рыба'“. (ИАН, 1925, 787-812).

наблюдается в китайском, полисемантизм или многозначность слов находится в связи с аморфным или синтетическим типом речи. Раз языки аморфные или синтетические, то многозначность слов в таких языках само собой подразумевается, но иное дело в языках различных морфологических систем.

Старая лингвистическая школа учила, что форма стабильна, неизменчива, а словарь изменчив. Это отпало. Нет в языке ничего неизменчивого, формы и значения меняются одинаково в такой мере, что если не знать палеонтологии речи как формальной, так идеологической, совершенно нельзя узнать существование какой-либо связи между разновидностями одного и того же слова в различные глоттогонические эпохи, отвечающие различным коренным образом расходящимся эпохам хозяйственной и общественной жизни. Напр., по-китайски 'лошадь' та и, казалось бы, если исключить дальневосточный мир, то ничего общего с китайским та мы нигде не находим во всей Европе, между тем в цитованном уже раз сообщении, сделанном мною в Академии Наук и напечатанном в ее Докладах на тему „Китайский язык и палеонтология речи. Берская 'лошадь' от моря и до моря“¹⁾ речь идет именно о распространении берского (элемента В) названия 'лошади', каковым является и китайское та, от Тихого Океана через всю Азию и Европу вплоть до Пиренеев на западе, вплоть до Атлантического океана. Встречается на этом протяжении данное слово, между прочим, и в названной китайской форме без всякого изменения, это ныне в восточной Европе на берегах Волги в мокшанском наречии мордовского языка, но без формальной палеонтологии, именно без формального анализа, нельзя понять, что в мокшанском слове *лш-та* 'лошадь' мы имеем кит. та 'лошадь', т. к. из формальной палеонтологии теперь уже известно, что *лш-та* скрещенное слово из двух элементов, элемента *лш* или *юш*, означавшего 'лошадь', и элемента та, того же та, что в китайском, означающего также 'лошадь'.

Без семантической палеонтологии не понять бы, что не раз уже раз'яснявшееся латинское *panis* 'хлеб' находится в родстве с греческим *bálan-os* 'желудь', ибо лишь с палеонтологией семантики стало известно, что слова получали значение по функции, и 'хлеб', заменивший 'же-

¹⁾ ДАН, 1926, стр. 129—132.

лудь' с появлением земледелия, стал носить название 'желудя', которым раньше питались.

§ 19. Старая лингвистическая школа учила, что заимствуются слова, но не формы. Это также отпадает, т. к. формы также заимствуются, причем при массовом и длительном общении строй речи и с ним мышление, следовательно, и морфология также может передаваться от одного племенного образования к другому, как и словарь. Ведь самое родство языков объясняется именно тем, что вследствие общения у различных племен в звуковой речи появились общие черты как в словарной части—идеологической, так и в звуковой и морфологической—формальной. И вот тут и возникает вопрос о расхождении формальной типологии или морфологии данного языка или данной группы языков со словарным составом в зависимости от типа общения народа с народом, в результате чего у одних народов от такого общения менялась внешность, морфология, но не словарь, у других перемена сказывалась лишь в словаре, т. е. получается, что один и тот же язык в отношении внешней типологии может родниться с одной группой языков, а в отношении словаря с другой группой языков. Ясно, что классификация языков должна учесть и эту сторону взаимоотношений.

Однако, и указание на связь с материальной культурой, равно с историей общественных форм, даже установление таких связей конкретно в тех или иных случаях не делает еще учение об языке жизненным, если не учитывается роль определенных классов и равно определенных кругов профессий в языковом творчестве. Ведь начальная звуковая речь—культовая, собственно магическая, ею пользуются ограниченное число лиц.

§ 20. Расширение круга пользующихся звуковым языком; умножение звуковых слов по профессиональной линии, номадную-кочующую ли ведет еще человеческий коллектив жизнь, травоед ли он или уже охотник, идет все с сохранением «культового» характера за речью, слова продолжают быть магическими, играют роль не только орудия общения, в начальные эпохи не столько орудия общения (тогда общаются еще кинетической или ручной речью), сколько вспомогательного средства для успеха в своем производстве, удачном сборе съедобных, равно целебных трав или удачной ловле дичи. Этим магическим характером подлинно первобытного быта, связанного с хозяйством травоядения или дре-

вождения, поедания древесных плодов, сока деревьев или животной пищи и объясняется пережиточное сохранение, напр., магического характера, таинственного, за речью во время охоты: в быту на Кавказе у сванов, абхазов и по сей день существует особый охотничий язык.

И все это придется внести диаграммно в родословие языков. Ведь надо помнить: как нет одноприродных национальных народов-массивов, все расслоены на производственные коллективы различного происхождения, сословия ли это или классы, так нет массивных одноприродных языков, все скрещения, все слоями. Каждый слой имеет свою историю.

§ 21. Каждую систему языков отличает в то же время особое состояние звуковых данных. Однако, когда речь идет о звуках, то прежде всего надо считаться с тем, что есть ли возможность самостоятельной трактовки звуков вне слов, предполагающей самостоятельную историю каждого отдельного звука, точно звуки не то, чтобы существовали самостоятельно вне слов (этого и сейчас никто не будет утверждать), но, чтобы изменения звуков имели место независимо от содержания или смысла слова с первых же эпох звуковой речи. Это глубокое недоразумение. Мы теперь прекрасно знаем, что нормы видоизменения звуков в статике языка могут касаться только формы, отнюдь не затрагивая основного значения. Известные видоизменения звуков и самих форм-то слов, конструктивных форм не касаются, они безразличны или декоративны, часто в связи с этим говорится о благозвучности того или иного безразличного не только для смысла, но и для формы произношения. Такое функционально самостоятельное существование звуков, их как бы независимое бытие с самодовлеющими, казалось бы, нормами есть позднейшее достижение, поскольку звуки с развитием их функции выделились в особую надстроечную категорию явлений, как мастерство, оторвавшись от служебной функции производства, от запросов материальной культуры, с порождением надстроечных потребностей в отвлеченном от жизни мышлении и в самодовлеющей красоте, обратилось в надстроечный мир искусств и художественно расцениваемых их форм. Постепенно, следовательно, и звуки получили самостоятельную значимость, получилась возможность самостоятельной их трактовки, изучения независимо от идеологического обоснования, изучения их как явлений чисто формальных и порой художественных, благозвучных и т. п. И в них,

именно в составе самостоятельно трактуемых звуков и в их качестве, мы наблюдаем рядом с развитием и вымирание. Мы наблюдаем, как постепенно отмирают заднеязычные согласные аффрикаты, как то \check{k} , \check{g} , \check{q} , а равно \check{k} , \check{g} , \check{q} и т. п., а с ними и спиранты h , \check{h} и др., за ними переднеязычные аффрикаты, как то $\check{t} \parallel \check{t}$, $\check{d} \parallel \check{d}$ и т. п. Ясное дело, что более сложный состав согласных определяет более древнюю систему речи, и потому нас не удивляет, что в прометеидских («индоевропейских») языках, напр., в русском, нет ни заднеязычных аффрикатов $\check{k} \parallel \check{k}$, $\check{g} \parallel \check{g}$, $\check{q} \parallel \check{q}$, ни спирантов h_0 , ни тем более \check{h} , ни переднеязычных аффрикатов— $\check{t} \parallel \check{t}$, $\check{d} \parallel \check{d}$ и т. п.

Этот процесс вымирания старых не только диффузных, но диффузоидных, по членораздельности менее совершенных звуков, процесс упрощения звуковой системы наблюдается в том же порядке и в американских языках. Таблицы состава фонем или речевых звуков в американских языках сравнительно друг с другом в этом отношении представляют замечательно наглядно поучительное зрелище. Они убывают в одних языках сравнительно с другими совершенно в том же порядке, в каком тот же процесс наблюдается в яфетических языках внутри их круга или в яфетических языках и последовательно прометеидских («индоевропейских»). В этом отношении семитические языки остаются более верны состоянию звуковой системы языков яфетической стадии развития. Во первых, дело не в том, что в семитических языках сохраняются экзотические для европейского уха исторических эпох те или иные горловые звуки не только средней звонкости \check{q} и звонкий \check{g} , но и глухой \check{k} или во всяком случае горловой аспират (аффрикат), общий у арабов в нынешнем произношении ξ , напр., с аварским. Дело в том, что трехстепенность озвонченности лежит с восполнительным дефектом в основе семитической системы звукового состава речи, как в яфетической, напр., в заднеязычных звуках арабский язык проявляет эту тройственность: $[k \rightarrow]g (\check{v}d) \rightarrow q$ также, как любой яфетический язык обычного типа (в некоторых яфетических языках эти ряды четверные), как, напр., в грузинском $k \rightarrow g \rightarrow q$, равно в аффрикатах \check{k} (совпал с ξ) $\rightarrow \check{g} \rightarrow \check{q}$, как в грузин. $\check{k} \rightarrow \check{g} \rightarrow \check{q}$, или из переднеязычных зубные t (\check{t}) $\rightarrow d \rightarrow \check{d}$, как в грузинском t (\check{t}) $\rightarrow d \rightarrow \check{d}$.

Массово ничего подобного не находим мы в прометеидских («индоевропейских») языках. В санскрите наличие ряда переднеязычных аффрикатов разъясняется как вклад чуждой «арийскому» языку речи. Следующая таблица яфетидологического изображения фонем (согласных) русского языка, среди прометеидских («индоевропейских») наиболее богато наделенного согласными звуками, покажет, какой убыли подвергся звуковой состав языков яфетической системы. Мы уже не говорим о качественных особенностях прометеидских («индоевропейских»), в частности, русских, звуков, когда, напр., звук *t* прометеидский («индоевропейский») не покрывает ни яфетического *t* (*t*), ни яфетического *θ*.

Мы говорим о трехстепенности каждого ряда. Правда, в греческом эта трехстепенность выдержана не только в зубных—*t, d, θ*, как у грузин *t, d, θ*, но, если держаться звукового восприятия древними армянами и грузинами греческого *χ* как *q*, то и в заднеязычных—*x, γ, χ* (*k, g, q*). Но с греческим языком мы находимся часто одной ногой еще в кругу языков яфетической системы.

Таблица же звукового состава русской речи без учета сонорных такова:

	а	е (э)	і («и»)	о	у	русск. е = уе й = у
—	—	—	d g	θ («т»)	q («к»)	ы ↓ u [↔ о ↔ э]
— = s	—	—		θ	—	— [h →] x
— = z			—	—		— [γ]
— = ш	—	—		θ	—	— [ʃ]
— = j			—	—		у
«щ»						
	р		б			

Убыль в звуковом составе отличает и языки более древних систем, чем прометеидская («индоевропейская») и даже семитическая, так, напр., угро-финскую. Более того, баскский язык, один из древнейших по своей типологии, типологии языков древнейшей, именно яфетической системы, стоит на той же ступени развития или изжитости архаичной фонетики, как русский.

		Баск.					
		t	k	d g	θ q		
s	—	—	—	—	θ	—	h → -
(z)	—	—	—	—	—	—	(γ)
ш	—	—	—	—	θ	—	(ε)
sш	—	—	—	—	θ ₁	—	y
		p	b	φ			

По сонорным упомянем об отсутствии из плавных начального г, а так—об его разнообразии (г, г).

Но баскский находится в изоляции, он окружен прометеидскими («индоевропейскими») языками, как вершикский, что у Памира,—иранскими, и в результате общения с окружающими языками баскский сдал не одну свою яфетическую позицию. Взаимоотношения баскского и романских языков, в первую голову—испанского и французского, нам только и могут открыть взаимные их вклады. Пока баскский язык в целом вообще является таким же темным пятном на фоне европейской научной просвещенности, казалось бы, во всем блестяще торжествующей, как неразрешенность этрусской загадки. Здесь в отношении уже мертвого языка, этрусского, такое же бессилие всей современной лингвистики, находящейся на поводах индоевропеистов и в чарах их теоретического построения, разобрать надписи на этом языке, впервые появляющиеся в Италии с IX в. до нашей эры, следовательно, до возникновения Рима и римской культуры и продолжающие появляться и позднее, как отложение римской классической общественности, по сей день предмета исключительного внимания европейской науки.

Принадлежа изолированной по сей день в представлении старой лингвистической школы группе неизвестных по происхождению языков, хотя он и живой (представлен в многочисленных наречиях и говорах), баскский язык, будучи младописьменным (начало баскской национальной письменности не древнее XV в.), мало чей возбуждал серьезный

научный интерес в отношении его значения в генетических вопросах языков других систем, хотя бы и непосредственно соседящих с ним языков прометеидской системы.

Редкие работы, вроде статьи проф. Hermann из Гамбурга „Zum iberischen in Südfrankreich“ (Sitzb. d. K. Pr. Ak. der W. Берлин 1917, стр. 530-554), имеющей своих независимых предтеч, нисколько не ослабляет нашего утверждения.

Однако, бедностью звукового состава характеризуется и китайский язык, язык типологически древнейшей системы. И вот возникает недоуменный вопрос: как понять седую, преседую древность китайского языка, живой ли он или литературный, когда право его на исключительную архаичность, если не доверять первобытной его типологии, подтверждается свидетельством существования наиболее древних литературных традиций и сохранения китайского языка в одной из наиболее древних письменностей? Как примирить эту бесспорную древность китайского языка с фактом изжитой его звуковой системы, которую впору бы иметь какому либо рядовому представителю наиболее поздней системы языков, именно прометеидской («индоевропейской») системы?

Здесь то и приходится учитывать тот момент в учении об языке, о котором уже говорилось и не раз придется говорить: творчество языка в движении, процессе развития исторической жизни народа, в начале нет ничего и, следовательно, несмотря на архаичность типа китайского языка, на его принадлежность древнейшей системе, в языке сказываются черты интенсивно-культурно прожитой жизни, в том числе и новая система звуков, но это не мешает древности типологии, о чем речь будет еще особо ¹⁾).

§ 22. Да и фактическое положение таково, что каждая из систем так отрезана в своем дальнейшем долгом исторически обособленном бытовании и развитии от любой другой системы, что вполне естественно было предположение о различном происхождении каждой системы и признание различных систем различными расами. В этом отношении совершенно особо стоят яфетические языки. Яфетические языки отнюдь не представляют одного монолитного типа. В них также наблюдаются различные системы, от синтетиче-

¹⁾ Ср., впрочем, выше, стр. 65

ско-аморфного типа до флективного того или иного уклона, но между различными системами, порождениями различных этапов развития общности, есть явная, научно обоснуемая и учитываемая связь, ибо каждая новая система сохраняет яркие следы или переживания изжитой системы. Каждая система как бы недоношенная или потенциальная еще в отношении последующей.

Так, например, местоименно-агглютинативное склонение, иллюстрированное на грузинском примере Д.¹¹ ka^u-m-+ap, где имя существительное само неизменяемо, но определяется как Д. пад. по форме прилепляющегося к нему местоимения. Такое образование падежных форм едва ли есть позднейшее явление, как раньше казалось, сравнительно с тем, что в ином типе агглютинации рядом со словом, которого положение во фразе требовалось определить, ставилось функциональное слово без местоимения, указывавшее роль его, предшествующего уже значимого слова, в предложении. И вот впоследствии, когда уже возникла флексия и образовался дат. падеж, в грузинском дат.-вин. (один об'ективный) без посредства местоимения с помощью частицы sa, пережитком служебного слова 'дом' или 'рука' saql-sa 'в доме', пережиточно при нем стало появляться и утвердилось функциональное слово, абсолютно не нужное saqlsa шпа 'доме + внутри'. Слово шпа 'внутри' (← 'дом') было бы понятно и требовалось бы, если бы saql 'дом' не имело формы Д. падежа в значении местного saql-sa, не имело никакой формы, звуча saql, принимало бы, естественно шпа—saqlшпа 'дом внутри', 'в доме'.

Оставаясь, однако, в этот раз в пределах интересов учения о звуках, надо подготовиться и к их видоизменениям в двух разрезах, разрезе статическом или гомохроническом, когда вы сравниваете наличное состояние звуков родственных языков в их устоявшихся формах, со стабилизацией норм, и в разрезе динамическом или диахроническом, когда вы сравниваете сменявшие друг друга состояния звуков в языках, развившихся одни из других, точнее из скрещения ряда других, причем сменявшие друг друга состояния языков, собственно, сменявшие типологически друг друга языки принадлежат уже к различным системам и наблюдаемы при этой смене состояний звуков, как нечто текучее, переливающееся, в различных частях новообразовавшегося типа в зависимости от скрещения.

Звуковые переходы одной плоскости гомохронически (статически):

	сс: груз.	шп: мегр., чан.
saq̇l 'дом' (← *saq̇al ¹)		*шо-q̇og √ (ε) o-q̇og
q̇maг 'муж' (← *q̇a-maг)	}	1. qo-mol м. 'мужчина', хотя прилаг. qomolug свойственный не только 'мужчине' но и 'мужу'; ч. 'муж', 'герой', 'храбрый' и пр.
		2. qo-mond м. 'муж.', ч. qo-mod 'муж'
ḍma 'брат' (← *ḍa-mal)		ч. du-ma (← *du-mal, вм. *ḍu-mur)
va-шl—'яблоко' (← *va-шал)		[v]u-шkur → ишqur
ḡa-me 'ночь'		м., ч. ḡu-ma

§ 23. Схема классификации по звуковым соответствиям или социальные группировки по звуковым соответствиям.

Гомохронические взаимоотношения, составляющие основу одной формальной сравнительной грамматики.

А. СИБИЛЯНТНЫЕ ЯЗЫКИ. Б. СПИРАНТНЫЕ ЯЗЫКИ.

сс шп.

(сванской разновидности)

группы	Огласовка
a o (←→u)	e
e a	i
	Согласные
s ш	h ε
ш sq ← sk → sg ← шq и т. д.	sg → zg
z J	γ y
ṫ ṫ	k̇ k̇
ḍ̇ ḋ	* ḡ̇ ḡ̇
ḍ̇ ḍ̇g	

1) В отношении звукосоответствия (sa- || *шо-√ *•o-) дело не изменится, если s и q̇ будут рассматриваться по прежнему как разобщенные друг с другом огласовкой «а» под'емные представители диффузного s т. е. saq̇l будет признаваться разновидностью одноэлементного *^sal.
h

ð ð	č č
ð̇ ð̇q	
l̇ ṙ	w
ṙ } I ṙ } 'n'd	ḋ x j (← ш)

§ 24. Конечно, эти соответствия при скрещении иногда терпят уклон частичный то в одну, то в другую сторону, так, sal || шог ←→ шиг, но часто вместо sal—sag и т. п.

сс

шп

а | о ←→ u (при губных согласн.)

г. ban-a 'мыть', 'стирать'	ч. o-bon-u, м. bon-u-a
г. qaḋam 'курица' (← qa + ða + m: м. qoðom-i, ← ч. qo-ðum-e -ða + m ← → ða + v √ × арм.	
ha-v 'курица', 'птица', т. ða +	
wə-k 'курица', т. ða + [w] u-k	
г. m-qar-e 'страна' (× *ma-qar) mu-qur-i: -qur (← → qor) qer × т. yer (yär) 'земля', √ чв. s ₁ êr.	

е | а

г. ðep-eb-a 'светать'	ч. o-ðan-u, м. ðan-aφ-a
г. teqa 'ломать'	ч. o-taq-u, м. taq-u-a
г. ðel 'весь', 'целый'	м. ðag-i 'здоровый'
г. m-ðel ←→ m-ðel 'здоровый'	
г. eθ 'один'	м., ч. aθ-i

ð̇ || ð̇

г. kað̇ 'человек' (√ kas)	м., ч. koð̇-i 'человек'
г. ð̇qra 'девять' (← * ða-qar)	м., ч. ð̇qoro ← * ðoqor → * ðoqor. ← → * ðuqur, resp. * ðoqur (√ чв. ðəqəθ, √ т. tokus → tokuz → dokuz.

ð̇ || ð̇q

г. maθ̇v 'барсук'	м. munθ̇qv-i → miθ̇qv-i
г. ð̇em-i 'мой'	м., ч. ð̇qim-i

s || ш

г. as 'сто'	м., ч. oш-i
г. sa-m 'три'	ч. шу-m-i
г. sul 'душа'	м., ч. шur-i (в арм. √ шund)

ш || sk и т. д.

г. шашv (← * шаш-i) ←→ шош-i, *sosq → (*zews →) zesqv-i шоша 'дрозд'	
---	--

- г. vašl (←* va-šal) 'яблоко' м. [v]u-šqur-1
 г. шеп-1 'твой' м., ч. skan-1
 z || j
- г. mze 'солнце' м. bja
 ṭ || ṭ
- г. taβl (←* ta-bal) 'каштан' м., ч. tu-bur-1 → км. tu-pu 'дуб'
 г. ṭer 'муха' ṭand (арм.) → м., ч. ṭand
 г. ṭer-a 'писать' → чв. ṭer-e м. ṭar-u-a √ арм. kar-el 'шить'
 'вышивание', 'вышивка' √ × т. yaz √ || чв. s₁ыг (×
 г. ker-a 'шить' (← 'выши- *s₁ur) 'писать'
 вать узоры' × км. s₁er-e
 'вышивка', 'узор'
 ṭ || tḳ
- г. tað 'маисовый хлеб' ч. tkud-1 √ м. tkid-1
 г. taма 'есть' ч. tkom-u, м. tkom-u-a
 г. tra 'резать' (основа tar) ч. o-tkor-u √ м. o-tkir-u,
 tkir-u-a
 ḍ || ḍ
- г. daǵl 'собака' м. doǵor-1
 г. ḍ vel 'старый', 'древний' ḍ-veš-1 в.м. *ḍ-vaš-1
 r || 'n' ḍ → 'n' ḍ
- г. ber 'старый' *bad-1 → м. bad-1, ср. чв. vat-ə
 'старый', ср. «вет-х-ий», vet-us
 (род. vet + er-is)
 r √ 'n' ḍ → 'n' ḍ
- г. p̣ṛ 'рот' м. p̣id-1
 г. q̣ar 'бык', др.-л. qar м. qod-1
 г. q̣-mar 'муж' (*q̣ar-mar) *q̣ar м., ч. qo-mod-1, м. qo-mond-1
 × *har → чв. ar || т. äg →
 er 'мужчина', ср. г. er || абх.
 ar 'войско', — 'народ' ('лю-
 ди'), 'человек' √ чв. z₁ar
 'войско'
 г. si-zmar 'сон' ч. e-zmod-a ↔ м. i-zmod-a
 ḍ || ḍg
- г. mar-ḍven-e/a 'правая рука' м. mor-ḍgwan-1, ч. mar-ḍgwan-1

I || r

г. kbil 'зуб'	kibir-i
г. tel 'год'	*tar-i → tar-e/i (арм.)
г. θa-φl 'мед' (← *θa-φal) (ср. т. bal *pur, resp. *pul × чв. рыl).	м. θo-φиг-i

§ 25. Все попутно сообщенные изменения звуков и их взаимоотношения имеют интерес в речи, орудии общения, не как физиологические факты, а как показатели общественных взаимоотношений, так три ступени озвончения $t \rightarrow d \rightarrow \theta$ и т. п., это три ступени развития во времени в одном и том же хозяйственном коллективе, впоследствии в одном и том же классе, далее в одном и том же племенном образовании. Точно также падения и под'емы дело одного же хозяйственно-коллективного, лишь впоследствии кровно-племенного образования, поэтому формула $v || m \uparrow p \rightarrow b \rightarrow \varphi$ нас не выносит из круга нормальных речевых особенностей одного и того же племени. Чередование свистящих с шипящими ($s || ш$ и т. п.)—это согласованность двух близких друг к другу кругов языков, двух групп, как бы договоренность двух хозяйственных коллективов, далее—двух классов, двух племенных групп. А перебои согласных $t \vee k, \dot{t} \vee \dot{k}$ и т. д., т. е. замена переднеязычных $t, d, \theta, \dot{t}, \dot{d}, \dot{\theta}$ и т. д. заднеязычными $k, g, q, \dot{k}, \dot{g}, \dot{q}$ и т. д., равно слабых $|| ш \vee h || \epsilon$ и т. д.—это достигнутая согласованность двух более далеко стоящих друг от друга языков, двух ветвей, как бы договоренность двух сторон, двух раньше хозяйственно-коллективных организаций, каждая из которых представляет в свою очередь более тесный союз племенных единиц, также как бы договорившихся и в отношении речи в конечной форме социальной группировки.

§ 26. Однако, все это прослеживается лишь пережиточно, ибо ныне нет ни одного нескрещенного языка. Более того, сложившаяся звуковая речь и в начале не мыслится нескрещенной до скрещения не было звуковой речи и ее не могло быть, т. к. до скрещения не было хозяйственных коллективов, из которых, а не из стадных орд, как предполагали и мы раньше, образовались позднее племена, человеческие племена с языком, особенно окрепшие племена с звуковой речью, не от пар папы и мамы по крови, а в об'единении по общему хозяйству от потребностей, удовлетворимых лишь при коллективном труде,—в об'единении для работы, resp. добычи и

обороны. Следовательно, не было простых племен с простыми нескрещенными языками, не было вообще нескрещенных языков, но у неговоривших звуковой речью (однако, говоривших уже давно линейной, вернее кинетической речью) был коллективно отличительный, позднее этнический, уже племенной, никогда не животный, а человеческий членораздельный звуковой комплекс, не отдельный звук, а звуковой комплекс, как бы слово, звуковой договорный знак, со всеми возможностями развития одной коллективной организации, позднее одной племенной группировки, и особенности этого подлинного первобытного слова с его разновидностями, ныне и от начала сложения звуковой речи находятся в различных слоях ее, в различных слоях каждого языка, всегда скрещенного, как отложения, и потому, а также независимо, для чисто механического учета и ясности, необходима классификация языков по как бы признакам согласованности племен в речи, по звуковым соответствиям, надо знать как гаммы для игры на пианино, ибо это основы и сравнительной грамматики статической (в корне обманчивой, если нет палеонтологической проверки) и техники, необходимой для палеонтологии.

§ 27. Диахронические соотношения.

А (SAL)

г. saq̄l

— un̄l в названиях древне-армянских родов (Amat-un̄l, Bagrat-un̄l и т. д., пережиток от до-армянских халдских эпох - в клинописи Вана, племенное название Eti-un̄l и т. д.).

г. шина 'внутри',
'дом' (в смысле
англ. home).

∇*ɣ̄no → м. ilo предлог в глаголах,
∇ м. dino 'нутро', район расселения одно-
фамильцев или вообще близких соседей
и знакомых, м. dinoq̄-le 'внутри', предлог
в глаголах.

г. ð̄ma (←*ð̄a-ma, однако, и -ð̄a в bi-ð̄a) 'дядя' → za).

|| ша

абх. а-ша

абх. уа-ш₁а

∇ уа

'кровь'

'брат' ²⁾

¹⁾ Яфетическое происхождение абхазских терминов родства (ИАН 1912, 423—432). Абхазское происхождение грузинского термина родства bið̄a 'дядя'.

²⁾ О полигении семантики (ИАН 1926, 781—786).

флективный (с агглютин.) аморфный (синтет.) с агглютин.
т. е. родство языков при различных типах.

А (SAL)

г. *ḍel* 'дерево' || м. *da* [l¹] в м. *da* г → перс. *dar-u*

арм. *tar* √ → *har* (см. скрещенные).

г. *mog* 'пень', 'бревно', кит. *mo*, равно в фин. скрещенных словах,
да и в г., означает 'дуб'.

г. *rog* ← → *rig* → *bor* (см. русск. «бор») → *rog* ← → *rig* (ниже в
скрещенных словах)

(финск. *ruu* → *ru*, но и *mo-mu*).

Скрещенные ВА (BER-SAL)

г. *rig-ḍel* 'листва' 'листья' перс. *dir-e-qt*, греч. *den+dr on*

г. *rog-ḍol* → *ro-ḍol id.* пехл. *dra-qt*, арм. *dra-qt* 'сад'.

АВ (SAL-BER)

км. *tu-ru* 'дуб' (← **tu-mu* ← → *tu-mo*)

суоми, эст. *ta-m* [l¹] 'дуб' || вол.-кам. черем.-луг. *tu-mo* → черем.

горн. *tu-m* (↑ русск. «дуб»).

арм. *tere-v* 'o' 'листья'

АС (SAL-YON)

бск. *ar-te* 'дуб' р. «дерево» → «дре-во»

бск. *ar-to* 'кукуруза' ← 'желудь'. л. *ar-bor*

В этой диахронической связанности различных типов языков яфетической системы и кроется кардинальное значение яфетических языков.

Мы в них также имеем последовательность развития различных типов, сначала синтетический или аморфный—абхазский и сродные с ним, затем агглютинативный, именно сначала языки местоименно-агглютинативные, как баскский, др.-л. грузинский, языки шипящей группы и ряд горских языков, затем упрощенный агглютинативный, как ряд севернокавказских языков и частично народный грузинский, и, наконец, флективные, именно сибилантная ветвь яфетических языков, особенно др.-л. грузинский (чанский и мегрельский особо), как т. н. новогрузинский, причем, однако, флективность, к которой совершенно подошел грузинский язык, порядка не прометеидского (индоевропейского), а семитического, как наоборот, флективность армянского языка, особенно др.-л. армянского—порядка прометеидского («индо-европейского»).

Собственно, не только армянский, но и грузинский языки переходные от агглютинативной системы к флективной, армянский упирается в прометеидскую (индоевропейскую) систему, грузинский—в семитическую.

§ 28. Таблица требует построения иного, именно того, чтобы один столбец составляли яфетические языки (реликтовые), другой — все остальные. Но в таблице других языков, не яфетических, иное положение: во-первых, диахронической перспективы нет между языками различных эпох по типу. Есть хронология историческая, языки датируются временами их появления на историческом поприще, так романские языки, не только как носители определенной исторической, разумеется, классовой культуры, определяют время самого типа, который, однако, древнее. Потому-то германские и романские языки раннего типа, местоименно-агглютинативного или местоименно-флективного, языки более древние по типу, чем греческий и латинский, флективные каковые относятся в по-флективные эпохи. В нашей таблице, имеющей считаться с реальной хронологией различных пластов, им отведено будет подобающее архаическое место.

Однако, такой новой генеалогической таблицей, приближающей нас к более правильному восприятию взаимоотношений различных систем в отношении времени, далеко не разрешается вопрос о наглядном представлении тех типологических эволюций, которые звуковая речь человечества претерпела на своем долгом пути.

Прежде всего в таблице мы получим раздвоение, реликтовые яфетические языки, пережитки до-исторических и до-письменно-исторических языков расположены будут отдельно, а языки систем письменно-исторических эпох — отдельно, чего в реальности, конечно, не существует. И те, и другие системы — органически об'единенные части того единого механизма, в котором протекает единый процесс глотогонии (созидания речи), независимо от того, захвачена ли в данный момент им, этим процессом, совокупность речи всего человечества, активно ли действует в нем та или иная группа языков, или пассивно претворяется, если не в новый вид, то в его разновидность, или точно бездыханный труп лежит без движения, живя завещанной статикой.

§ 29. Однако, основной дефект таблицы будет не в этой разобщенности, а в отсутствии и намека в ней на смену эволюционных этапов в каждой из систем. По таблице можно будет подумать, что каждый язык или каждая однотипная группа языков представляет оформленное по новой системе порождение другой системы, точно процесс развития имеет узловые созидательные стоянки, различные твор-

ческие этапы, между которыми лишь прозябание. На деле же те стоянки или этапы—лишь поворотные или революционные. Они взрывают устоявшуюся среду и открывают новые пути, по которым постепенно и налаживается сложение нового типа и развитие, и на этих же путях зарождается расхождение, возникновение антитезы рядом с тезисом, дающее в итоге борьбы новое разрешение в революционном сдвиге на следующей узловой стоянке. Творчество в самом движении, не на стоянках, как не в начале, а в процессе непрерывного накопления и динамики материала. В начале—ничего. Про звуковую речь можем смело утверждать, что в начале—ни духа, ни материи звуковой речи. Когда намечается звуковой материал, то он, лишь ошупью используемый в путях завещанных навыков ручной или кинетической речи, сначала в ограниченном мире потребления, постепенно растет и создает т. н. дух, т. е. особую технику, вместо изжитой, в силу накопления рефлексов от идеологии новой жизни, т. н. психологии, особый склад, особую систему, естественно, как удовлетворение определенной общности на определенной ступени развития в определенных физических условиях—создает различную систему мышления, различную технику ее выражения в звуках, т. е. различную систему речи, кажущуюся наследием различных семей языков и в источнике, если не даром бога, то даром природы, именно лишь развитием непосредственно животных звуков, т. н. речи животных. Язык во всем своем составе есть создание человеческого коллектива, отображение не только его мышления, но и его общественного строя и хозяйства в технике и строе, равно в семантике, но не в том упрощенном типе, как то мыслил наиболее к нам близкие по идеологии Нуаре с его предшественниками и последователями.

Мы как будто закончили все, что хотели сказать про родословную диаграмму языков, закончили вступительную часть курса и начинаем самый курс учения об языке, из которого мы предвосхитили изложение первых §§ программы, именно то, что знакомит с техникой и терминами яфетического языкознания, звуковые законы, собственно—корреспонденции, именно социальные группировки по гомохроническим или статистическим соответствиям и диахронические взаимоотношения по звуковым соответствиям различных систем. ✓

§ 30. Но все таки возвращаюсь к диаграмме родословия языков. Что собственно мы имели в виду, предваряя им

общий курс учения об языке? А именно то, что как без интереса к происхождению языка не может быть никакой лингвистики, всякое учение об языке предполагает то или иное положительное отношение к этому вопросу, ту или иную концепцию возникновения языка, и только тогда специальные углубленные занятия отдельными языками могут явиться плодотворными, и чем правильнее поставлен и, разумеется, чем более и лучше освещен вопрос о происхождении языка, тем плодотворнее и вообще состоятельнее становится учение об языке, также и общее представление о взаимоотношениях языков. Посильное для нас правильное восприятие целостной их связанности—*conditio sine qua non*, т. е. условие, без которого невозможно правильное отношение к любой части самого учения или теории, невозможен конкретный подход к строю и системе речи, ко всем их особенностям как явлениям жизненным, а не к абстракции и схеме.

Мы потому-то забраковали нами же составленное родословное дерево языков, уже изданное в статье „О происхождении языка“. В ряде лекций мы постарались ознакомить вас со всеми теми сложными взаимоотношениями языков, которые обычно учеными так просто и наивно сближаются до признания происхождения от особых прародителей и разлучаются до признания особых расовых семей в их т. н. родственных и неродственных чертах, собственно в схождениях и расхождениях в источнике хозяйственно-государственного порядка. Сложные жизненные, конкретные их взаимоотношения не нашли своего выражения и в предложенном с поправками вашему вниманию нашем родословном дереве из упомянутой статьи. Мы пробовали лишь построить новую диаграммную фигуру связанности языков, и заранее осудили еще один намечавшийся опыт с изображением особо яфетических языков и особо всех остальных языков мира. Мы в общем успели лишь наметить материал для построения наглядной жизненной диаграммы, но самой диаграммы не дали, оставив ее осуществление на будущее время, как чисто техническую проблему. Но осуществление имеет основание быть отложенным не только по технической невыполненности задания. Есть более существенные затруднения. Мы не говорим о недостаточной еще яфетидологической проработке всех хотя бы основных представителей существующих систем языков, о полной вообще неисследованности и даже неизвестности в науке многих и многих языков, в числе их яфе-

тических. Если бы мы стояли на точке зрения, требующей молчания, пока все не будет исследовано, то никогда ничего не исследовали бы, и надо же немного брать пример с индоевропейцев, которые не стеснялись свои положения, выработанные на ограниченном круге подсудных им языков, обращать в положения общего языкознания, да и по сей день мнят, что они законодательствуют вообще в науке об языке. Вопрос, следовательно, не в том, возможно ли какое-либо действительно жизненное изображение в родословном дереве или в иной диаграмме взаимоотношения языков? Соответствующую часть нашей прошлой лекции мы закончили следующим положением: „Язык во всем своем составе есть создание человеческого коллектива, отображение не только его мышления, но и его общественного строя и хозяйства—отображение в технике и строе речи, равно и в ее семантике“.

Следовательно, сам по себе язык не существует, весь его состав есть отображение или, скажем конкретнее, отложение, так обстоит со всеми языками различных мест и различных эпох, и, конечно, их взаимоотношения не могут представить ничего кроме отвлеченности, и их и представить нельзя в иной, чем схематической, диаграмме. Жизненные языковые явления лишь в их органической связанности с историей материальной культуры и общественностью. Потому-то, чтобы получить общее конкретное представление о системе языков и их взаимоотношениях как жизненных явлениях, а не абстракциях; чтобы при подлинном генетическом анализе особенностей каждого языка почувствовать реальность, дыхание подлинной жизни, дыхание творчества или трудового производства человеческого коллектива, необходимо иметь правильное общее представление о том, органическим отложением чего является язык, непосредственно или через общественность посредственно, именно правильное представление об истории материальной культуры. Иначе при всей, допустим, безукоризненной его правильности и яфетидологическое построение учения об языке, его происхождении и смене типов в эволюционном порядке явится в значительной мере отвлеченностью, оно будет говорить об отвлеченно от пространства происходящем процессе, без учета и понимания генетического значения и того факта, как языки распространены или распределены по всему миру. Между тем это и для языковеда кардинальный вопрос: где зародилась и как распространялась культура человечества, прежде всего история материальной культуры?

Что же говорит нам сама история материальной культуры в наши дни или археология?

§ 31. Вот археологическое построение в формулировке 1925 года.

„Археология ныне может установить изначальное родство по всему Средиземноморью от Испании через Италию, Грецию вплоть до берегов Малой Азии и Юга России и Кавказа. И именно дело обстоит так, что это родство возникло от развития, шедшего с Запада на Восток. В Испании и Франции в ледниковый период уже повысилась поразительная деятельность по искусству, когда в Греции и на ее островах все было еще мертво. В этих скалистых местностях девственный лес долго держал в удалении человеческое население.

„В средней и южной Греции (в Афинах, Тиринте и Спарте), равно как на островах, недостает еще и неолита... В каменный век человек впервые появляется в Фессалии и вплоть до Орхомена, и именно с одним отпрыском крашеной керамики, которая тогда господствовала по всему нижне-дунайскому району: Болгарии, Румынии и Югу России.

„Подобный недостаток палеолитических и неолитических слоев местами можно отметить также и в западном Средиземноморье: на Балеарских островах, в Сардинии и на Корсике.

„Тем не менее, палеолитическая культура западной Европы пробилась себе путь (*hat sich fortgepflanzt*) на Восток, она налицо в Италии и Сицилии. Далее она пошла вдоль африканского побережья, где Алжир и Тунис его документируют (*belegen*) богато. Из Египта G. Schweinfurth доставил нам во множестве прекраснейшие кремневые орудия (*Feuersteinwerkzeuge*). В Сирии за последнюю войну Jos. Bayer-Wien собрал в значительном количестве побеги (*Ausläufer*) той же культуры и произвел наблюдение, что западно-европейские формы там принадлежат явно уже значительно более поздним временам. В последующие периоды каменной и бронзовой эпохи, равным образом, совершенно ясно развитие с Запада на Восток“.

Все это говорит известный немецкий археолог Карл Шухардт. Сославшись на показание Геродота о сродстве пеласгов с этрусками (I,94) и о тождестве колхов с египтянами (II,104) и приводя об'яснение и обоснование его утвер-

ждений, первого в том, что этруски,—это переселившиеся в Италию пеласги из Лидии, второго же в тождестве обычая обрезания и техники ткацкого дела, Carl Schuchardt в статье *Die Etrusker als altitalisches Volk* пишет: „Указание на древнее родство в подобных замечаниях для нас, естественно, очень ценно, но на счет того, как об'яснить это, у нас в настоящее время имеются в распоряжении такие перспективы (Einblicke) в древние и первобытные (uralte) связи, о каких Геродот не мог и гадать“ буквально „не мог и во сне видеть (sich nicht träumen lassen konnte)“¹⁾.

Мы прекрасно знаем, что в отношении места зарождения человеческой культуры существуют и иные мнения. Мнение Шухардта мы привели лишь как новейшее и как совпадающее с нашими палеонтологическими изысканиями в языках человечества. Карл Шухардт приписывает начальную культуру также до-индоевропейскому, т. е. до-прометеидскому населению Европы и этрусков не только отождествляет с пеласгами, но и признает их автохтонами в Западной Европе, а вовсе не иммигрантами. Все это у нас давно намечено, известно и в печати, на основании данных яфетического языкознания²⁾.

Но сейчас по возникновению культуры в Западной Европе и ее движению на Восток иные, новые соображения, подсказанные наблюдениями последних месяцев. Связь явная, стоит она вне всякого спора в терминах материальной культуры у дальневосточных народов с населением Западной Европы. Вопрос стоит неустрашимый: на Востоке или на Западе возникает культура человечества? Пока лингвистика из шор разно-расового происхождения языков не выходила, вопрос мог трактоваться разнообразно и получать или намечать различное решение, не исключая и того, что культуры имели различные центры происхождения. Но с точки зрения яфетической теории эти возможности отсекались, как фантазии, с момента, когда наметилось и с каждым днем все яснее и яснее становится и уточняется положение, что прометеидские («индоевропейские») языки представляют дальнейшее развитие языков Европы предшествующих прометеидам эпох, языков яфетических, что вообще так называемые семьи языков, казалось расово различные по происхождению, представляют различ-

1) *Prähistorische Zeitschr.* 1925. XVI, стр. 109.

2) К вопросу о происхождении племенных названий „этруски“ и „пеласги“ (ЗВО, XXV, стр. 301—336), см. еще Перечень, 2 изд., стр. 27

ные системы, отвечающие различным типам хозяйства и общественности, и в процессе смены одной культуры другой одна система языков преобразалась в другую. Ясное дело, что такой эволютивный процесс не мог происходить в условиях одного физического порядка, требовались условия общественности, более того, накопление материала и смена генетически связанных одна с другой культур, т. е. там, где началось это массовое эволютивное творчество, мы должны быть свидетелями не только древности памятников материальной культуры, но их смены, цепи смен, находящихся в органической связи, с перерождением одной системы в другую. Как ни древен Китай, однако, система его речи свидетельствует, конечно о древности, но не о смене данной цепи систем, различных периодов. В Америке местные языки, несмотря на свою архаичность, точно окоченели в своем развитии, от отсутствия базы накопления и смены типов, вследствие оторванности от массы с этими данными, в среде которой ими и достигнута наблюдаемая ныне в них ступень развития, да это признается и американистами, которые признают их, американские языки, внесенными выселенцами из Азии. Таково положение и т. н. первобытных языков Средней и Южной Африки. Как ни древен санскрит, да развит (он прометеидский, т. е. «индоевропейский»), лишен первичной генетической увязки с языками своей же страны, т. е. он явно пришлый в Индии. Пока, впрочем, работа по анализу санскрита слабо выявляет и элементы позднейшего скрещения с так называемыми до-историческими языками Индии.

Независимо от истории материальной культуры, но вторя ее достижениям с значительным их усилением и уточнением, яфетическое языкознание, оставаясь верным основному своему положению о происхождении новых видов от массового скрещения старых, и эволюционной связи одних систем с другими, как результат работы, очевидно, одного места, в условиях наибольшего накопления материала и длительного процесса, свидетельствуемого фактами, не может полагать родины звуковой речи человечества и, следовательно, и культуры в ином месте, чем Европа, именно западная Европа, точнее Средиземноморье и его окружение.

§§ 32-33. Что такое культура? И может ли быть первобытная культура, хотя бы в ее зачаточных моментах, звериной? Не исключают ли друг друга звериная первобытность и культура, как звериная и человеческая жизнь? Это все вопросы,

без ясного ответа на которые, мы шагу не можем сделать в деле выяснения источников возникновения речи, первой речи человечества—кинетической речи. Касательно звуковой речи нам уже известно, что она возникла в результате усиления трудового процесса и усовершенствования его форм: звуковая речь возникла после того, как человек изобрел искусственное орудие производства и в широкой мере использовал все выгоды этого изобретения.

Общеввропейский термин 'культура' происходит от лат. глагола *col-o*, имеющего два, казалось-бы, независимые друг от друга значения—'обрабатывать землю' и 'почитать' собственно 'почитать бога' (Цицерон), почему с одной стороны Цицерон термин *cultus* употребляет в значении 'богопочитания', 'богослужения' при наличии у него как будто бы основного или первоначального значения 'пахание', 'возделывание' или 'обрабатывание земли', 'земледелание', с другой—в числе характерных значений глагола *col-o* имеется, так у поэта Овидия, и 'праздновать', 'торжествовать'. С этим термином, получившим в новейшие эпохи европейской истории связываемое с ним теперь обычное значение при прослеживании его палеонтологии, мы попадаем, следовательно, в ту же, по сей день трудно, казалось бы, разрешимую проблему: что древнее в осознании человека, 'рука' или 'небо', *resp.* 'бог'? Каково не в действительности, а в мировоззрении человека хронологическое место 'руки' сравнительно с 'небом', *resp.* позднее 'богом'? Так ставится вопрос. Так ставился вопрос и нами в нарушение основного положения мутационно-эволюционной системы по яфетической теории, именно эволюции в диалектическом процессе, при котором простым явлениям, как и сложным из простых, предшествуют диффузные явления.

Не подлежит спору, что если земледелие переплетается с почитанием бога или служением ему в значениях одного и того же термина, то нет еще основания противопоставлять одно явление, земледелие, другому, богопочитанию, ибо само обрабатывание земли, все части земледельческого дела, в мышлении человечества на начальной стадии его развития, это культовые предметы.

Но обстоятельство тут еще иное, раз'ясняемое палеонтологией речи и постольку способствующее более правильному освещению тяжбы руки с небом, вопроса о хронологическом первенстве. Конечно, спору не подлежит, что рука

предшествовала своей работой возникновению представления о боге, о самом первичном его образе в мышлении человечества, но фактическое или материальное первенство явления не решает первенства его общественного осознания, что является, однако, решающим моментом в хронологической последовательности явлений языкового порядка. Человечество в невежестве, человечество, находившееся во власти неизвестных ему еще сил природы и управляющееся ими, а не управлявшее ими, не было способно так оценить значение рабочей 'руки', как мы то делаем теперь, осознать, что 'рука'—творец всей нашей культуры и через 'руку' человек, человечество,—создатель ее, и никто другой и ничто иное.

И осознание творилось не естественно-исторически, по одному факту нахождения предмета в физической среде, а в процессе выработки своего мышления и его технических средств, бравшихся не из природы, а из производства. Потому-то в основе, напр., глагола 'рождать' палеонтология вскрывает не передачу природы вещей, а функцию явления и постольку отложение терминов производства, слова 'рука' и от нее произведенных глаголов 'делать', 'производить', 'приобретать' и т. п. Само слово *pātuga*, латинское слово, отнюдь не указывает своим корнем и архетипным значением на природное самопроизвольное возникновение, а на сделанность или созданность, совершенно также, как слово *cul-tūra*. *Nā-tūra* как будто происходит от *pasog* 'рождалось', *patus* 'рожденный', но как в грузинском *шца* 'родил' восходит к имени 'рука' *ши* (по пучковому значению 'рука' + 'женщина' + 'вода'), в полном виде элемент А (салский) *шиг*, так *pasog* 'рождаться', оно же 'производить', восходит к скрещенному слову, двухэлементному *pas-c-[og]* || *pā-tūra*, именно, ДА, т. е. рош-салскому, причем элемент Д (рошский) *па*, также как элемент А (салский) *tur*, resp. *tur* || *sk-og* значат одинаково 'руку' (по пучковому значению опять таки 'рука + женщина + вода'). Сюда же относится л. *panc + i + sc-og* 'получать', 'приобретать', также от 'руки' (*panc* √ **nas*), или, если начальный звук *p* в *pasog*, *pātu-s* считать пережитком *gn*, т. е. *patus* отождествлять, как то делают индоевропейцы, с *g-natus* (*a-g + pā-t-us*, *co-g + pā-t-us*), перед нами скрещение трех элементов С (*g ← gn*) + Д (*pa → pah* √ *nas*) + А (*tur*).

По существу, следовательно, *cul-tura* и *pa-tura* в архетипе однозначущие слова. Не по природе, конечно, стал называться 'рукой' созидавшийся материальный мир, а по-раньше нареченному производству 'руки' стала называться природа. И если сейчас, и со времен исторически засвидетельствованных памятников латинской речи, под термином *natura* понимается нечто естественное, как противоположение содержанию термина *cultura*, искусственному созданию, то, во-первых, такое различие терминов есть вклад позднейших этапов развития хозяйства с его техникой и общественностью, позднейшего общественного мировоззрения, позднейшего мышления и соответственного использования одного из двух названных раньше однозначущих терминов для обозначения независимого от человеческого творчества материального мира. Во-вторых, и на более ранних еще этапах развития человечества рукой созданная материальная культура и природный материальный мир различались, но последний отличался от первой не как самородное независимое творение, как мы хотели бы то представить, а, согласно с космическими представлениями общности тех эпох, как создание неведомой силы, т.е. опять таки производство руки, но руки того, конечно, тогда таинственного для них существа, какое возникало в их воображении, и как они представляли себе олицетворенную ту неведомую силу, впоследствии 'небо', 'божество' и т. п., но всегда с символом—рукой. И тогда возникает не один языковедный вопрос, а целая пара: 1) случайно ли из двух первоначально однозначущих слов, *cul-tura* и *pa-tura*, последнее именно выбрано было для наречения природы, по представлениям той эпохи, создания небесной руки?, 2) если, действительно, 'природа' и 'материальная культура', одинаково воспринимавшиеся как сотворенные, рукой созданные, носили соответственно названия, происходящие от 'руки', то почему ни один из этих столь архаичных латинских терминов ничего общего не имеет с обычным латинским словом, означающим 'руку' и у римлян и у всех романских народов, именно *man-us*. Ответ не так трудно дать, как может казаться с первого раза, не так трудно, по крайней мере, наметить при палеонтологическом горизонте, увязанном яфетической теорией с историей материальной культуры.

Во-первых, к слову *man-us* 'рука', собственно, к его основе мы не можем относиться как к отводимой от того

общего глоттогонического процесса, в котором 'рука' через с ней связанное действие ('делать', 'производить', 'творить') переносилась в наименование 'природы', так как, во-первых, тап свистящей группы в его разновидности по шипящей группе, следовательно, с губной огласовкой, да с под'емом т^ав дает слово bon ↔ bun, хорошо известное в значении и 'природы': арм. bun 'природный', арм. бәп-и-дһип 'природа', характер', г. bun-e-ba 'природа', слово, обычно признаваемое иранским потому, что оно вошло с этим и иными сродными значениями в иранские языки, персидский и другие, как наследие от языков яфетической системы. В яфетических языках более полный пережиток архетипа *bund (√ *bug) появляется и в разновидности *fund > fund, сохраненной латинским в форме fund-us 'земля', 'основа', грузинским в форме ფიძ-ე 'основание', 'корень', 'почва', в обоих языках в порядке позднейшего космического представления о природе-божестве, о земле-божестве, как опоре, 'дне' или 'корне' всего, земле-почве, и в этом значении слово bun налично и у армян, равно осетин, не говоря о персидском—пехлеви и др., но то же слово с широкой губной огласовкой bon у осетин означает также 'силу', 'возможность', т. е. по палеонтологии речи то же, что л. тап-us, т. е. 'рука'; во вторых, вторая разновидность шипящей группы, сохраненная и грузинским в виде ფიძ-ე (в латинском fund-us) 'основание' и т. д., с тем же губным на нисшей ступени в виде *fuz-e, представляет основу греч. термина φωζ+ι-s, род. φωζ+ε-os, т. е. φωζ-ε × φιძ-ε со значением опять таки 'природа'. Следовательно, нельзя говорить, будто элемент В, что представляет собою в основе слово тап-us 'рука', не был использован в значении 'природы' и дериватных уже от 'природы' слов, он сохранился с таким значением на Кавказе, в Армении, и в Иране (bun), он сохранился с тем же значением и в Средиземноморье у греков (φωζι-s), и лишь в Италии он не имеет таких глубоких корней, вращаясь в роли обиходного слова исключительно со значением 'рука'. Что же касается внимания, оказанного термину па-tuga в значении 'природа', предпочтительно перед словом cul-tuga, которые друг с другом расходятся лишь основой или первым элементом, элементом D (рошским) в па-tuga и элементом А (салским) в cul-tuga, то, очевидно, элемент D представляет на Апенинском полуострове, в Италии, отложение более

древней общности, этнически связанной с этрусками столь древним термином, как название старой части света Ew-го-ра, оно же название греческого женского божества, так как основа го, что в составе Ew-го-ра, лишь разновидность основы, что в составе et-gus-k, а, хотя элемент A представляет на той же территории, допустим, и позднейшее явление, но он связан органически своей основой с такими для греков и римлян, прометеидов («индоевропейцев»), до-историческими топонимическими терминами, как в Греции Фе-сал-ия (Фе-тал-ия) и на западе от Греции И-тал-ия и на территории же Италии один из древнейших культовых терминов, именно этрусское название Афродиты — Тиг-ап, а за пределами Средиземноморского мира на Востоке оставивший свой след в мифических походах греков на кавказский народ кол-хи или kol + o-q' и, а в связи с последними, как выясняется сравнительной грамматикой яфетических языков «скол + от-ы», которые грекам стали известны позднее под другим названием «скифы» (skw-ῥα).

Если же отойдем от этих топонимических и мифических головокружительных далей в глубину времен самого Средиземноморья и встанем на более как будто твердую почву, именно населенные страны с его территориальными пределами, и отвернувшись от значения культовых и собственных имен в сторону нарицательного значения и элемента D — па —> па и элемента A — kul, именно значения 'руки' (пучкового значения 'руки' и т. д.), то и здесь перед нами открываются не менее головокружительные перспективы, опасные для слабонервных в вопросах забытой человечеством своей прошлой жизни, — той прошлой жизни, которая отбрасывается и учеными за чертой оседлости исторических эпох в до-историю. Дело в том, что па, вообще элемент D в значении 'руки', сохранили нам из черноморских народов яфетиды — абхазы: а-па-рэ, да финны и славяне, последние в слове «ру-ка», а kol <—> kul в значении 'руки', в точности, с той же губной огласовкой, сохранили восточные турки в джагатайском и таранчинском наречиях в разновидности kol, и чувашаи в разновидности qol <—> qul, у кавказских яфетидов-удинов — qul, а с огласовкой «а» и «е» кроме яфетидов Кавказа и турок, — армяне, греки (qeuγ <—> qepi) и баски.

Выходит так, что та 'рука', которой если не взрыта девственная целина средиземноморского культурного мира,

то заложено основание земледельческих уже металлических эпох в жизни человечества, ныне оказывается на далеком от Италии Востоке представительницей его коренного населения, откуда уже, как история свидетельствует, части этого населения, тюркского (речь о тюрках), лишь впоследствии появляются в Европе в путях переселенческих движений, иммиграций, не раньше IV века христианской эры¹⁾.

Историческая культура имеет предпосылками трудовую жизнь и накопление плодов трудовой жизни.

Понятное дело, что в момент возникновения звуковой речи и в предшествующие ей эпохи ни о какой первобытности не может быть речи.

А кинетическая, т. н. линейная или ручная речь?

Была ли кинетическая речь даром природы? Или и она также стяжание трудовой жизни человечества? Сравнительно с звуковой речью кинетическая речь более, несомненно, натуральна, у основного орудия производства кинетической речи, руки, более непосредственная или наглядная связь с центром мышления, более непосредственно физическая. Добрая часть кинетической речи могла происходить на начальной стадии ее развития автоматически, под влиянием аффекта, без способности воспринять последствие и причину и их связь, без надобности в мышлении самопроизвольно, как акт физической деятельности плоти, ставшей носительницей человеческого образа с способностью к движению и передвижению, но тогда эта плоть, это физически человекообразное тело и не было человеческим, тогда не было еще человечества ни, конечно, и признака человечности, наоборот, постоянное хотя бы самопроизвольное повторение одного и того же действия или немногих сходных действий руки и содействовало техническому развитию и укреплению мышления путем накопления определенных навыков, становившихся постепенно, в связи с производством первобытного хозяйства, и создателем представления о причине и последствии, нормирующим началом, выразителем представления о причинности. В сумме эти повторные рефлексy, накопленные навыки человеческого тела и его хозяйственно-общественной работы в их увязке, увязке физики с социальным творческим моментом создавали осо-

¹⁾ Об этом подробнее в работе „Расселение народов и языков и вопрос о прародине турецкого языка“ (печатается в журнале «Под знаменем марксизма»).

бую психологию первобытного человечества, психологию отличную от животной. Длительное господство кинетической речи, многие десятки, если не сотни тысяч лет, и явилось источником создания мыслей и укрепления их работы, причем, если технически тут действовала рука, идеологически все зависело от общественности, следовательно, в конечном итоге и от хозяйственного строя, уже продуманного или планового хозяйственного строя, который осуществлялся хотя и без искусственного орудия производства, но с искусственным использованием натуральных предметов производства окружающей физической среды. Следовательно, даже кинетическая речь предполагает некий трудовой процесс как предпосылку его развития. И с кинетической речью развивалось в свою очередь общественное мировоззрение, не исключая и культового или магии, не исключая представления о таинственной силе и потребности с нею общаться, ее улаживать и ее чувствовать. Однако, при отсутствии звуковой речи все выявления своего отношения к неведомой силе не для забавы или непроизвольного экстаза, а в интересах намеченного производства у первобытного человечества могло сводиться лишь к уподоблению себя ему, его воплощению в себе движением тела и звукоиспусканием и неистово или уравновешенно, внесением размеренности нормирующего такта, т. е. в конечном результате дело могло сводиться неразлучно к пляске с пением и музыкой. Ясное дело, что и в этих своего рода колдованиях, независимо от технически необходимых движений наравне с прочим общим телодвижением, в частности, и движением ног, руки играли и роль организующего или руководящего начала. Руки, вообще, являлись решающим моментом в новом, отличном от норм животных, направлении жизни человечества.

§ 34. 'Рука' — великое творческое начало, и поучительно выслушать как ее, 'руки', значение в развитии человечества, как создателя общественности и культуры, оценивается в кругу археологов.

Подробнее мы решили остановиться на разновидностях слова 'рука' при обсуждении терминов, означающих 'камень'. 'Камень' по функции 'орудия', первого палеолитом свидетельствуемого 'орудия', заменил ведь 'руку'.

Но предвосхитим здесь значение 'руки' как орудия производства в археологическом освещении. Так W. Deonna,

профессор Женевского университета, директор Женевского музея искусств и истории и консерватор археологического музея той же Женевы в книге „Археология, ее область, ее цель“¹⁾ пишет:

„Первый признак прогресса это пользоваться из всех частей тела в роли орудия преимущественно рукой, затем пользоваться исключительно ею. Такое пользование зависит от вертикального положения, которое принимает человек при выходе из животного состояния. «Благодаря вертикальному положению, руки были совершенно освобождены от всякой иной службы кроме того, чтобы брать и обследовать предметы, фабриковать и управлять орудиями защиты (Perrier)». Потому ли, что человек оставляет свои привычки животного лазуна и начинает искать себе убежища в пещерах или по другим основаниям, что бы там ни было, рука из органа движения (locomoteur) становится орудием труда. Ею человек заменяет сначала зубы, раньше чем воспособлять себя камнями, ветвями, и создавать орудия²⁾. Эта примитивная стадия, на которой рука есть по преимуществу орудие, существует еще и по сей день, как существуют все примитивные формы совместно с формами, наиболее эволюционировавшими. До концепции вместилища для жидкостей с использованием для этого плодов, раковин, прежде чем его сделать из глины (en terre), стадия уже более развитая, человек пользуется своими руками, складывая их. Индеец, чтобы обозначить воду, образует чашу из рук, и на различных языках слова напоминают это примитивное действие, напр., по кельтски *ambosta* на старо-французском *jointée* ‘соединение’ или ‘сложение’.

„Вот орган, открывающий человеку путь цивилизации. Он отражается на его физике и духе. Это он, этот орган, создает искусство, которое позволяет возникнуть техническим изобретениям иным, чем у животных. Человек обладает рукой, как антропоиды, с большим пальцем, противопоставляемым ей, что придает ей всю ее полезность. Но эта рука с ее большим пальцем не послужила бы ни к чему, если

¹⁾ Стр. 72.

²⁾ Эти и последующие мысли материалистически последовательнее развиты у Нуаре, который, впрочем, сам целиком цитует значительный отрывок по вопросу из труда Гейгера „Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit“ (см. Людвиг Нуаре, „Орудие труда и его значение в истории развития человечества“. Перевод И. Давидзона. Госиздата Украины, 1925, стр. 52).

разум (l'intelligence) не оказал в свою очередь ей, руке, своей помощи и не позволил человеку сделать из нее иное употребление, чем то наблюдаем у антропоидов. Во все времена философы признавали эту огромную роль человеческой руки, видя в ней орган—создатель, поднимающий человека выше животных. «Человек наиболее разумный из животных, потому, что он обладает руками», говорит греческий философ Анаксагор ¹⁾. Рука — «орудие орудий» ὄργανον ὀργανῶν по Аристотелю. Она omnium artium ministra, служанка (по Деонна l'instrument) всех искусств по Цицерону. Сколько новейших философов повторяли эту мысль. В XVIII-м веке это Гельвеций, ныне это Бергсон, когда он хвалит (vante) эту человеческую руку, которая может выполнять какую угодно работу, тогда как животное, напр., насекомое, имеет appendix'ы [букв., 'привески' или 'придатки'], приспособленные к определенной роли, всегда одной и той же. «Рука, которая хватает, это орудие орудий, это самое движение, производящее действия, это рука, открывшая нам цивилизацию», говорит Нуаре. Социальная роль руки колоссальна (immense). Человек—художник (artiste), потому что он умеет творить технику (des techniques), оформливать сырую материю, но он является таковым благодаря действующей руке и благодаря своему мозгу.

„Народная мысль, мысль религиозная и мистическая с ранней поры поняла эту творческую роль руки. Они [народная мысль, мысль религиозная и мистическая] в руке и помещают часто душу, жизненную силу, и можно говорить об «*âme maniaque*» 'ручной душе'. Они оттуда производят ряд (quantité) верований, обрядов. Они придают 'богу' форму изолированной 'руки', которая благословляет или грозит, вознаграждает или наказывает²⁾. Сверх'естественную руку и почитают, несомненно, уже люди палеолита, как настоящие [современные нам] примитивы. Рукой открываются еще в наши дни духи спиритов. Художник эстетик увековечивает инстинктивно эту мысль столь правильную, представляя творчество как громадную руку, выходящую из массива камня и держащую пару человеческих существ (Rôdin)».

Однако, не забудем поправки и дополнения. Когда человек дает представление о воде сложением рук в сосуд

¹⁾ Род. в 500 г. до н. э., приблизительно современник философов Демокрита, Эмпедокла, Парменида, Зенона, отмечающий поворотный пункт в истории греческой философии. Об Анаксагоре см. Т. Гомперц: Греческие мыслители. Пер. с нем., т. I (СПБ 1911), стр. 182—198.

²⁾ В оригинале по печатке unit Вм. punit.

для питья, то это не совсем или, точнее, совсем не примитивная стадия развития, как то думает Деоппа.

Место о том, что разум помогает руке, подлежит переизложению, с учетом возникновения самого разума от активности руки.

Ближе к яфетидологическому пониманию в своих общих суждениях по тому же предмету Людвиг Нуаре, когда он говорит ¹⁾: 1) «Человеческий интеллект—самая могучая из известных нам сил природы, ибо эта сила заставила природу служить себе. Она проявляется для научного наблюдения в двух одинаково удивительных сферах, повидимому, совершенно независимых, но, в действительности, неразрывно связанных между собой: в человеческом языке и в человеческой работе».

2) «Язык есть тело мысли. Это—в высшей степени своеобразное, необходимое средство, которым осуществляется мышление. Лишь по недомыслию или по злоупотреблению словами, можно приписывать разум и мышление бессловесным животным».

Но то же самое мы имеем основание говорить и о 'руке', когда человечество располагало лишь кинетической или ручной речью.

Конечно, хорошо, что философы, собственно, европейцами опрашиваемые исключительно классические мыслители, греческие и латинские, на пространстве с V-го века до н. э. до I-го, доходили до мысли о важности руки как творческого начала, но сам язык человеческий, древнейший в мире очевидец по вопросу, дает более яркие свидетельства того, чем человечество обязано руке в части разума и искусства.

'Разум', так арм. han-tar восходит через 'изобретательность', 'находчивость', 'ловкость', к слову, означающему 'руки': han-tar скрещенное слово, двухэлементное (CA)—han-'рука', tar—'рука' (отсюда арм. глагол han-el 'извлекать' и арм. 'средство'), resp. kar 'рука', отсюда г. tar

¹⁾ Цитаты из Ludwig Noiré, Das Werkzeug und seine Bedeutung für die Entwicklungsgeschichte der Menschheit (Mainz 1880), воспроизвожу по русскому изложению И. С. Плотникова. „Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эспинас. Роль орудия в развитии человека“, стр. 25. (Коммунистический университет имени тов. Зиновьева. Рабочее изд-во „Прибой“. Ленинград 1925), См. также названный труд Нуаре в цитованном выше переводе И. Давидзона с его предисловием и примечаниями, стр. 39.

‘ручка’, ‘рукоять’, арм. *kaḡ* ‘сила’, г. *e-kaḡ-eb-a* ‘прикасается к нему’.

Когда, следовательно, речь об ‘уме’, то ‘рука’ тут как тут, и если г. языке *qel* || *qel* значит ‘рука’, а в арм. в форме pl. t. *qel-q* ‘ум’, равно ‘мозг’ (по предмету место), то мы уже не можем говорить о случайности созвучия грузинского слова с армянским, этимология которого до сих пор неизвестна, ибо лингвисты-индоевропеисты интересовались не армянским языком по существу, а его фонетикой и морфологией, так, впрочем, и не раз’ясне~~нными~~ в их писаниях, между тем—*qel-aw-q* ‘хитростью’, в ново-арм. ‘умный’ и т. д. и если то же слово в древне-литературном произношении *qel* (ныне *qeg*) у армян значит ‘безрукий’, ‘урод’, (*mancus*, *mutilus*) и т. п., а у грузин *qel* означало ‘безумный’, ‘бешеный’, то в обоих случаях мы имеем обычное нарицательное использование одного и того же слова, означавшего преемственно и ‘руку’ и ‘ум’.

Деонна не представляет себе, как не знал того, разумеется и Цицерон, что л. *ag-s*, *art-is*, ит. *ag-te* ‘искусство’ это в архетипе *ag-te* || *ag-to* (отсюда и л. *ag-tu-s* ‘член тела’), означавшие первично ‘руку’ (отсюда по-баскски *arte* послелог достижения—«до»), это двухэлементный скрещенный термин, как армянский *han-tar* (СА), но с расположением элементов в обратном порядке (АС)—*ag-te*, причем *ag* ← *han* × *kaḡ*) именно то слово ‘рука’, которое лежит в основе глаголов баск. *ag-tu* ← *han-tu* ‘брать’, ‘получать’, арм. *ag-əp-el* ‘брать’, с под’емом (*han* × *kaḡ*) наличное у армян в значении ‘сила’ (‘рука’) и т. д., что же касается *te*—это пережиток полного вида *ten*, основы глагола л. *ten* † *e-o* ‘держу’, фр. *ten-ir*, *ten-s* ‘держу’ и т. д., и т. д.

Да и само русское слово «искусство»—в основе представляет разновидность бск. *es-ku* ‘рука’, что в свою очередь есть скрещение двухэлементное ДА, ибо *is* ← *es*, пережиток *is* ↔ *tes*, рошского слова, в виде спирантизованной разновидности *guh*-(√*hgu*ш) наличного в составе русск. *gu-ka* ‘рука’, а *ku* √ *kuḡ* √ *kuš*, resp. *kus*, это окающая разновидность второй части этого же слова *gu-ka*, т. е. элемента А (салского). В грузинском термине ‘искусство’, как мастерство представляет прямо таки наглядное производство от ‘руки’: *qel-ob-a* „мастерство“ и т. п.

А ручная душа, *âme maniaque*? Да ведь это то, что яфетическая теория утверждает по семантике в основном положе-

нии о функциональном развитии значений. Выражение сущности, отличительного свойства человека, первоначально 'рука', впоследствии заменяется и 'духом-душой' и слово 'рука' переходит на 'душу'. Арм. and-эп 'душа' × hand-эп → нем. hand 'рука', хотя у армян это слово, используемое в значении 'души', употребляется одновременно и в значении 'тела', 'личности', да более того: оно оставило яркий след как слово, означавшее некогда 'руку' в глаголе у and-эп-ел 'вручать'. Когда мы знаем, что шумерское ши 'рука' есть усеченный вид шиг, переживший у грузин в качестве усвоения в путях скрещения с дериватными глагольными значениями от 'руки', 'делать', 'совать' и т. п., то это не мешает нам признать в шиг слово шипящей группы (м. и ч.) со значением 'душа', как оно и есть.

В языках позднейших систем, напр., семитической и прометеидской, значения так распределились или присвоенные им разновидности слов так фонетически видоизменились, что проследить то же самое на материале из одного и того же языка значительно более трудно, если не сказать, что невозможно.

'Рука' у русских скрещенный двухэлементный (DA) термин, первый элемент рошский—ги (← *guc), имеющий отнюдь не случайно созвучный эквивалент у семитических народов в форме guh—евр. guah (пиш. guh), сир. guh-a и арб. ги ħ со значением 'дух', 'душа', и в то же время мы не можем не учесть того, что этот элемент D (рошский) слова «рука» в русском же бывает представлен и в сибилантном виде гиш (откуда «рушить» «разрушать» и т. п.) и т. к. вообще в прометеидских языках начальный г по завещанности от состояния до-исторических для прометеидов языков, у прометеидов, да и их ближайше-предшествующей сменны, финнов предлежит различно, так и в виде d (× d √ r), то в русском duш-a √ duх (через *dцш-a || *duх) есть разновидность того же гиш √ *guq 'рука', 'душа', воспринятая в русскую речь через такую языковую среду занимаемой ныне русским языком территории, как, напр., коми, где этот фонетический закон, спасение начального г перебоем в зубной аффрикат существует.

Роль руки, как основного объединяющего или организующего орудия речи, громадна. Рука в центре языковой жизни человечества также, как в центре производства тру-

довой его жизни. На ней, руке, лежали все те функции, которые впоследствии отправлялись 'камнем', 'металлом'.

И, понятно, длительное господство кинетической речи создало определенные ценности, завещанные следующим поколениям на неизбежное использование в возникшем у них звуковом языке.

Непрерывная последовательность от речи кинетической к звуковой поддерживается и содержанием 39-го пункта программы нашего курса, поскольку вскрывается, что у звуковой речи есть «идеологическое наследие линейной, т. е. кинетической речи».

Я здесь останавлиюсь лишь на двух моментах уже материально, т.е. на фактах, свидетельствующих о непрерывной последовательности от кинетической речи к звуковой. Глагол 'звать', др.-л. груз *tod-a* 'он позвал его'. Глаголы — позднее явление, следовательно, 'звать' происходит от имени, но имени какого рода? От имени 'зов'? Наоборот, оно само глагольного происхождения, в нем самом чувствуется элемент 'понятия-действия', а вовсе не 'имени-образа', но какой образ-имя может быть для значения 'звука'? Не может быть никакого. Как же быть? Чудо? Нисколько, надо исходить из того, что в кинетической речи соответствует 'зову' по материальному значению. А что? Движение руки в сторону призываемого с сгибанием ее к себе. Следовательно, имя, от которого происходит звуковой термин 'звать', палеонтологически не 'зов', а линейный или кинетический символ 'знак', 'рука'. Совершенно верно, потому что не только 'звать' и 'указывать' в яфетических языках созвучны, более того, иногда совершенно совпадают, но и 'звать' и 'протягивать руку', 'протягивать', 'предлагать', ибо 'звать', также как 'протягивать' происходит от 'руки', представления о 'руке'.

Груз. др.-л. *u-toda* 'позвал', 'назвал его', *u-toda* 'протянул ему' в формуле *tot* ($\leftarrow \rightarrow$ *tut* \rightarrow *tot* \leftarrow *tut* \times *tət*): т. *tut* 'хватать' 'держат', чв. *tut* 'держат', 'ловить' и т. д., г. *tot* 'рука' 'лапа'.

В Песни и песней Ипполита Антипапы в выражении *tanul-eᶓ-sa mas qortilisasa* на 'званный пир свадебный', на отвлеченное понятие на *-eᶓ* (это форма и собирательных имен, почему, напр., названия стран на *-eᶓ*: *kaq-eᶓ* 'Кахия'-Кахетия, *qevsur-eᶓ* 'Хевсурия'-Хевсуретия, *inguš-eᶓ* 'Ингушия'-Ингушетия, *Rus-eᶓ* 'Россия' и т. п.), а *tan-ul* прич. форма 'приглашенный' от *tan* 'звать', слово, усвоенное

грузинским из языков шипящей группы с подменной свистящего \dot{t} шипящему t , ибо в мегрельском основа звучит $\dot{t}ap$ ($\dot{t}ap$ -афа 'звать', 'приглашать'); эта же основа в грузинской разновидности $\dot{t}ap$, но с озвончением аффриката $*\dot{d}ap$ - i у армян сохранилась с эпентезисом в виде $\dot{d}aup$ в значении 'зова', 'голоса' (ныне говорят $\dot{d}ep\ tui$ 'позови', букв. 'дай зов'). Если бы груз. не заимствовал м. $\dot{t}ap$, а имел родное ему соответствие, оно звучало бы $*\dot{t}ep$, а не $\dot{t}ap$, и вот, если вывести весь ряд сс: $\dot{t}ap \rightarrow \dot{d}ap \rightarrow \dot{d}ap \leftarrow \dot{t}ap$ и т. п., то с утратой аффрикатности $\dot{d}ap$ сохранился в значении 'около', 'близ', а по палеонтологии речи известно, что понятия 'около', 'близ' восходят к 'руке', 'боку', 'стороне' и т. п.

Т. е., опять таки, 'зов' с глаголом 'звать' оказываются происходящими от 'руки', мановением которой при кинетической речи достигалось то же самое, для чего звуковая речь использует 'голос' \rightarrow 'зов', 'призывание', 'приглашение'.

2) По функциональной семантике новый предмет получал название старого предмета, назначение которого он призывался выполнять, т. е. 'язык' заменивший 'руку', наследовал ее названия, и ионский элемент в значении 'руки' $\dot{t}ap$, в грузинском долженствовавший закономерно звучать ten , resp. $ten \leftarrow \dot{t}in$, а с губной огласовкой $ton \leftarrow \dot{t}un$ ($\leftarrow \dot{t}un$), откуда ч. $ti-tin$ 'болтание', скрещение из двух элементов $\dot{C}A$ (ср. англ. $ton-gue$), у грузин в спирантной разновидности ep ($\leftarrow \dot{h}ep$) \times $kep \leftarrow \dot{kip}$ наличен в основе 1. скрещения ep -а 'язык', а в виде kip у армян в другом дериватном значении 'руки', именно 'раз'.

Равным образом, когда по-русски «речь», «изрекать», «говорить» имеет в основе рошский элемент, т. е. элемент $D-ge$ как в сванском $ge-qw$ 'он сказал', то 'речь', 'язык' здесь также восходит к 'руке' и в сванском и в русском—рошскому элементу (D).

У кинетической речи большое преимущество перед звуковой, особенно ценное для первобытного общества, не обладающего сильными узами взаимообщения, чтобы втягивать в свою орбиту разноязычные племена, между тем, линейная, собственно, кинетическая речь общедоступна, как иероглифы и еще более пиктография.

Но имеются и дефекты у кинетической (линейной) речи, требующей условий, необходимых для зрительного общения. Во мраке кинетическая (линейная) речь беспомощна.

Однако, надо хорошо усвоить, что при всей связанности звуковой речи преемственно с кинетической появление звуковой речи было революцией. Громадно революционное значение замены 'руки' и 'глаза' аппаратом, целиком сосредоточенным в головной части тела, в непосредственной связи с мозгом, в его окружении — с полостью рта и ушами. Действительности нового аппарата содействовало усиление общественной работы мозга от роста хозяйственной жизни и усложнения социальных взаимоотношений, вместе с тем расширение умозрительного кругозора коллективов, уже скрещенного племени. При таких данных использование технических и идеологических преимуществ звуковой речи представляло собою власть над тьмой и отчетливость в даче и восприятии материальных и надстроечных понятий, конкретных и отвлеченных представлений, образов и понятий, а в условиях общности тех эпох, в зависимости от производственной среды возникновения звуковой речи и способа ее распространения, звуковой язык не мог не стать и орудием власти, как впоследствии письменность, литература и пресса.

§ 35. Полисемантизм-многозначимость: 'рука', 'сила', 'величина', 'право' и др., так г. $\check{d}al$ (*'рука' →) 'сила', $\check{q}el$ 'рука' → 'право' √ арм. $\check{d}er$ 'рука', г. $\check{d}er$ 'долг'; 'вода', 'река' — $\check{t}kal$, sa — * $\check{s}al$ || шуг — шу, resp. $\check{s}u$. Все это наследие семантического пучка 'рука + женщина + вода'.

И дифференциация трех элементов одного пучкового значения путем закрепления каждого значения за разновидностью, с использованием особой социальной огласовки (а, о, е) или за разновидностью с особым социальным перебоем согласного звука ($\check{d} \rightarrow \check{t} \vee \check{q}$): 'рука' $\check{q}el \vee \check{d}al$ 'сила' ← 'рука', $a-dle-v-s$ 'вручает ему', 'дает'; 'река' || 'вода' $\check{t}kal$ (→ $\check{d}al \vee \check{g}al \rightarrow \check{q}al \times \check{h}al$), resp. $\check{s}al$ || шуг и т. д.; $\check{q}al$ 'женщина', $\check{d}al$ id. ($s-\check{d}al$ 'женщина дома', 'невестка', 'невеста'), в языках же других позднейших систем однозначущие слова ничего общего, повидимому, не имеют ни в греч. $\check{q}eug$, $\check{g}wne$, $\check{\gamma}wdog$, ни в латинском $manus$, $femina$, $aqua$, ни в семитических uad^{un} , $pisa^{un}$ ma^{un} , ни в русском «рука», «женщина», «вода».

Однако, если порыться внимательнее, отражение этого первоначального состояния, наличия пучкового значения 'рука—женщина—вода' прослеживается и вне круга яфетических языков, даже в кругу прометеидских, хотя бы

частично. Так, в русском 'рука', 'женщина' и 'вода' не имеют ничего общего между собою, но, если мы примем во внимание, что, как вскрыла яфетическая палеонтология, для 'воды' и 'реки' раньше было одно общее слово ¹⁾, а русск. «русалка» анализируется как наследие от яфетического слова *gusal-ka* в смысле не 'водяной женщины', как недавно толковалось без учета до-логического мышления, мышления мифологического, а одновременно и 'вода', и 'женщина', собственно, 'вода + вода', и 'женщина + женщина', более того одна основа *gu-sal* без сложного формального анализа толкуется как и 'рука + рука', и 'женщина + женщина', и 'вода + вода', гесп. 'река + река', то и в русском вм. 'женщины', 'руки' и 'воды', трех в корне различных слов, мы можем отметить, палеонтологически подходя, наличие некогда трехзначного слова или семантического пучка 'рука + женщина + вода', отложением которого является группа трех русских слов, конечно, успевших формально дифференцироваться, но в основе разновидностей одного и того же слова, это — «ру-ка» «ре-ка» (|| «ручей»), «русал-ка», одинаково оформленных на «-ка», одинаково грамматически ж. рода.

По семантике первенствующее значение имеет определение значений имен, присвоение первоначально ничего не означавшим звуковым комплексам тех или иных значений, потребность в которых народилась с усилением или умножением человеком создавшейся материальной культуры, отнюдь не в порядке научного восприятия флоры и фауны или эстетического наслаждения ими, а хозяйственного и неразрывно с ним магическо-тотемного использования растений, целебных и смертоносных, животных и т. д.

§ 36. О системе звуковой речи можно говорить лишь с эпохи, когда звуковой язык вполне сложился, и получились самостоятельные звуковые сигналы, элементы, ничем не увязываемые с предметом, подлежащим выражению.

Связь звуковой речи с кинетической, зависимость первой от традиций и навыков второй в области семантики (значений слов) была достаточно разъяснена на таких примерах, как восхождение 'имени', 'зова' к 'руке' → 'знаку' и 'мановению руки' (приглашению к себе жестом).

¹⁾ См. Н. Марр, К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории (ИАН 1926, стр. 349—354). Примеры из сибирских, северных и восточных языков.

Сопоставления системы звуковой речи с системой кинетической речи должно начаться с учета взаимоотношений орудий их производства. Разница основная в том, что в кинетической речи нераздельное господство 'руки', она и орудие производства и воплощение самой речи.

В звуковой речи орудие производства, язык и аппарат звукопроизводства—одно дело, а сами звуки—другое дело.

Естественно, технически иная система той и другой речи в отношении сигнализации предметов, т. е. значений с одной стороны жестов и с другой звуковых элементов, ставших словами.

И тем не менее, первое время применения звуковых элементов в роли значимых величин система оставалась первоначальная, именно система кинетической речи, в которой звуковые элементы могли играть лишь побочную роль, дополнительную.

§ 37. Когда мы приступаем к обучению грамотности на родном языке, то начинаем с букв: предварительно усваивается алфавит. Когда приступаем к обучению чужому языку, то начинаем с ознакомления с отдельными звуками, особенно с теми из них, которые несходны со звуками нашей речи. Как мы приучены к самостоятельности каждой буквы, так привыкли мы к тому, что каждый звук воспринимается отдельно, точно человеческая речь началась с тех отдельных звуковых величин, которые теперь произносятся с такой ясной членораздельностью и легкостью, точно самородки или хотя бы первичные элементы. Между тем ни отдельных звуков, ни даже представления о таких отдельных звуках не существовало и тогда, когда человечество стало пользоваться звуковой речью.

Впервые сложившаяся речь разлагалась не на отдельные членораздельные звуки, а отдельные звуковые комплексы, цельные слова, в своей цельности членораздельно произносимые всего четыре основы, из которых слагается основной лексический состав языков всего мира. Конечно, каждый из этих четырех основных элементов представлял и комплексный звук с невыделяемыми из его состава потенциальными звуками этого комплекса. Долго и долго отдельные звуки не были дифференцированы в той степени, как впоследствии. Даже став членораздельными, звуки сначала сохраняли диффузность, были диффузными, что отчасти пережило в дошедших до нас языках.

В начале же у человека не было вовсе привычной впоследствии членораздельности, он в ней и не нуждался, обходясь без звуковой речи, располагая обиходной речью кинетической—ручной или линейной. Звуковая речь впоследствии становится обиходной речью, раньше же она была культовой речью. Когда мы встречаемся с фактами существования двух литератур, мирской и духовной или церковной, вернее церковной и мирской, даже двух письменностей, двух алфавитов, это нас не поражает нисколько. Не поражает и то, что у многих народов письменность, гесп. литература сначала религиозная, затем лишь мирская или светская, хотя мы отлично знаем, что религиозная, культовая литература у ряда исторических народов, большинства их, позднейшая. Но когда поднимаем вопрос о двух языках, обиходном и культовом, возникает ни на чем не основанное сомнение, хотя разницы между ними было больше, ибо обиходный язык и позднее возникший звуковой отличались друг от друга коренным образом орудием производства, и символы, в одном случае—руки и линии, в другом случае—язык с аппаратом произношения и звуки.

Человек до звуковой речи, культовой располагал обиходной, говорил линейным языком—жестами и мимикой, при чем главную роль в линейной речи играла рука. Этот язык движений, кинетический язык по господствующему в нем орудию производства был, можно сказать, ручным.

Работающая рука была организующим началом, был ручной разум. Звуки не играли в процессе ручного говорения никакой роли, если исключить разве выкрики аффекта, но эти выкрики не были еще тогда вовсе членораздельные звуки.

Раз возникновение членораздельных звуков отнюдь не вызывалось потребностями общения, раз для этого имелся обиходный язык линейный и ручной, раз возникновение членораздельных звуков не могло вызываться потребностью звуковой речи, раз ее не было и нужды в ней не было, то происхождение приходится искать в иных условиях трудовой жизни, именно, как и происхождение трех искусств, одного линейного—пляски, двух звуковых—пения и музыки, т. е. игры на инструменте. Происхождение это приходится искать в магических действиях, необходимых для успеха производства и сопровождавших тот или иной коллективный трудовой процесс. Как известно, пляска, пение, музыка первоначально не представляли трех отдельных искусств, а входили

нераздельно в состав одного искусства. Попутно отмечу, а кто знает, тому напомню, что у древних армян глагол *erg-el*, у древних грузин глагол *m̄gega* означали безразлично не только 'петь', как впоследствии, но и 'играть', в частности, 'играть на инструменте', равно 'плясать' и ни в одном из указанных случаев мы не имеем в терминах выражения в отношении к игре на инструменте или к движениям ног как к технике: учитывалось их чародейственное значение. Ясное дело, что столь сложное магическое действие не могло обходиться без также чародейственного движения рук, этого важнейшего орудия сигнализации движением или кинетической речи, как не обходилось оно и без пения, вначале и долго бессловесного пения. О бессловесном пении, пережиточно сохранившемся на Кавказе у грузинских племен, так у гурийцев до сего дня, мы знаем хорошо из современности. То же самое наблюдается у т. н. первобытных народов, в древности оно же свидетельствуется как факт у армян, свидетельствуется с порицанием, и свидетельствует об его существовании у армян их национальный историк Моисей Хоренский, писатель не позднее VIII-го века (по преданию V-го века), усматривавший в такого рода пении варварство. В процессе этого сложного магического действия, какой бы им ни сопровождался тяжкий производственный труд, не могли не нарасти дальнейшие ступени развития чародейственных рук и усиливающих значимость всего действия звуков, произносившихся устами, несомненно, не вполне еще приспособленными к точному и членораздельному их произношению, в начале более горлом и губами, чем наличным теперь распределением этой функции по всем частям гортани и полости рта. Дело лишь в том, что о существовании музыкального инструмента, как мы то представляем, до возникновения звуковой речи мы не можем говорить. Мы не можем утверждать и о существовании таких искусственных орудий производства звуков как барабан и его дальнейший осложненный вид *дауга* или 'кастаньетка', служащие не столько для развития мелодии, сколько для внесения в них аффекта, подобно выкрикам, и такта. Но отрицать существование этих моментов до изобретения музыкальных инструментов в магическом действе, отрицать присутствие в нем музыкальных звуков этого порядка никак не можем, поскольку для их производства использовывалась и продолжает использоваться по сей день рука: речь о

таш'е, без которого не обходится ни одна пляска, тем более хоровая: таш (√ tar в м. tal) 'рука' → 'ручка' √ tor 'горсть'.

До возникновения коллективной или хоровой игры или пляски не могло существовать не только музыкальных инструментов, но и тех музыкальных звуков, которые творит человек. Т. е. магическое действие, сопровождавшее коллективный трудовой процесс, первоначально состояло не из объединения раздельно существующих теперь трех искусств и еще кой чего, прежде всего 'эпоса' или 'слова', носившего в себе каждое самостоятельно, когда оно возникало, особую магическую силу и представлявшего собой независимое чародейство. Оно, магическое действие, выделившее в процессе развития три искусства, по мифологии греков, с тремя их творцами, из коих две музы, Терпсихора, муза пляски, и Мельпомена, муза пения, а один—мудрейший из богов Аполлон, водитель муз, или мудрейший из героев Орфей, первоначально представляло одно нераздельное целое дело без музыкального инструмента, объединение пляски и пения. Любопытно, во-первых, что среди девяти муз, известных и у греков лишь со времени поэта Гезиода, нет ни одной, ведающей специально музыкой, покровительство музыке поручается особо богу Аполлону; во-вторых, Гомер не знает особых двух муз, одной для пляски, другой—для пения, он вообще не знает и канона девяти муз; в одних слоях Гомера, очевидно, древнейших, речь об одной музе в других, позднейших слоях, говорится о многих, а о девяти музах у Гомера упоминается лишь в одном месте Одиссеи (24,60), месте позднейшего происхождения¹⁾. К тому же музы—вообще покровительницы-богини различных видов поэзии, искусств и науки в целом. Из двух муз, Мельпомены и Терпсихоры, последняя, муза пляски, носит наиболее поучительное для нас и, как нам кажется, наиболее древнее название. Помимо того, что в этом названии выступает с очевидностью связь выражаемого им искусства с коллективным началом, хором (χορός), основная его часть *terpsi* не имеет ни сколько специфического отношения к технике того или иного искусства, в частности к технике и пляски, телодвижению или движению ног—'игре ногами': основа *terpsi* (←*ter-pis), resp. *terp* и по-гречески сохранила, в числе своих значений общего характера, 'насыщение', 'веселие', 'на-

¹⁾ Μοῦσαι δ' ἐνέα πάσαι, ἀμειβόμεναι ὀπί κάλη, ἠρήνεον.

‘слаждение’, ‘довольство’ и т. п., и ‘очарование’, ‘навождение чар’, ‘магия’. Когда же мы обращаемся к толкованию основ *terpsi* и *terp* на яфетической почве, то мы видим следующее: 1) эти две основы—разновидности одного и того же двухэлементного (АВ) скрещенного слова, усеченная *ter-p* и полная *ter-psi*, причем группа *ps* элемента В, т. е. берского элемента, представляет видоизменение группы *pr* (|||pl) по абхазскому закону и составляет в этом отношении часть того языкового слоя, в языках греческом и латинском, с присущими ему словами греч. ψυχή ‘душа’, ύψηλός ‘высокий’, лат. ipse ‘сам’ и т. д., который отложился в них из до-эллинского и до-латинского языка яфетической системы с тою же характерной особенностью.

2) Полный вид *ter-psi*, только продвижением гласного 2-й части скрещения уклоняется от своего архетипа **ter-pis* (resp.**ter-piш*), которого разновидностью является термин *Θes-pis*, название мифического лица, произведенного в современника Солона из аттического демоса Икария около Олимп. 61. Ему приписывалось изобретение и установление трагедии, он слыл за того, кто на дионисиевых празднествах, предполагалось, присовокуплял повествование и мимическо-орхестровское представление дионисовских мифов. Этого актера заодно с хором представлял Феспис сам и об‘единял в себе деятельность поэта, музыканта-композитора и артиста. Ясно, что в термине имеем прообраз и скомороха, т. е. ‘тотема’, ‘бога’, отсюда *thespíd-o* ‘пророчествую’.

3) Того же происхождения в греческом основа, также усеченная, термина *θεράπων* ‘слуга’, ‘сотоварищ’, в толкованиях индоевропейцев одно хорошее сближение, именно то, что его считают с общей основой с прилагательным грч. *θερητικός* ‘религиозный’, ‘благочестивый’, отглагольным именем *θερητικία* ‘религиозный обычай’, ‘культ бога’ и т. п. Хорошо в том смысле, что слово *θεράπων* означает ‘службу’ по переносу в круг житейских понятий термина, означавшего ‘службу богу’, ‘поклонение’, ‘культ определенного бога’, отсюда и значения ‘услужение’, ‘благоговение перед старшими’ и т. п.; отсюда же в средние века всплывает *θεραπευτής* со значением с одной стороны ‘монаха’, ‘аскета’, ‘подвижника’, т. е. ‘слуги бога’, с другой—со значением ‘целителя’, ‘врача’ и т. п., ибо в основе—это ‘служитель бога’, притом определенного бога, ‘кудесник’, ‘знахарь’.

Мы не будем далее углублять или расширять лингвистических изысканий по данному скрещенному термину, направленных лишь к тому, чтобы бросить свет на Терпсихору, как первую выразительницу хорового магического действия в греческом предании музу лишь одной пляски. Лингвистический анализ термина *terps* → *terp* или *ῥεραρ* мы могли бы далее вести средствами одного греческого языка и в линии палеонтологии, так первая часть скрещения *ter*, элемент А, основа греческого слова *τέρας* 'чудо', 'чудовище', также связана с понятием о тотеме божестве, о чем у нас подробнее в работе «Происхождение терминов 'книга' и 'письмо'».

4) Скрещенные слова *ter-psi* → *ter-p*, как *ῥεραρ* + *a-p*, очевидно, — разновидности культового термина, тотема, впоследствии бога, что поддерживается полностью и с формальной стороны, и с идеологической, *resp.* реальной богатым уже проработанным яфетидологически материалом. Дело в том, что усеченная разновидность главной основы нашего термина, *ter-p*, имеет безукоризненно точный закономерный эквивалент в слове спирантной ветви, сохраненном грузинами в их термине *ker-p* 'идол', 'языческий бог'. А историю *kerp* мы уже знаем: это усеченный вид полного **ker-pet*, откуда у армян охристианизованное божество *Кагапет*, у волжских народов также с полногласием *kege-met*, а у сванов *ḡer-beḡ*, *resp.* *ḡer-meḡ* 'бог'. Но мы уже знаем, во-первых, то, что *ḡer-meḡ* 'бог' из языков сибилантной ветви представитель свистящей группы, грузинский, сохранял в виде *tar-maḡ*, означавшего 'бог' (ныне *tar-maḡ* — 'язычник'). С другой стороны, с этими яфетическими *ḡer-meḡ* (|| сиб. *tar-maḡ*), в усеченном их виде *ker-p*, неразрывно связано старинное турецкое слово *ḡeleb* 'бог', о чем подробнее можно найти в работе моей о термине Челеби ¹⁾, работе, ныне требующей, понятно, ряда поправок, применительно к продвижению вперед наших яфетидологических знаний. Попутно отмечу лишь, что с богом *ḡeleb*'ом тесно связаны *derviш*'и, сам термин *derviш* лишь полная разновидность того же двух-элементного скрещения АВ или сал-бера, т. е. *der-viш* культовый термин, 'поклонник бога', 'сам бог', и как у грузин *tar-maḡ* 'бог' *tar-maḡ*, стал обозначать и 'поклонника его', 'язычника' —

¹⁾ Еще о слове „челеби“. К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии (ЗВО, XX, 99-150).

tar-maḡ, так der-виш ныне 'служитель бога', первично 'бог', теперь получает палеонтологическое оправдание. Любопытно, что и раньше, до возникновения яфетической теории, некоторые ученые термин der-виш сближали с греч. словом θεγαρευτες. Для нас сейчас важно попутно отметить связь дервишей с хоровым искусством, в частности пляской.

Затем, как выясняется в печатающейся ныне работе о числительных, термин tar-maḡ связан неразрывно с термином Индии, санскритским sga-maḡ, в Северной Азии ша-maḡ, *sar-maḡ, resp. *sal-maḡ, юк. al-ma, т. е. выходит так, в кругу наших интересов сегодняшней лекции, что в Терпсихоре имеем с грузинским божеством tar-maḡ и старо-тур. deleb и дервиша-шамана. В Терпсихоре мы имеем круг или хор шаманов, хор терпсиев или дервишей, иначе говоря, шаман, derviш, terpsiḡoga—три ступени развития одного и того же типа социального деятеля с магической силой, и лишь на третьей ступени—terpsiḡoḡ'ской, мы застаем искусство, раньше все магия, особенно ярко в шаманстве.

Если же обратиться к прямому предмету нашей лекции, то в магическом действе, разрешившемся порождением не трех искусств, а четырех—пляски, музыки, пения и зачатков или элементов звуковой речи, в первоначальном состоянии диффузно или смешанно представленных в одном искусстве, последовательность этапов развития в линии интересующего нас вопроса была такова: звуки музыкальные, членораздельные, впоследствии использованные взамен обыденной кинетической речи, в начале лишь магически сопутствующие магическому действию, долго с ним неразлучные.

Отсюда вполне понятно, почему у армян глагол flow-el, применяемый к слаганию или произнесению эпических произведений, означал 'колдовать'. Это явление—общее в речи всех народов, с тем отличием у армян в данном термине, что присущее ему значение 'колдовства', 'чар' сохранено в армянском без затемнения, тогда как в других языках это первичное значение вскрывается лишь путем более сложных палеонтологических изысканий, так

а) одноэлементный kant, с утратой исходного зубного t—kaḡ, в архетипе kaḡ, resp. kaḡ → gaḡ имеем в значении и 'петь', и 'говорить', но прежде всего 'колдовать': г. gaḡ-oba 'петь', араб. kala 'сказал', чв. ka-'говорить', фр. chant-er, л. cant-are и can-ere.

б) ma'n't (√ mar) || va-t, resp. man → ban : гр. mant-is 'предсказатель' (|| л. vā-t-es), м. mas-kur-i → mas-qur-i 'городскоп' (отсюда и 'вещая птица' pas-kund и т. п., вплоть до термина 'маг' ¹⁾), г. m-ǰer-a ← *mer-ǰer (|| mer-kur 'Меркурий') ∼ *ǰer-mer → ǰer-meu в 'Ερμῆς (ср. г. ǰ-mer-ŋ 'бог'), og-φe-ws 'Орфей'.

Четыре элемента, возникшие вместе с другими искусствами в эволюции трудового процесса, представлявшем собой магию, не имели первоначально и долго не могли иметь никакого словарного значения, ибо звуковых слов еще не было, как не было звуковой речи. Значение трудового процесса, магии, в отношении названных элементов сводится к факту выработки названных элементов, разумеется не в наличном произношении отобранных нами разновидностей SAL, BER, YON, ROШ, расчленяемом как эти четыре разновидности, а в некоем, имеющем быть установленным для каждой из них, цельном комплексном произношении, подлинно архетипном; значение того же трудового процесса сводится к тому еще, что каждый из этих четырех элементов в магическом восприятии сигнализировал одинаково с другими тремя главную таинственную силу магии, покровителя и тотема определенной социальной группы, впоследствии тотема племени, бога. В отношении же получения слова достаточно было осознать эту возможность сигнализации членораздельным звуковым комплексом хотя бы одного образа или явления, чтобы далее пошло беспрепятственно развитие звуковой речи в порядке применения тех же четырех звуковых комплексов, четырех элементов, в том или ином потребном значении, в порядке, следовательно, расширения круга предметов, сигнализуемых каждым из четырех элементов, четырех простых членораздельно произносимых звуковых комплексов, впоследствии, по образованию и стабилизации племенных группировок, четырех т. н. племенных слов, дотоле четырех нераздельных или коллективно действующих в каждой профессионально, по потребностям хозяйственной жизни, возникавшей группировке магических слов.

1. Племя кристаллизуется, следовательно, по изобретении и развитию звуковой речи. При кинетической речи

¹⁾ Ossetica-Japhetica, I. ƳaƳoŋd-i осетинских сказок и яфетический термин Ƴaskund 'маг', 'вестник', 'вещая птица' (ИАН 1918, стр. 3069 и сл.). Формальный анализ без учета элементов теперь подлежит пересмотру.

человеческие группировки могли представлять собой лишь хозяйственно - общественные коллективы, не имели вовсе признаков племенного по крови образования.

2. Раз четыре элемента имеют совместное бытие с момента их материального возникновения в любой человеческой группировке, независимо от племенных по крови образований, еще не существовавших, до использования этих элементов как звукового слова, то, во-первых, отпадает потребность в скрещении, чтобы объяснить их сосуществование. Они изначально совместны: где бы ни был любой из них, там наличен другой, следовательно, третий и четвертый, но наличен где или в какой среде? В среде работников магии, профессиональной или классовой организации, владевшей, следовательно, источником особой силы или власти, подбором орудия борьбы с природой и содействовавшей распространению своего влияния распространению магических слов, впоследствии звуковых сигнализаций образов и понятий все более и более расширявшихся кругов, распространению, следовательно, зачатков уже самой звуковой речи.

Вот здесь, однако, и место особого раздумья, расхождения судьбы слов с судьбой тех же звуковых комплексов, имевших дотоле лишь магическое значение или магическую силу без обозначения конкретного представления, образа или понятия.

Более того, четыре элемента, четыре магических звуковых комплекса имели силу лишь в определенном трудовом процессе, действовали, следовательно, все четыре вместе и каждый из них имел то значение, доленое, что и все четыре вместе или каждый из остальных трех вместе. Тогда не было вовсе звуковой речи.

Если же говорить о словарном значении, то оно могло сводиться, следовательно, лишь к обозначению источника магии, впоследствии предмета культа, тотема, позднее бога, и этот предмет культа обозначался произношением всех четырех элементов вместе и каждого в частности первично совместно с пляской, пением и музыкой, но тогда не было еще никакой звуковой речи, была речь, но лишь кинетическая, (т. н. линейная), она же ручная.

С момента использования элементов как звуковых сигнализаций тех или иных уже общественных представлений (конечно, не индивидуальных и не материальных), требовавших

своего точного общественно-понятного выражения, судьба тех же элементов, уже слов, хотя бы с неустойчивым в начале значением, но устойчивым и последовательным использованием их для выражения общественно выросших представлений и понятий, связывалась все сильнее и сильнее с общественностью, за рамками магической организации, и с ее предпосылкой, хозяйством. В зависимости от разности территориальных условий, типа хозяйства и степени развития общественности, значения, одних и тех же элементов разнообразились, выбор того или иного элемента для использования в том или ином значении в различных территориальных объединениях разнообразился, но уже на дальнейших ступенях развития новой системы орудия общения с ростом общественной потребности в ней, т. е. по мере развития звуковой речи нарастали различные их виды, и постепенно в зависимости от новых эпох развития хозяйства и общественности нарастали новые типы языков все из того же общего материала, и если, однако, и за эти позднейшие эпохи развития речи мы наблюдаем связи различных ступеней, учитываемые как признаки родства, то этим мы обязаны процессу скрещения языков, отражающему процесс скрещения общественных группировок по мере их образования, племенного, национального, государственного, но прежде всего профессионального, классового, сословного, так что, если четыре элемента неразлучимы, материально совместны с момента их первого возникновения, то того же самого нельзя говорить о тех же элементах в роли слов, о круге обозначаемых понятий одним и тем же элементом, это уже не изначальное явление, а результат скрещения, результат приобщения новой или другой социальной группировки к достижениям звуковой речи раньше ее создавшей социальной группировки.

Однако, расхождение языковых образований различных социальных и территориальных группировок имело и до скрещения нечто весьма существенное общее конструктивного характера, помимо четырех элементов, лишь материально учитываемых. Это существенное общее — использование элементов, звуковых комплексов, для выражения тех или иных представлений или понятий в той их связанности, которая была установлена навыками образного мышления, зависевшими от господствовавшей долгие эпохи до того кинетической (линейной или ручной) речи.

Когда мы говорим о расширении круга сигнализуемых звуком, каждым из четырех элементов предметов, то речь прежде всего не об отдельных предметах, а о различных категориях предметов. Однако, и здесь дело нелегкое—проведение грани между различными кругами предметов. Первый круг предметов, получавших звуковое наречение, это культовый, но хозяйственные предметы, напр., орудия земледельческого производства, сам хлеб, процесс пахания и т. д. ведь также предметы и явления культового порядка.

Постепенность расширения круга использования элементов, звуковых комплексов, как слов, т. е. постепенное увеличение предметов, вовлекавшихся в круг представлений и понятий, обозначавшихся звуковыми словами, представляло трудное дело не одного роста, но и борьбы за позиции, прочно занятые уже кинетической речью за долгие эпохи ее господства.

§ 38. *До-речевая фонетика.* С развитием звуковой речи, естественно, возросло значение не только цельных звуковых комплексов, многочисленных слов, в начале, четырех элементов, но и каждого звука. С развитием звуковой речи каждый звук получил самостоятельное бытие в общественном сознании, в сознании человечества. Раньше до возникновения и развития звуковой речи представления о самостоятельном восприятии отдельных членораздельных звуков не было и не могло быть. Звуковая речь начинается не с выработки отдельных звуков, а с использования отдельных цельных комплексных звуков, впоследствии развившихся в звуковые комплексы из трех фонем, четырех элементов, сначала доводивших свою членораздельность лишь до нераздельного произношения трехзвучности согласного, гласного, согласного = SAL, BER, YON, ROШ, тогда не имевших каждый той составности из трех звуков, которую мы наблюдаем теперь. До-речевая фонетика, уже членораздельная, была, однако, диффузная в степени трехзвучности. Аффрикаты в согласных, эти диффузоиды, представляют пережитки тех диффузных звуков. В языках яфетической системы пережили особенно ярко эти диффузные звуки, последние диффузности трехзвучной степени, чем древнее тил яфетического языка, тем с большей архаичностью диффузного состава являются диффузоиды, аффрикаты — $ṭ$, $ḳ$, $ṭ$, $ḳ$, θ , q , а в языках более древнего типа настоящие диффузоиды в аварском h и в абхазском $ṭ^{\circ}$, \tilde{d}° , θ_1 и т. п.

Работе над осознанием звуков как самостоятельных величин предшествует работа над отличением гласного от согласного, усилением гласного и согласного путем удлинения (долгота гласных, т. н. удвоение согласных) и ударения, гесп. повышения голоса, повторения целого звукового комплекса, т. е. путем явлений музыкального порядка, получивших свое выражение, как это выясняется в процессе развития пения и музыки, независимо от звуковой речи, до ее возникновения.

В построении звуковой речи человечество использовало все эти достижения музыкального порядка в произнесении звуков для ее оформления сначала в деле развития и уточнения значимости слов, а затем и созидания форм и их развития, создания различных морфологических типов звуковой речи.

§ 39. Звуковая речь нарастала постепенно в путях той идеологии, которая была получена в наследие от кинетической речи.

Так, напр., в зависимости от того, что 'звать' заменило в звуковой речи 'мановение рукой' с движением к себе в знак приглашения, а 'указывать' заменило в звуковой речи указание 'перстом', гесп. 'рукой', слово 'рука' оказалось в основе глаголов, означающих одинаково и 'звать' и 'указывать'. Отсюда 'рука' использовывалась и для обозначения, гесп. выражения 'знака'.

Даже в русском слове 'показывать', 'указывать' основа $kaz \leftarrow kas$, разновидность ka , гесп. ka , в языках яфетической системы пережившего в арм. ka ('рука' \rightarrow) 'сила', гесп. арм. ka 'бери' (\leftarrow *'рука') и означавшего прежде всего 'руку'.

Г. $zaqa$ 'звал' \times $\check{d}aqa$ || м., ч. $doqo$ 'имя', отым. глагол 'звать', представляет в грузинском усеченный вид с утратой плавного исхода l , что сохранилось в сущ. $saqel$ 'имя', причем $saqel$ означало первоначально 'руку', потому же усеченный вид этого слова $saqel$ означает и 'образ', 'вид', 'знак'. Анализ самого слова $saqel$ 'имя', 'название', следовательно, первично 'указание' \leftarrow 'рука' представлялся ясным и при признании в нем простого элемента A (SAL) с диффузным произношением начального согласного (h) в под'еме sq и далее с полногласным оформлением $saqel$, гесп. * $\check{d}aqel$, отсюда $zaqa \times \check{d}aqa$ 'именовал', 'звал', тогда как в

ḍal 'сила' ('рука', почему глагол ḍl-ev-a 'давать') тот же элемент налицо с потерей диффузности. Но возникает серьезное основание для пересмотра этой этимологии при значении 'звал', полученной одним сравнительным методом, в пользу палеонтологического анализа, именно в пользу того, что в грузинском saqel мы имеем скрещенный или из двух разновидностей элемента А (АА: *sal-qel) или из двух элементов СА (а не АС) термин sa (←не sal, ḍal, а *san, ḍan, ср. культовый глагол br-ḍana 'изволил сказать' 'приказал' и т. п.) 'рука' и qel 'рука', отсюда и zaqa, ḍaqa 'звал', 'кричал', м., ч. doqo (←doqog-) 'имя', 'зов', причем всетаки трудно одноэлементному (С) анализу арм. ḍay-n (←*ḍan-i) 'крик', 'голос', 'зов' предпочесть двухэлементный (АС: *ḍa-hin), несмотря на кажущуюся поддержку г. ḍa-qil, но абхазское слово q₁-ḍ 'имя'—явно скрещенный термин (СА←*q₁'n—ḍ'al'), с грузинским порядком расположения элементов.

Также скрещенный термин имеем в русск. «и-мя» ←i-men, *ri-men √ ri-men, resp. ni-men ←no-men || na-me 'имя'←'рука', resp. *ru+men (ру-'ка'+man-us), арм. a-po+wan 'имя' || греч. o-po-ta-'t' 'имя', последние два, армянское и греческое, слова уже трехэлементные скрещения с колебанием АDB или CDB, поскольку для решения в пользу А или С опора пока не найдена, поскольку в самом слове от первого элемента остались лишь огласовки: а или о.

Анализ термина яфетических языков сибилантной ветви также не дает основания в пользу решительного толкования первого элемента армянского и греческого слов как скрещения АС, но состав АС, с тем же расположением, по всей видимости, имеем в турецком эквиваленте, также скрещенном a-t→a-t, и это может поддержать в признании элемента А в начальной огласовке а - || о - упомянутых слов и армянского и греческого. Что же касается турецкого a-t—a-t, лишь в якутском сохранившего явно долготу в значении 'имени', прежде всего это самое слово в архетипе al-tan, resp. ar-tan √ har-kan означало, несомненно, судя по палеонтологии речи, и 'руку', почему мы и имеем лишь произведенный от имени со значением 'рука' глагол at-mak 'бросать', как от полного спирантного эквивалента его архетипа *har-tan, именно har-kan (→ar-k) 'рука' у армян мы имеем и 'бросать' ar+kan (|| впоследствии ar+k-an-el).

Новые технические средства, сравнительно с кинетической речью, у звуковой речи многочисленны. В первую очередь использование звуковых оттенков музыкального порядка

(тональности, ударения, долготы и т. п.), а затем и отдельных звуков для получения разновидностей слов в целях сигнализировать оттенки значений: *qal* 'женщина', *ḡol* 'жена', *ḡal* 'сила', (*ḡ* — 'рука'), *qel* 'рука'.

Звуковая речь — по началу культовая речь, в начале сами элементы материально выразители магии, не потому, что мир начался с магии или человеческое бытие началось ею, а потому, что звуковая речь началась на той высокой ступени, отнюдь не животной, когда существовала уже организация работников магии, и первые слова использовались естественно, для наречения сокровенных, не указуемых предметов, не указуемых по суеверному страху или физической невозможности, и, невольно, состав первичный звукового языка — культовый, и звуковая речь в этом смысле вскрывает на первых же порах вселенское мировоззрение, космическое.

§ 40. К генетическому вопросу о четырех элементах речи, как это уже раз'яснено, приходится подходить двояко: во-первых, как к вопросу о звуковых величинах, не имеющих еще вовсе функции элементов речи, когда они, в неразрывном сочетании с пляской и пением, лишь орудие магического действия, во-вторых, как к вопросу о звуковых величинах, уже элементах речи, в начале опять-таки в неразрывном сочетании с элементами кинетической речи, жестами и мимикой, когда звуковые элементы имеют лишь функцию восполнения т. н. ручной речи и только впоследствии, в результате постепенного расширения круга их использования — функцию самостоятельных элементов уже сконструировавшейся звуковой речи.

Как об элементах трудового процесса, магического действия, мы уже говорили в пределах достижимой пока их трактовки. Идеологически мы их представляем с функцией, неразлучимой с функцией пляски и пения о включении не выделявшейся еще из этого союза музыки, по совокупности, следовательно, с функцией магического действия, совмещавшей в себе нераздельно функцию и материально-производственную хозяйственную, и общественную, приходяще и функцию коллективно-организованного выражения аффекта, радости и печали, экстаза и прострации, забавы и развлечения.

Технически эти в начале элементы трудового процесса, магического действия, мы представляем выкриками, развивавшими своей повторяемостью голосовые связки и вообще органы произношения. Повторяемость содействовала искусственному музыкальному и заодно с ним членораздельному

оформлению естественных выкриков, постепенно становившихся звуковыми комплексами.

У нас осталось нераз'ясненным число элементов—четыре и оно таковым и остается. Имеем лишь одно уточнение в отношении к племенным названиям, которые являются позднейшим их использованием, следовательно, об'яснение числа элементов в смысле неиспользования, как они оказываются распределенными уже с нарицательными значениями в различных языках, а в смысле происхождения самих звуковых комплексов, можно искать лишь в организации указанного уже трудового процесса, магического действия. Количество же элементов, т. е. четырехэлементность магической предпосылки звуковой речи, таким образом, можно раз'яснять прежде всего в технике магического действия, и в этом смысле требуется внимание к роли числа в неразлучных соучастниках-элементах одного и того же магического действия, пляске и пении с музыкой, в общем—прообразе эпоса. Мне представляется с этой стороны желательным проследить палеонтологически историю ритма в поэзии и историю построения строф или четырех стихов. Пока мы можем сказать лишь, что народный размер поэзии четверостишиями у грузин, яфетического народа, нашедший свое высшее развитие до непревзойденной никем виртуозности в творении Шоты из Рустава „Витязь в барсовой шкуре“, имеет несомненно тяготение к своим народным недрам а не к нормам персидской поэзии, где, по крайней мере в письменно-литературных памятниках, он появляется позднее.

В этом народном по происхождению размере четвертый стих, начинающийся, как всегда, стоящим вне размера словечком *да*, союзом 'и', представляет конструктивно переживание, повидимому, выступлений хора, и потому четвертый стих часто сводится к назидательным мыслям или изречениям, сентенциям и общим положениям. И по отвлечении этого выступления хора, участники пения должны были представлять собою три лица, чтобы материально оправдать количество остающихся строф народного размера.

Пока одно ясно и мы должны считаться с ним, как с фактом. Это то, что четыре элемента, особенно четыре элемента речи временем своего возникновения отделены как пропастью от животного или звериного состояния человеческой твари, от животного или звериного состояния коллективной жизни. В момент не только использования четы-

рех звуковых комплексов как элементов речи, но и их возникновения, гесп. выработки их в трудовом процессе, магическом действе, человеческие твари представляли уже не стадные объединения, а социальные группировки с той или иной определенной структурой, и сами участники трудового процесса, магического действия, представляли, очевидно, организацию по структуре имевшихся уже тогда социальных группировок.

Отсюда ясно, что ни один язык мира не может представлять собой ни звериной или птичьей речи, ни ее непосредственного развития.

В этом смысле интересно, что еще полвека тому назад думали наиболее четко осведомленные о т. н. птичьем языке готтентотов. Еще в 1870 г. писал Dr. Theophilus Hahn в работе „Die Sprache der Nama“¹⁾: „Южная оконечность Африки первоначально была населена народами желтой расы, которая не находит во внешнем облике и в речи никакой аналогии ни на всем африканском континенте, ни где-либо в иной части света. Эту расу в общем обозначают названием 'готтентотской'. Название дано им европейцами из-за своеобразного языка того типа (Sprachidioms), который в инвентаре своих звуков выявляет особенно характерные звуки горловые (faucale) и со щелканием (schalzende). Для того, кто незнаком был с названным языком, эти звуки имели нечто звериное, так что вскоре его сравнили со звуками, испускаемыми индюком или вообще птичьим языком“.

Приводя соответственные описания принятых за птичьи звуков, принадлежащие перу различных путешественников и миссионеров²⁾, Theoph. Hahn непосредственно затем замечает: „Все эти авторы, как показывают приводимые места, обнаруживают незнание физиологической природы (Beschaffenheit) готтентотского языка. Еще тогда другие миссионеры, так из Дании Böving и Bartholomäus Ziegenbalg, проявили больше понимания, и из них Böving, отрицая основательность сравнения готтентотского языка со звуками „калькутских кур“, утверждает: „Эти слова не представляют отнюдь точного сравнения. Более основательно готтентотское может быть сравнено с произношением евреев“.

¹⁾ Nebst einem Anhang enthaltend Sprachprobe aus dem Munde des Volkes. Leipzig 1870, стр. 5.

²⁾ Стр. 17-18.

„В дальнейшем Vöving упоминает еще особо о способности этих народов быстро и легко выучиваться чужим языкам, чего животное понятно не могло бы сделать“¹⁾.

Возвращаясь к принятым четырем названиям элементов речи, SAL, BER, YON, ROЩ, мы не имеем надобности указывать, откуда взяты выбранные разновидности их произношения, не раз об этом говорилось.

Если не задаваться мыслью объяснить, почему именно четыре, вопрос, как мы видели, еще открытый, самая ограниченность элементов речи нас отнюдь не должна и не может смущать, т. к. мы воочию видим, как с развитием языка новый звуковой материал не создается, лишь использование бывает новое, и, естественно, чем меньше было потребностей, тем меньше было использований, и, следовательно, тем меньше было надобности в звуковых комплексах для сигнализации понятий, т. е. тем меньше было слов; следовательно, в подлинно первобытной речи, уже сложившейся, их не могло быть больше десятка, другого, допустим, нескольких десятков, а, когда вопрос ставится об элементах звуковой речи, которые в начале ничего специально не выражали, то они были полисемантически (многозначущи), и, понятно, для выражения нескольких десятков единиц понятий и представлений с избытком достаточно было несколько единиц -такого рода элементов, хотя бы лишь четыре.

Однако, четыре элемента речи имели, получив их с течением времени, множество закономерных разновидностей, возникших от обращения их, четырех элементов, в территориально различных социальных группировках людей. Взаимообщение последних вместе с объединением или взаимным согласованием хозяйственных интересов приводило, в зависимости от системы общения, к объединению или согласованию звуковой речи сначала владевшей ею организации, а затем в масштабе всей народной массы, приводило, следовательно, к тем звукосоответствиям или корреспонденциям, которые называются фонетическими законами.

Согласно установившимся звукосоответствиям, первичные или основные закономерные разновидности каждого из четырех элементов речи следующие:

¹⁾ Стр. 19.

Таблица закономерных разновидностей четырех элементов

(В простых их видах без учета палеонтологически вскрываемой диффузности начальных сибилантов ^sh || ш₁ и т. п.)

I. Э л е м е н т А.

Сибилантной ветви.

Свистящей группы.

Шипящей группы.

sal (→ zal) || шог (→ юг) ↔ шур (→ юр)

* tal (→ \check{d} al → ϑ al) || тор (→ дор → ϑ ор) ↔ тур (→ дур → ϑ ур).
→ tal (→ dal → ϑ al) || тор (→ дор → ϑ ор) ↔ тур (→ дур → ϑ ур).

Спирантной ветви (или спирантизованные).

hal (→ γ al) || ϵ ог (→ юг) ↔ ϵ ур (→ юр) || * kal (→ \check{g} al → \check{q} al) || * kor (→ gor → qor) ↔ kur (→ gur → qur) || → kal (→ gal → qal) || kor (→ gor → qor) ↔ kur (→ gur → qur).

II. Э л е м е н т В.

Сибилантной ветви.

Свистящей группы.

Шипящей группы.

val (|| mal) || vor (|| mor) ↔ vur (|| mur) || vel (|| mel)

* pal (→ bal → φ al) || φ ог (→ бор → φ ор) ↔ φ ур (→ бур → φ ур) || pel (→ bel → φ el)
ber √ be'n'd → bed, геср. ben и т. п.

III. Э л е м е н т С.

Сибилантной ветви.

Свистящей группы.

Шипящей группы.

sap (→ \check{z} an) || шон (→ юн) ↔ шун (→ юн)

* tan (→ \check{d} an → ϑ an) || тон (→ дон → ϑ он) ↔ тун (→ дун → ϑ ун)
→ tan (→ dan → ϑ an) || тон (→ дон → ϑ он) ↔ тун (→ дун → ϑ ун).

Спирантной ветви (или спирантизованные).

han (→ γ an) || ϵ он (→ юн) ↔ ϵ ун (→ юн)
* kan (→ \check{g} an → \check{q} an) || kon (→ gon → qon) ↔ kun (→ gun → qun)

→ kan (→ gan → qan) || kon (→ gon → qon) ↔ kun
(→ gun → qun).

IV. Э л е м е н т D.

las (|| nas → laz || naz) || roш (|| noш → roj || noj) ↔ ruш
(|| nuш → ruj || nuj)

* lat (|| nat → lad || nad → laθ || naθ) || rot (|| not → rod ||
nod → roθ || noθ) ↔ rut (|| nut → rud || nud → ruθ (|| nuθ)
→ lat (|| nat → lad || nad → laθ || naθ) || rot (not → rod || nod →
roθ || noθ) ↔ rut (|| nut → rud || nud → ruθ || nuθ).

Разновидности четырех элементов с учетом диффузности начальных сибилантов (^sh || ш₁ и т. д.) в элементах А и С.

Э л е м е н т А.

^shal.... ш₁ог.... → ш₁ur

* tkal (→ dǰal → θqal) || tkor (→ dǰor → θqor) ↔ tkur
(→ dǰur → θqur)

* tkal (→ dg al → θqal) || tkor (→ dǰor → θqor) ↔ tkur
(→ dǰur → dqr)

или tkal (→ dgal → θqal || tkor и т. д.

Э л е м е н т С.

^shan.... || ш₁он.... → ш₁un

* tkan (→ dǰan → θqan) || tkon (dǰon → θqon) ↔ tkun
(→ dǰun → θqun)

→ tkan (→ dǰan → θqan) || tkon (→ dǰon → θqon) ↔ tkun
(→ dǰun → θqun)

или tkan (→ dgan → θqan || tkon и т. д.

Помимо отсутствия в предложенной таблице скрещенных разновидностей, как то sag или даже шаг, равно θol и т. п., а с другой стороны шol, pol и т. п., в ней не указаны 1) разновидности с перестановкой (шго ↔ шгу ∩ шог ↔ шиг и т. д., и т. д.) или с редукцией губных гласных (э ↔ ы × о ↔ у, шэг ↔ шыг × шог ↔ шиг) или с перебойными их эквивалентами (шег ∨ шг, пег ∨ пиг и т. д.) или с их полной утратой (шг и т. п.); 2) разновидности с утратой спирантов [al || og ↔ ug или an || on ↔ un или la (|| na) || go (|| no) ↔ gu (|| nu)], равно плавных: в элементе А—^hа (→

$\rightarrow \text{'y}^1 \text{a} \parallel \text{'e}^1 \text{o} (\rightarrow \text{'y}^1 \text{o}) \leftarrow \text{'o}^1 \text{u} (\rightarrow \text{'y}^1 \text{u})$ и т. д.), в элементе $\text{B} \rightarrow \text{va} (\parallel \text{ma}) \parallel \text{vo} (\parallel \text{mo}) \leftarrow \text{vu} (\parallel \text{mu})$ и т. д.

Из относимых ныне в элемент В разновидностей с перебоем плавного $(\parallel) \text{r} \vee \text{nd} \rightarrow \text{nd}$, resp. p или d , случаи с p , будет ли то $\text{vap} \parallel \text{map}$ или bop и т. п., раньше воспринимались как ионские, причем исходили мы из разложения $\text{o} (\text{'y}^1 \text{op})$ на $\text{va} (\text{vap})$, что в определенных случаях и не исключается.

§ 41. Формальный рост звуковой речи происходил различными способами, прежде всего накоплением разновидностей словаря из четырех элементов, каждого из этих элементов. Самая дифференциация каждого из элементов, с чем связано возникновение разновидностей и постепенное их накопление, в позднейшие эпохи обязана своим происхождением социальному расслоению звуковых разновидностей, разности сначала производственно-коллективных, впоследствии племенных произношений, уже иллюстрированных многочисленными закономерными разновидностями, зависящими от звуковых корреспонденций. Но вопрос, однако, в том и состоит, как и почему возникли сами звуковые корреспонденции? Мы пока на этот вопрос можем дать не ответ, а то, что намечает возможность выработки требуемого ответа. Мы можем сказать, что едва ли наличное массовое множество закономерных звукосоответствий может быть объяснено работой одного тесного коллектива определенной организации, допустим, магического действия руководящего класса или хотя бы ряда разбросанных в различных местах такого порядка коллективов одной первичной эпохи без широкого участия массы населения с дифференцирующими особенностями их коллективного произношения, как трудно или, вернее сказать, невозможно себе представить какой-либо трудовой или хотя бы не трудовой процесс, объединяющий целые племена, с последствиями выработки имеющих ввиду фонетических законов. Объяснение явления надо искать в совокупном действии всех намечающихся факторов, начав с указания, что, во-первых, бесконечное множество подлежащего учета фактического материала по закономерным звукосоответствиям различных ныне и с давних незапамятных для истории времен многими сотнями исчисляемых языков есть уже продукт предварительного установления ныне нами генетически раз'ясняемого явления, уже развивавшихся и стабилизовавшихся его сложных норм; во-вто-

рых, тем не менее накопление этого подлежащего учету фактического материала по фонетическим законам, собственно, обогащение каждого данного языка соответственным наращением новых лексем происходило и происходит до наших дней по существу в порядке до-исторического возникновения и развития речи. С таким развитием речи возникали, следовательно, те или иные языковые нормы и затем совершалась их фактическая экстенсия с соответственным расширением применения их сначала в каждом данном коллективе той или иной организации, отнюдь, разумеется, не одного магического действия, не разлучавшегося в подлинно первобытные эпохи с хозяйством в силу мышления первобытной общественности, а бесконечно длинного ряда чисто самостоятельных производств, причем каждый производственный коллектив вместе с предметами производства творит и названия предметов с названиями технических приемов выделки, что затем, по мере потребности в них, входит в массово-общий языковой обиход отдельных человеческих группировок, то всех, то лишь одной, именно группировки общего с творящим производственным коллективом языка, или становится специальным терминологическим словарем по производству, и, в-третьих,—эти производственные коллективы, чем ближе к нам, тем более размножающиеся и тем более лишь размножающие фактически материал, чем дальше от нас вглубь времен, тем более малочисленные и тем более увязывающие размножение фактов с отбором уже наличных звуковых соответствий и их стабилизирующие как т. н. фонетические законы. В-четвертых, этот отход в глубину времен в направлении к первому производственному коллективу диффузной природы с нерасчленимостью производства с руководством, хозяйства с магией, где намечается материальное возникновение четырех элементов, сначала лишь музыкальных, отнюдь не речевых, нас приводит к немногочисленным производственным коллективам в обладании уже подлинно первобытной звуковой речью, в которых четыре элемента, уже элемента речи, получали в развитии их трудового процесса дифференциацию и оформление новых видов с гармонирующими друг с другом звуками, хотя бы лишь гласными, и было достаточно распространения таких первичных коллективов и обратного воздействия или реагирования приобщавшихся групп различных районов, чтобы эти первозачатки звукосоответствий или

т. н. фонетических законов, захватывавших постепенно или одновременно и согласные, стали из элементов звуковой речи трудового процесса элементами звуковой речи более широких социальных группировок, впоследствии сделавшихся племенными образованиями. В этих первичных производственных коллективах и во взаимодействии их организующего руководства и приобщающихся к их производству более широких кругов, впоследствии масс, и приходится искать среду возникновения корреспонденции звуков и первого использования этих т. н. фонетических законов.

Потому-то развитие речи и в наши дни идет прежними путями, в порядке хотя бы фактического размножения лексического материала по раз наметившимся нормам звуковой речи, потому-то представляет и в настоящий момент громадный интерес учет словотворчества и словоупотребления по современным производственным коллективам.

Формальный рост звуковой речи преуспевал и от сложения элементов.

В первую голову это есть хорошо уже нам известное скрещение, соединение двух разнозначущих слов различных социальных группировок, впоследствии племен, чтобы их сумма, при известности хотя бы одного из слагаемых каждой стороны, была обоюдопонятна для обеих сторон, вовлеченных в общение единством хозяйства и из него нараставшей общественности. Недавно мне рассказывал в Москве Н. Т. Тюрякулов что в Туркестане ему приходилось наблюдать, как туркестанец с родной турецкой речью при беседе с туркестанцем с родной речью персидского круга, таджикской, употреблял по два слова для выражения одного понятия: одно полное турецкое, то, что он хотел сказать, другое—соседское, таджикское, чтобы быть понятным собеседнику. Осведомитель мой не сообщал нам, наблюдались ли случаи скрещения таких пар слов, турецкого с персидским, вернее таджикским, т. е. не указан случай этого явления, наблюденный в коми языке на известном примере *ти-зем* 'земля', скрещении собственного коми слова *ти* 'земля' с однозначущим русским «земь», «земля». Примеры скрещения мы могли бы привести многочисленные, и не раз приводились, каждый из слушателей мог бы дать и из своего родного языка или языка своей специальности. †

Процесс скрещения отнюдь не замирал, следовательно, в до-исторические эпохи. Скрещение имело этапы сво-

его развития в любой среде, начинаясь парным употреблением двух самостоятельных слов, и лишь в конечном результате оно завершалось их не только полным, как бы физическим сращением, но и химическим слиянием, т. е. с такой переработкой двухэлементного слова, что от четырех согласных двух элементов, если не интересоваться участью гласных, присущих каждому из них по одному, оставалось три, часто всего на всего два. В семитических языках трехгласный состав каждого корня основан на систематическом использовании такого усечения четырех согласных двухэлементных скрещений в трехгласный корень.

Влияние скрещения в процессе его развития иногда сказывается в стиле писателей и поэтов, близких к соответственной народной речи. Так у грузинского поэта Шоты, из Рустава (XII—XIII), в „Витязе в барсовой шкуре“ мы наблюдаем такие под влиянием процесса скрещения возникшие параллелизмы, как передача мысли ‘не в оп’янении’ парным выражением *ag tʰvgał... da ag maqʰmagał*, где чужое слово *maqʰmug* (арб. ‘пьяный’) значит то же, что родное для грузин *tʰvgał* ‘пьяный’. Несколькими веками раньше, в VIII—IX-м веках, то же самое наблюдается в грузинских прозаических переводах с греческого, это регулярная передача одного греческого слова парой грузинских слов, означающих каждое в отдельности то же самое ¹⁾. То же самое наблюдаем и в стиле более древних оригинальных сочинений исторического содержания у армян.

1) Обычно как типичный пример полного скрещения, с сохранением почти без из’яна цельности каждого элемента, нами приводится двухэлементное (AB) слово с разнобойной огласовкой *ar-bog* √ *ar-bos* (← **har-bog*) ‘дерево’; это же AB с спирантным видом A и с оканием и A и B в редукции (*u* ↔ *o* √ *y* ↔ *ə*): чув. *uy-vəs* √ **uy vos*₁ √ **yog-vos*, *vus*₁ √ *vug* ↔ *bog* (√ *bos*); AB с сибилантным видом A при его экании и с оканием B: арм. *ter+e-v'o* ‘листва’, р. «де-ре-во», «дре-во», «древес-а», BA, т. е. с обратным порядком элементов, или с выдержанной, как в чв., губной огласовкой груз. литературный *fig - θel* ‘листва’ и г. *φog-θol* → *φo - θol id.*, оно-же CA с спирантным видом первого элемента при последовательной огласовке

¹⁾ Наблюдение это в агиографических памятниках груз. литературы было сделано американцем Blake’ом.

(или «а» или «е»): арм. an - tar (← *han-tar) 'лес', г. e-ter, СА с сибилянтным видом обоих элементов при разнобойной огласовке (e—o || u): *den-dur (греч. den-dr-on 'дерево'), СА с спирантным видом обоих элементов при последовательной акающей огласовке, как в армянском *han-gar × т. *a-gad → a-gaθ 'дерево'.

В своем месте мы привели случаи самостоятельного употребления каждого из двух элементов перечисленных слов, в тех же значениях, как то г. del 'дерево' — 'доска', м., ч. dal → da, суом. ruu (← *ruu), русск. «бор» и др.

2) Сложение наблюдаем и в составных словах, описательно двумя понятиями выражающих одно понятие, так: м., ч. θi-+la+mir 'слеза' ← 'глаза' (θi-) 'вода' (la-mir), г. kur-θqal 'слеза' ← 'глаза' (kur) 'вода' (θqal—tkal).

§ 42. Рост звуковой речи отнюдь, впрочем, не один формальный, знаменуется нарастанием частей речи. Первая по времени категория—имена. Союзы и наречия, первично и прилагательные, представляют те же имена без изменения или оформления имен, свойственного им самим, но само оформление имен, и, понятно, глаголов составляет новообразование, возникающее с помощью не только имен, становящихся окончаниями-символами, но и местоимения. Возникновения местоимений это поворотный пункт в истории развития языка, начало новой эры морфологической, сначала агглютинативной, затем флективной на смену аморфной. Дела не меняет, что сами местоимения все восходят к именам. В морфологии, сначала в синтаксисе, в этом предтече морфологии, они, т. е. имена, использовывались как местоимения.

В качестве местоимений использованы имена, означающие 'голову', 'душу', 'тело' и т. п. Палеонтологически эти имена восходят, будучи позднее анатомическими терминами, к племенному названию и потому богу, следовательно, 'небу', раз к 'небу', то и к 'голове', а по пучковой группе значит и к трем понятиям: 'небо + гора + голова'. Вопрос основной: местоимение возникает с представлением о собственности, это собственнические имена раньше, чем имена, выражающие лица. Выделение лиц, а особенно 1 го лица, да ед. числа, да сравнительно с 3-м и противопологаемого 1-му лицу 2-го лица, это все позднейшие сравнительно явления. Потому первые местоимения—местоимения собствен-

нические, если и говорят о лице, то речь для тех эпох может быть лишь о коллективном лице, именно конкретно-хозяйственно о социальной группировке или племени, а идеологически или абстрактно-миросозерцательно и о тотеме коллектива, впоследствии племени, о символе коллектива, боге, который и является хранителем прав собственности данной социальной группы.

С местоимением, как бы его ни понимать, и начинаем перечень увязки происхождения частей речи с общественностью, ее формами и правовыми представлениями.

Остальные достигнутые пока увязки частей речи с социальным строем включают не целые категории слов, т. е. полностью части речи, а отдельных их представителей, как, например, союз 'и' представляет социальный термин 'брат' гесп. 'сестра' (см. § 44, 3) и т. п.

§ 43. Поскольку осмысление слов, получающее впоследствии стабилизацию значений, усваиваемых каждому данному слову сначала целыми пучками, а потом и единицами, зависит от мировоззрения человеческого коллектива той или иной определенной структуры; поскольку строй речи, синтаксис, слагается в зависимости от общественного строя, да и увязка понятий и предложений происходит тем же порядком, соответственно отражая общественный строй, и, естественно, не может не отражать общественного строя, да и, действительно, его отражает морфология, возникающая для уточнения взаимоотношений членов предложения, так и определенный строй общественности налагает свою печать на различные группы слов, обращающихся в части речи и образующих постепенно определенные категории грамматики, отрешенной от жизни. Эти части речи, вообще грамматические категории, еще более отрешены от жизни, чем все надстроечные общественные ценности, в том числе и искусства—художественная литература, художество монументальное или миниатюрное, в линиях, цветах или красках, звуках и т. п. Грамматические части речи отрешены от какой-бы то ни было материальной действительности, как в корне схематические абстракции, и, естественно, ни в одной живой душе не вызывают массового ничего, кроме равнодушия, именно потому, что явления изучаются исключительно формально, в полном разрыве с общественно-творческими факторами, создавшими речь.

Позднейшее с возникновением звукового языка появление слов этих категорий, частей речи, представляющих различные типы в языках различных систем, т. н. семей, и постепенное их нарастание явствует и из того, что они порой в одних и тех же языках иных систем по сей день формально не дифференцированы полностью друг от друга, и тогда, когда эти части речи идеологически строго выработаны уже.

1) Имя существительное используется без всяких придатков как глагол и, наоборот, глагольная форма одновременно имеет значение существительного, напр., в грузинском *kreba* 'собрание', 'собираание' и 'собирать' *kviri* 'крик', 'кричание' и 'кричать', или *tera* 'писать' и 'писание', *shepeba* 'строить' и 'построение', 'постройка', в каковом смысле обычно употребляется *shep-o-ba*, но это образование тоже глагольная форма.

2) Прилагательное также не отличается от существительного, так г. *keḃil-i* 'добрый', 'благо', да и 'доброжелательный', *gesp.* 'близкий', 'родственный', *ḃven-i keḃil-i* 'наш близкий', *av-i* 'дурной', 'злой' и 'зло' и т. п.

3) Числительным служит имя существительное, так 'рука' → 'один', *gesp.* 'два' и т. п., а союзом—числительное, да и непосредственно существительное напр.: г. др.-л. *qol-o* 'но', 'однако' ← существ. 'один', *m-qolo* 'единственный' ← 'рука', ср. чув. *qul* ↔ *qol* 'рука', см. также г. *da* 'и' (← сущ. 'брат', 'сестра').

4) Местоимением служит существительное имя; так, в том же самом грузинском языке, не выходя за его пределы и не производя никаких палеонтологических изысканий и раскопок, мы являемся свидетелями того, как и в наши дни у грузин *ḃav-i* одновременно 'сам', 'себя' и род. пад. от него *ḃav-is* 'свой', напр., *ḃav-imoikla* 'он убил себя' (букв. 'голову'), *ḃavis ḃavaḃ* 'сам по себе' (букв. 'головой', 'как голова головы'), *ḃav-is* 'свой' (букв. 'головы') и т. д., и т. д.; то же самое наблюдаем, как будто, и в языках семитической системы, поскольку, напр., в арабск. *nafs^{un}* 'душа', как в сир. *naḃš-a* 'душа' используется в значении 'лица', 'особы', но в семитических языках все таки эти имена появляются в указанных местоименных значениях в сопровождении местоим. суффиксов—арб. *gaḃḃu fulāna nafsā-ḃi* 'я увидел такого-то самого' (букв. 'его душу'), арб. *dāra binafsi ḃi*

‘он сам пришел’ (букв. ‘душой своей’), сир. *men pašṭun* ‘от себя’ (букв. ‘от их души’), л. ‘добровольно’ *sua sponte* и т. п. Но, повторяю, таких уже переживаний не касаемся, еще менее, когда значение слова, как существительного, затемнено тем, что как имя используется другая фонетическая разновидность того же сущ. имени или совершенно иное слово, да еще значение именное (имени сущ.) выясняется за пределами данного языка по материалу и данным другого языка, ныне вовсе и не числящегося в родне того языка, где то же слово появляется лишь как местоимение напр., у басков. *bug-и* ‘голова’ встречается в роли возвратного местоимения (‘себя’), но чаще его разновидность *ber* с усечением плавного в форме род. и других падежей *be-ге* ‘свой’; у абхазов в глаголах *ʔə*, означая ‘себя’, образует возвратные глаголы, но *ʔə* представляет перебойную сибилянтную разновидность сущ. *qə* (следовало бы: *qə*)—*a-qə* ‘голова’, что, впрочем, само по себе используется и как местоимение ‘себя’; или чув. *qə* или *qa* ‘сам’, ‘себя’ в сопровождении местоим. суффиксов *q-и* ‘ты сам’, *qə-у* ‘он сам’, *qa-т* ‘я сам’ и т. п., причем *q* ≠ *qə*, гесп. *qa* означало также ‘голову’, как абхаз *qə*, но в чув. в значении сущ. ‘головы’ используется *pus₁*, разновидность *bug-и* ‘голова’, что, как мы видели, у басков используется в роли возвратного местоимения. Опять, повторяю, таких палеонтологических изысканий мы не производим сейчас, иначе мы и в прометеидских языках л. *ipse* ‘сам’ могли бы раз‘яснить¹⁾ в том же порядке, причем вторая часть этого скрещенного термина, именно—*pse* является эквивалентом бск. *bug-и* ‘голова’— ‘сам’, ‘себя’, чв. *pus₁* ‘голова’, разновидностью с перемещением огласовки бск. *be* (←*ber*√*bes*) ‘сам’, ‘себя’, общего у басков с нем. *be*—*b*: *selb*←*sel-b*‘e’ ‘сам’, а в яфетических языках то же существительное оказалось бы выразителем вообще местоимения личного, а не только возвратного.

Последовательность возникновения различных типов слов, прежде всего этих именно категорий—частей речи, намечается не так, как мы обычно выражаемся и, пожалуй, представляем, именно сначала имя существительное. а за-

¹⁾ Она и раз‘яснена в одной из статей, уже печатающихся в ИАН (1927): „О слоях различных типологических эпох в языках прометеидской системы“.

тем в том или ином порядке другие части речи. Дело в том, что пока не было точного осознания других частей речи, пока фактически не было прилагательных, числительных, местоимений, союзов, глаголов, до тех пор не могло быть и существительного с теми строго ограниченными функциями, с теми и в зависимости от этого формальными признаками, какие неотъемлемо присущи ему теперь при нашем представлении о нем. Вообще не было частей речи, не было и имени, а был лишь звуковой комплекс, используемый для выражения образа, представления и понятия, но использование этого образа, этого представления и этого понятия статически или динамически, т. е. или с одной стороны как имени существительного, или как имени прилагательного, или как местоимения, или как числительного, союза или с другой стороны как глагола, зависело от потребности речи. О последовательности возникновения частей речи по существу можно говорить конкретно, когда у них появляется оформление, закрепляющее их функцию как той или иной части речи. В связи с этим возникают также последовательно различные типы языков, в зависимости от вхождения в один и тот же круг более тесного общения или в различные круги с меньшим взаимообщением, в первом случае типы, сходящиеся в одну систему, во втором—типы, расходящиеся и выделяющиеся в различные системы, т. е. т. н. «семьи», собственно системы языков, причем разнообразие систем увеличивается от того, что суммирование различных новых типов в соответственно новую систему языков отнюдь не упраздняет существования и даже развития более древних систем, в том числе и древнейших, отнюдь не исключает сохранения тех или иных отдельных типов в изоляции, без вхождения в состав позднее зарождавшихся систем, в том числе и типов яфетической системы с амплитудой более значительного колебания между отдельными группами или даже отдельными языками, в такой степени более значительного колебания, что языки яфетической системы, даже целые их группы, могут казаться недоношенными продуктами отдельных образовавшихся систем, приобретших самостоятельное развитие. Это разнообразие систем, а внутри систем—отдельных типов, объединяющих целые группы, порой ограничивающихся представленностью в одном языке, с расхождением особой резкости в языках яфетической системы, выражается как в идеоло-

гическом, так в отражающем его формальном построении каждой системы, каждого входящего в ее состав типа язык.

§ 44. При сосредоточении внимания на оформлении тех или иных категорий, предварительно идеологически нарождавшихся в зависимости от хозяйственно-общественной жизни и соответственных мировоззрений, вопрос о выборе предмета внимания между системами и типами может решаться в первую очередь в пользу типов, ибо, во-первых, не системами выделялись типы, а типы слагались в системы или не слагались в системы, оставаясь за ее кругом, и, во-вторых, системы, представляющие обобщение типов, изолируют входящие в их состав типы, представлены ли они группами или отдельными языками, наоборот, группы и еще более языки рядом с типовыми чертами, их выделяющими, как членов той или иной системы, выявляют существенные для них самих, если не целой группы, каждого языка, особенности, которыми у них устанавливается связь с другими языками, за пределами обобщающей системы и даже обобщающей группы.

Имея дело с отдельными конкретными языками, мы можем поставить конкретно же вопрос об учете исторических, территориальных и иных внешне-воздействующих факторов возникновения типов. И в таких случаях, локальные вклады, усиливающиеся от вращающегося соответственного коллектива в природные условия данной территории, представляют момент действительно творческой значимости.

Однако, и богатые природные условия сами по себе не являются факторами словотворчества. Если, напр., в Грузии и Армении население располагает, каждый народ на своем языке, длинным рядом названий 'камня', 'скалы', 'ущелья' и т. п., то из этого, во-первых, не надо заключать, что вина тому одно наличие перечисленных предметов в горной природе названных стран, вина тому и не чуткое эстетическое реагирование населения на пейзажи и красоты родины и художественное осмысление деталей мертвой природы образными выражениями, часто ныне точно отражающими в себе их звуки, и даже, пожалуй, краски: виной тому то или иное хозяйственное использование предмета, 'камень' ли это или 'скала' или 'пещера', или 'каменистый скат горы', и т. д., и т. д., а вместе с тем или неразрывно с тем происходит космическое, по уровню его мировоззрения, восприятие каждого предмета на ранних

ступенях развития человечества, признание в нем магической силы, духа-покровителя и т. п.

Во-вторых, если, напр., в армянском такое богатство слов, обозначающих 'камень', и горная Армения, действительно, изобилует разновидностями камня, то из этого не следует, что в арм. речи соответственные слова возникли в Армении: арм. զաղ ← каг (каг-каг 'куча камней'), 'камень' и арм. աղ † ձաղ 'скала', аղ (аг-и) 'пещера' и т. п. Те же слова находим и у других народов, и соседящих с армянами, и очень далеких от соседства с ними, напр., каг 'камень' √ г. каг 'кремень' || св. kod 'скала' и др. Еще ярче общность этих терминов с армянами у басков: զաղ ← каг × бск. har × каг 'камень', арм. աղձաղ (в народном произношении аղձաղ) 'скала', 'камень' (плита), как скрещенный термин представлен у тех же басков, с падением г в у и утратой исходного слога, — ауձ 'камень' (—har-ձաղ, собств. с сохранением и начального согласного в под'еме *каг-ձաղ) √ спир.: также с падением г в у — *кау-ап, откуда и т. кау-а 'скала'.

Как видно, у армян в качестве соперника по наречению камня именно теми же словами явился бы даже столь далеко от них отстоящий народ, как баски. Даже такой удвоенный термин, как арм. каг-каг 'куча камней' с его разновидностью каг-кад¹⁾ (resp. *каг-канд) имеет двойника в лице такого завещанного от до-исторического населения Франции французам эпического типа как Gargantua 'исполин', своего рода 'Атлант', в материальной реальности — 'гора'²⁾.

Здесь не помогут ни миграции обычного типа, ни заимствования, чтобы об'яснить общность терминов такой первобытной культуры, и сейчас речь не об этом, а о том, что надо раз навсегда проститься с мыслью раз'яснить словарный материал данного народа генетически в порядке зависимости от природных условий, в каких он обретается в настоящее время, или с эпох, исторически засвидетельствованных.

¹⁾ Под этим словом Большой словарь не отмечает значения 'кучи камней', 'горной высоты', в каком там же в примерах приводится пострадавшее его чтение ка-каձ.

²⁾ В. Ф. Шишмарев, ЯС, IV.

Когда речь в истории подлинного словотворчества о „локальном вкладе в зависимости от вращающегося соответственного коллектива в родные условия данной территории“, то такая территория находится далеко за пределами достигаемости исторической географии.

§ 45. Многим трудно разграничить эволюцию и революцию. Революцию с ее творчеством мутационного порядка относят в эволюцию. И если трудно многим разграничить революцию с эволюцией с ее наглядной последовательностью порядка развития отдельных фаз процесса, зарождения одной видимой фазы из другой, также видимой отживающей фазы, то еще труднее иметь правильное представление о стадиях развития, о как бы длительном остановочном состоянии тех или иных типов, развивающихся на той или иной стадии в эволюционном порядке. С одной стороны, на этих стадиях жизнь абсолютно не исчерпывается простой сменой одной эволюционной формы другой, не происходит порождения из себя одной фазой—другой. Приходится учитывать внешние, также видимые влияния, потребность в которых усиливается наблюдением как бы безродных или самозарождающихся элементов, факторов неизвестного происхождения, в процессе роста всегда много-сложной жизни. Ни на какой ступени человеческого бытия нет простой структуры жизни, она всегда сложна, с тем, однако, различием, что в одних случаях сложность—выявленная и осознанная, в других случаях, более ранних или предшествующих,—еще не выявленная и органически не осознанная. В первые моменты их появления факты такого чуждого порядка учитываются исследователем по противоборству видимой гармонии эволюционно развивающейся статики и учитываются, при отсутствии у исследователя диалектического подхода, как чужеродные элементы. Они отметаются в качестве основных факторов творчества. С умножением таких фактов в процессе смены одной стадии развития другой, одной эволюционно развивающейся статики другой, при отсутствии диалектического метода, увязка одной стадии развития с другой исключается, и, естественно, центр тяжести в поисках творческих начал перебрасывается на внешний мир, на внешнее влияние, на готовый внешний источник или вне самого творческого процесса стоящую внешнюю силу, на ранних или начальных ступенях развития—на природу, на бога, а на позднейших ступенях разви-

тия—на воздействие культур, стоящих на более высокой ступени развития, точно последние не нуждаются в таком же генетическом раз'яснении, точно они самородки.

С другой стороны, сосредоточивая все свое внимание на внутренних причинах творческого процесса в развитии речи, мы отнюдь не можем процесс этот помещать в самом языке. Язык такая же надстроечная общественная ценность, как искусство и вообще искусства. Мы силой вещей, свидетельством языковых фактов, вынуждены проследивать творческий процесс речи, факторы творчества в истории материальной культуры и на ней строящейся общественности и на этой базе слагавшихся мировоззрений. Отсюда ясно, что, во-первых, при последовательной проработанности всего языкового материала методом нового учения об языке, учения об языке с точки зрения яфетической теории, мы не должны были бы в первую очередь формальными критериями характеризовать системы языков, до сих пор принимавшиеся за независимые друг от друга семьи; во-вторых, даже сейчас при частичной пока увязке языковых явлений с материальной культурой, общественностью и мировоззрением, формальные признаки систем, в том числе и морфологические, стабилизируются в своей преемственной связанности, да и осложняются синхронизмом (одновременностью) одних формальных признаков с другими, и вместе с намечаемым увязыванием их с реальным миром общественного строительства у формальных признаков получают координаты идеологические и материальные общественной жизни, что дает возможность отметить всякие шатания отрешенно от жизни строившейся науки в суждениях об языке вроде того, что тот или иной морфологический тип может трактоваться как продукт любого времени, точно, напр., аморфность, агглютинативность и флективность—друг от друга независимо возникшие категории, проводящие непроходимую грань между т. н. семьями языков и присущие каждая исключительно той или иной одной семье, или точно они в какой-либо мере случайные явления, которым можно отвести любое место, а не лишь то, которое отводится им как неразрывно связанным друг с другом звеньями в цепи культурного развития человечества.

Мы уже знаем различные системы языков, определяемые по формальным признакам и до сих пор так и называемые, именно аморфные или до-морфологические, а из

морфологических—агглютинативные двух типов, агглютинативные с помощью местоимений и непосредственно без местоимений, флективные, одни с бродячими морфологическими признаками (префиксами, суффиксами) и неустойчивыми основами (морфологическая перегласовка), с делением уже самих звуков по функциям на семантические (согласные или корни) и морфологические (гласные), другие флективные с устойчивыми признаками морфологии (основы-корни и окончания).

Как в этой формальной стороне, так во всех других признаках, и формальных и идеологических, различных систем, поскольку каждая из них в общем есть продукт диалектического процесса, порождающего новый вид системы выявлением рядом с тезой антитезы и их борьбой, отражавшей борьбу соответственных сил в общественности, нет системы, свободной от неизжитых особенностей прежней системы или даже нескольких прежних систем.

Мы знаем также, что аморфность не определяет вовсе полностью соответственную систему и формально, с аморфностью в ней органически связана синтетичность, т. е. строй с определенным местом каждой части предложения, вернее с таким твердым распределением места, что по месту узнается, с какой частью предложения имеем дело и даже в роли какой части речи данное слово должно быть понято. NB

Отсюда шаг к полисемантизму, т. е. многозначности слов. Если место может определять не только часть предложения, но и часть речи, т. е. семантическое явление общего характера, оно же в том же строе аморфном и синтетическом может определять не само по себе, а в окружении других частей предложения, и значение слова, конкретное его значение в данной среде. Следовательно, в синтетическом строе речи среда определяет значение слова, у слова же может быть много значений, отсюда полисемантизм слов. Но более того, идя от уясненных уже начал словарного состава звуковой речи, именно четырех элементов, четырех членораздельных звуковых комплексов, первично и не слов, первично не имевших никакого значения, и учитывая, что в первые моменты, да и долго до развития звуковой речи эти элементы и тогда, когда стали восприниматься как категории с функцией звуковой сигнализации предмета, употреблялись в определенной среде с

ограниченной потребностью в его использовании, с небольшим подбором понятий, выразившихся ими, мы упираемся в положение, что в то время, да и длительно до новой общественной перестройки человечества, уже соответственно развившего звуковую речь, те же элементы, уже слова, не имели вне среды никакого значения: среда определяла не то или другое из многих присущих впоследствии каждому из них значений, а вообще значение, то или иное, ему самому одинаково не присущее. Т. е. полисемантизму (многозначности слов) синтетической системы предшествовал асемантизм (отсутствие какого-бы то ни было стабильного значения).

Полисемантизм с другой стороны связан с таким формальным явлением как моносиллабизм, т. е. односложность. Слова в аморфном и синтетическом строе отличаются не только полисемантизмом, но и моносиллабизмом, один неразрывно связан с другим. Вместе взятые: 1) аморфность т. е. отсутствие морфологии, 2) моносиллабизм (односложность слов), 3) синтетический строй, 4) отсутствие (или плохая дифференцированность) частей речи и 5) полисемантизм составляют как координаты совместно ту сумму решающих признаков, которая языку соответственной системы отводит совершенно определенное хронологическое место в пластах диахронического разреза всех языков всех систем.

Это, однако, не значит, что народы с языком такой системы обречены были на гибель в период изжития той системы, какой они пользовались в общем процессе нарождения новых систем, и обречены были оказаться под пластами, отложениями в речи народов позднейших систем и т. д. В китайском имеем довольно многочисленный народ с языком, вернее с рядом языков той же системы, в китайском те же координирующие признаки, однако, при более внимательном отношении к каждому признаку мы видим позднейшие наслоения, так, напр., моносиллабизм не решается количественно, одним фактом наличия лишь одного слога в слове. Надо качественно определить односложность, именно одноэлементно ли слово и тогда его моносиллабизм подлинный, или оно — двухэлементно и тогда его моносиллабизм кажущийся, ибо из двух скрестившихся элементов один, следовательно, утратил свою огласовку, свой слог.

Таково же положение со следующими по своему возникновению системами в смысле не единства, а множества

ее признаков, т. е. наличия признаков координатов, которые в сумме определяют уже новую систему и дают возможность отнести ей строго соответствующее место в цепи преемства, с одной разницей, именно той, что некоторые признаки старой системы переходят в новую как также актуальные признаки новой системы, а не только пережиточные.

Пережиточно, напр., строгие нормы расположения слов наблюдаются вплоть до языков прометеидской системы. Так, у прилагательного в русском языке одно место, оно предшествует, во французском другая норма, одни прилагательные предшествуют, другие обязательно последуют, третьи в зависимости от сочетающегося с ним слова и получающегося смысла в одних случаях предшествуют, в других следуют за определенным именем.

Так, в агглютинативных языках порядок также колеблется, но по той же причине — по уживчивости норм изжитой системы с нормами новой системы. Понятно, то же колебание можно наблюдать при недоработанности занимающего нас вида агглютинативных языков, или, наоборот, при их разрушении, равно в зависимости от факта скрещения гибридного типа, агглютинативного с неагглютинативным.

В идеально представляющих систему агглютинативной речи турецких языках мы наблюдаем рядом со склонением, сущность которого в том, что слово само собою без формальных признаков отношения к другим словам, частям того же предложения, говорит о своей функции, напр., определение ли оно или определяемое, — мы наблюдаем категорию признаков определения, формально увязывающих одно слово с другим: *Anı dārā-sı || dere-sı* — 'Анийское ущелье' = 'ущелье его (город[а]) Ани', *devlet demir-yol-u* — 'государство железная дорога его' = 'гос. жел. дорога' и т. п., ведь это, собственно, аморфная или синтетическая система с попыткой уточнения при помощи элемента из службы связи, местоименной частицы, аффикса. Это то же явление, что в таком в отношении имен аморфном языке, языке без склонения, как абхазский, наблюдается в сочетаниях определения с определяемым, здесь с учетом или класса или рода, напр. — *à-euш₁a i-парэ* ('чей-то брат его рука' → 'рука чьего-то брата', *a-ye ш₁à læ-парэ* 'чья то сестра ее рука' → 'рука сестры' *a-q₀эдта a-шарэ* 'волк его нога' → 'нога волка'. Место-

именными частицами, префиксами 1- (м. р.), 1ə-(ж. р.) и а- (класс пассивных или неразумных) уточняется выражение взаимоотношения 'руки' и 'ноги' с 'братом', 'сестрой' и 'волком'—того взаимоотношения, которое и без того выражено по изжитой, следовательно, системе, синтетической, в языке уже тем, что определения ('брат', 'волк', 'сестра') стоят перед определяемым ('рука', 'нога').

Эта увязка между различными языковыми системами, продуктами общественно хозяйственной жизни различных глоттогонических эпох, особенно ярко выступает в агглютинативно-флективных языках яфетической системы. Здесь диапазон колебания с бóльшим охватом, включающим во множестве особенности не только соседящих, но и чрезполосных систем. Между прочим, с этим существенно важным обстоятельством связано наличие в одной системе яфетических языков различных систем, и синтетической, и агглютинативной, и флективной с одной оговоркой при каждой системе, именно придачею слова «почти»: «почти синтетической», «почти агглютинативной» и «почти флективной». Потому же в яфетических языках исследование языков в диахроническом разрезе было облегчено сплетанием одной системы с другой, ярко выступающими увязками систем обязательно различных эпох, и открыт был путь как формальной, так и идеологической палеонтологии речи.

Оставаясь в пределах той же формальной категории, определения имен сначала местом, затем местоименным элементом и, наконец, падежом родительным, мы в языке даже переходного типа от яфетической системы к прометеидской, именно в армянском, наблюдаем при явной флективности наличие ей через полосу агглютинативности предшествовавшей местоименной увязки: kam-a + w-n astut+o-y 'волей бога', hraman-a + w ishqan-i-n 'приказом князя'.

В яфетических языках позднейшей типологии, флективной, мы наблюдаем поразительные переживания дофлективных систем, порой принимающие уродливые формы, это т. н. родительный с отношением в грузинском языке.

др. л. (феод.)

народн.

θ̇qovreba-y qarθl-is + a-y 'Жизнь Грузии'

Qarθl-is θ̇qovreba(y)

θav-i kaθ-is + a-y 'голова человека'

kaθ-is θav-i

neb-θ + a ḡmθ-is + a-θa 'волсю бога'

ḡvθ-is neb-θ

др. л. gwatl-n-i gmir-ḡa Saqarḡvelo-ys + a-ḡa-ni
народн. Saqarḡvelo-s gmir-eb-is saqme-eb-i.

‘Деяния героев Грузии’

§§ 46-51. Из недочитанной части программы, именно шести параграфов (46-51) ¹⁾, последний это „Встреча яфетической теории с положениями, высказанными предшествовавшими и современными исследователями других и сродных областей науки о человеке. Лингвисты. Философы. Историки материальной культуры (археологи и этнологи), социологи и марксисты“. В этом параграфе актуальный интерес представляет вопрос о сродстве с марксизмом. Говорю я сейчас об актуальности интереса не общественного порядка, а теоретического: с этим интересом органически связана ясность представления о методе. Вопрос в данный момент является, повидимому, и общественно животрепещущим, поскольку он занимает десятки умов. Достаточно сказать, что последние два года „марксизм и яфетическая теория“ в той или иной редакции послужил темой для ряда докладов не только аспирантов, притом, всегда по их почину, но и молодых уже сложившихся ученых. Особого внимания заслуживает из прослушанных мной на эту тему докладов подробный объективный анализ вопроса, сделанный С. И. Ковалевым 30 мая текущего года на заседании группы десмотики или увязки языкознания с историей материальной культуры в Яфетическом Институте АН СССР. Он озаглавлен „Марксизм и яфетическая теория“. Вот в суммарной передаче самого автора, собственно в основных положениях, этот доклад в тезисах:

«1. Марксизм есть научное мировоззрение пролетариата.

«2. Марксизм состоит из трех, органически связанных друг с другом, частей: диалектического материализма, теории капиталистического общества и научного коммунизма.

«3. Диалектический материализм, являясь наиболее общей методологической и теоретической основой марксизма, складывается, в свою очередь, из двух отделов: диалектики природы (естествознания) и диалектики общественного развития (социологии).

1) Н. Я. Марр. Яфетическая теория. Программа общего курса учения об языке. Издание Восточного Факультета А. Г. У. имени Ленина (Баку 1927).

«4. Под „материей“ диалектический материализм понимает все то, что существует вне нашего сознания, и что может оказывать воздействие на наши органы чувств.

«5. Духовное не тождественно материальному. Духовное возникает, как свойство материального, при известных состояниях материи.

«6. Опыт есть отражение в сознании об'ективного материального процесса.

«7. „Для диалектического материализма не существует непроходимой грани между относительной и абсолютной истиной . . . Исторически условны пределы приближения наших знаний к об'ективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней“ (ЛЕНИН).

«8. Диалектика есть учение о самых общих законах развития природы, общества и мышления. „Мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки-понятия находятся в непрерывном изменении— то возникают, то уничтожаются“ (ЭНГЕЛЬС).

«9. Диалектика учит о всеобщей связи явлений и понятий. Диалектика— это „наука о связях, в противоположность метафизике“ (ЭНГЕЛЬС).

«10. Количество и качество представляют собою два необходимых элемента, две стороны всякого явления, несводимые одна к другой.

«11. „В природе могут происходить качественные изменения . . . либо путем количественного прибавления, либо количественного убавления материи или движения (так называемой энергии)“ (ЭНГЕЛЬС).

«12. Но „отношение между качеством и количеством взаимно . . . качество так же переходит в количество, как количество в качество . . . “ (ЭНГЕЛЬС).

«13. Количественные изменения происходят непрерывно (эволюционно), качественные— скачкообразно (мутационно).

«14. Всякое изменение противоречиво. „Движение само по себе есть противоречие“ (ЭНГЕЛЬС). Всякое явление скрывает в себе внутреннее противоречие, борьбу противоположных элементов. Эта борьба является внутренней движущей силой всех процессов, происходящих в природе и обществе.

«15. Противоречие ставится и разрешается в ходе самого развития. Разрешение старого противоречия есть постановка некоторого нового и т. д.

«16. Общество рассматривается марксизмом, как находящаяся в непрерывном изменении система отношений людей.

«17. Общество возникает, как продукт коллективного трудового воздействия человечества на природу.

«18. Однако, это воздействие не является односторонним: „Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, . . . действуя . . . на внешнюю природу и изменяя ее, человек в то же время изменяет свою собственную природу“. (МАРКС).

«19. Таким образом, влияние природы на человека не следует рассматривать, как непосредственное.

«20. В процессе взаимодействия между человеком и природой центральное место занимают три элемента, обозначаемые термином „производительные силы общества“: а) природные материалы, как объекты трудового воздействия; б) орудия и средства труда; в) живая рабочая сила человека.

«21. Общественные производительные силы служат тем фактором, который определяет основную структуру общества.

«22. Такой структурой являются производственные отношения: „В общественном отпращивании своей жизни люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил“. (МАРКС).

«23. Основной формой производственных отношений являются формы общественной организации труда: простое сотрудничество (кооперация) и сложное сотрудничество (разделение труда).

«24. На почве разделения труда возникает другая форма производственных отношений: распределительные отношения в широком смысле слова.

«25. Для классовых общественных формаций чрезвычайно важной формой производственных отношений являются классовые отношения, ибо они служат источником тех противоречий, которые „ведут вперед“ классовое общество.

«26. „Классами называются большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению . . . к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, следовательно, по способам получения и размера той доли общественного богатства, которой они располагают“ (ЛЕНИН).

«27. Классы в собственном смысле слова появляются на той стадии общественного развития, когда разделение труда зашло достаточно далеко, когда прибавочный продукт стал постоянным явлением, и повторяющееся неравномерное распределение средств производства закрепило деление общества на прочные имущественно-производственные группировки.

«28. По Энгельсу это происходит после разложения родового строя.

«29. „Совокупность . . . производственных отношений образует экономическую структуру общества“ (МАРКС).

«30. На этом экономическом „основании“, будучи обусловлены им, возвышаются политическая и идеологическая „надстройки“.

«31. Политическая надстройка включает в себя отношения, связанные с политическими партиями, политической борьбой и государством.

«32. Идеологическая надстройка представляет собой определенную систему мыслей, чувств и представлений общества. „Отличие общественной . . . психологии от идеологии заключается . . . в степени систематизации“ (БУХАРИН).

33. Формы идеологий следующие: а) простейшие идеологии—язык и мышление; б) высшие идеологии—религия, искусство, нравственность, право, политическая идеология, наука, философия.

«34. „Если-бы мы захотели кратко выразить взгляд Маркса-Энгельса на отношение знаменитого теперь „основания“ к не менее знаменитой „надстройке“, то у нас получилось-бы вот что: 1) состояние производительных сил; 2) обусловленные им экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической „основе“; 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека;

5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики" (ГЛЕХАНОВ).

«35. Процесс общественного развития состоит в мутационной смене общественных формаций. Для классового общества такие мутационные смены являются революциями.

«36. Идеологии зависят от социально-экономического базиса только в конечном счете, но не непосредственно, и в рамках данной общественной формации могут развиваться относительно самостоятельно, подчиняясь собственным внутренним законам идеологического развития, как такового.

«37. Но применительно к до-классовым общественным формациям мы должны допустить гораздо большую степень непосредственной зависимости идеологий от „базиса“. В частности, это относится и к языку: „ . . . Низкий уровень производительных сил сводит почти всю жизнь к производственному процессу, и язык находится здесь таким образом в непосредственной связи с этим процессом“ (БУХАРИН).

«38. Марксизм не имеет собственной специально-языковой теории.

«39. Энгельсом было высказано только общее положение о развитии языка из процесса труда («Роль труда в процессе очеловечения обезьяны“).

«40. Поэтому взгляды Л. Нуаре на происхождение языка из коллективной работы первобытного человека были приняты и популяризированы рядом марксистов (Плеханов, Богданов, Бухарин и др.).

«41. Яфетическая теория, находясь в процессе непрерывного развития, в большей степени является методом, чем „теорией“ в собственном смысле слова.

«42. Яфетическая теория представляет собой учение чисто-материалистическое. Н. Я. Марр называет свою теорию „общественно-материалистической постановкой науки о языке“ (Предисловие к сборнику „По этапам развития яфетической теории“).

«43. Яфетическая теория рассматривает общественные явления в их динамике, при чем процесс общественного развития трактуется ею, как процесс мутационный, а не эволюционный: „Индоевропейская лингвистика не есть наука об языке, об его возникновении, оформлении и эволюциях, в определенные эпохи революциях и переоформлениях,

а история сложившихся форм отдельных языковых групп“ (Н. Я. Марр, „О происхождении языка“). Таким образом, индоевропейская лингвистика является «статической» („Лингвистика и материальная культура“) в противоположность яфетической теории. „Индоевропейская семья вовсе не является расово-особой по языкам, а результатом нового скрещения до-исторических языков Европы . . . последовавшего в результате коренного переустройства общест-венности. Скрещение это последовало от переворота в хо-зяйственной жизни . . .“ („Об яфетической теории“). „Но полную типологию различных глоттогонических эпох, эпох самого творчества речи, равно творческого процесса ее пе-рестроек, а не просто эволюционного развития, вскрывает“ и т. д. („О происхождении языка“).

«44. В этой динамике общественного развития Н. Я. Марром подчеркивается значение внутренних движущих сил: „Пределы мощи внутренней эволюции, отнюдь не исклю-чающей и революцию, значительно более обширны, чем это предполагается установившимися научными воззрениями“ („Происхождение американского человека“). „...Перевопло-щения общественности, мировоззрений, типов и форм, в по-рядке диалектического развития в себе самом, без чьей-бы то ни было сторонней помощи“ („Лингвистика и материаль-ная культура“).

«45. Язык яфетической теорией рассматривается, как явление вторичного, „надстроечного“ порядка, зависящее от окружающей материальной среды.

«46. Н. Я. Марр отрицает непосредственное влияние „географического фактора“ на языковые явления: „Конечно, известная физическая обстановка, определенный подбор фау-ны, флоры и т. п., учитываться должны, но не непосредствен-но в языковом творчестве, а в постановке и решении хозяйственно-общественных задач, следовательно, здесь та-кое-же лишь посредственное влияние природы, как всегда и везде в отношении речи“ („Средства передвижения“).

«47. Начиная с 1920 г., яфетическая теория непрерывно развивает основное положение, что „язык это не естествен-но-историческое, а чисто-социальное создание“ (формули-ровка, данная позднее в „Происхождении американского человека“).

«48. Языковое творчество определяется формами социаль-ной, в первую голову, хозяйственной среды: „...И в то

же время, как я уже говорил, не с небесной номенклатуры и общих мировоззрений начинается человеческое мышление и первотворчество речи, а с обихода, общественно- и в первую очередь хозяйственно-осознанного и использованного окружения“ („Средства передвижения“). Единство речи предполагает „уже предварительное существование единства хозяйственно-общественной жизни“ („Происхождение американского человека“).

«49. Формы хозяйственной жизни, в свою очередь, зависят от степени развития производства: „Яфетиды двигались, расселялись и утверждались там, где находили место рождения потребных металлов и девственно-богатые природные условия для всего того сложного хозяйственного уклада жизни, который был связан с основой—источником их племенной материальной культуры, металлургиею, взростившей их общественность, их религию, их психологию“ („Яфетический Кавказ“).

«50. В языке, согласно яфетической теории, отражаются различные степени организации труда („Об яфетической теории“) и формы семьи („Яфетиды“, „О происхождении языка“, „Лингвистика и материальная культура“). Местоимения, по мнению Н. Я. Марра, возникают „после осознания права собственности“ („По этапам развития“, Предисловие).

«51. Сама смена форм языкового мышления обусловлена сменой социально-экономических формаций („О происхождении языка“).

«52. Происхождение языка, согласно яфетической теории, связано с коллективной трудовой деятельностью человека: „Корни человеческой речи не на небесах и не в преисподней, но и не в окружающей природе, а в самом человеке, однако, не в индивидуальной физической его природе, даже не в глотке, как и не в крови его, не в индивидуальном его бытии, а в коллективе, хозяйственном сосредоточении человеческих масс, в труде над созданием общей материальной базы“ („Средства передвижения“).

«53. Звуковой язык возникает из коллективной песни,— в частности, из трудовой песни: „Но звуки речи, так называемые фонемы, это результат особой работы человека, коллективной работы над ее производством; они получены в результате общественной работы, по всем видимостям, с коллективной или хоровой песней“ („Основные достижения

яфетической теории“¹⁾. „Очеловечение животного звука могло последовать лишь по общественном его использовании в процессе или для коллективно-устраиваемой забавы или для коллективно-совершаемой работы, одинаково массовым инстинктом направляемой и требовавшей для своего осуществления протяжного повторения животного звука, неизбежного подчинения его связному или прерывистому течению производства“ („О происхождении языка“). При этом переход к звуковой речи вызван переходом человечества к изготовлению орудий производства: „...Возникновение самой членораздельной речи не могло произойти ранее перехода человечества на производственный труд с помощью искусственно-сделанных орудий“ („О происхождении языка“).

«54. В связи с трудовым происхождением языка яфетическая теория устанавливает, что основным, первичным словом («первословом») служит *рука*.

«55. Большое влияние на языковое творчество, согласно яфетической теории, оказывают классовые отношения.

«56. Сами классы-сословия исторически являются пережитками племен: „...А социальные слои, как выяснилось, — пережитки особых племен, низшие сословия — пережитки более древних племен, чем насевшие на них“ („Абхазоведение и абхазы“). „Социальные термины, не только сословные звания, представляют прежние племенные названия“ („Об яфетической теории“). „Социальные отношения — это, в известной мере, детище этногонии“ („Об яфетической теории“). „Для нас, этнологов до-историков, племенное название один из первоисточников для определения происхождения народа, собственно, одного слоя из его состава, его руководящего или организующего классово-племенного образования („Скифский язык“).

«57. Яфетическая теория отбрасывает само понятие национального, внесословного, внеклассового языка, как понятие ненаучное: „Ни в Армении, ни на Апенинском полуострове, ни вообще где-либо в Европе, не было и не могло быть иного национального языка в древности, как социального, классового. Словом, подход к тому или иному языку так называемой национальной культуры, как массовой родной речи всего населения, ненаучен и ирреален, национальный язык внесословный, внеклассовый пока есть фикция („О происхождении языка“).

¹⁾ Теперь см. § 37.

«58. Особенно справедливо это по отношению к культурно-исторической речи: „Свидетельствуя о культурно-историческом, следовательно, классовом или сословном распространении яфетической речи, нахождение шумерского письменного языка нам фактически могло-бы осветить теоретически уже намеченный яфетическим языкознанием путь также сословного или классового внедрения индоевропейской, именно арийской речи, санскрита, в Индию“ („О происхождении языка“). „Одно ясно, что языки масс и здесь были не индоевропейские, и в каком бы месте ни возникла индоевропейская речь, носителем ее был лишь определенный господствующий класс, господствующее сословие“ (там-же).

«59. Но положение о классовом характере речи яфетическая теория применяет и по отношению к более ранним общественным формациям. Она допускает существование классовой дифференциации в до-историческом обществе, в связи с чем стоит, например, классовый характер звуковой речи. Н. Я. Марр говорит о „типах господствовавших классов до-исторического порядка с сосредоточением всех видов магии в своих руках, в числе средств господства которых было и владение звуковой речью, имевшей тогда еще магическое значение“. („О происхождении языка“). В „Средствах передвижения“ говорится о „до-исторических племенах“, как классовых образованиях.

«60. Поскольку возникновение звуковой речи яфетической теорией относится к ашелльской эпохе („О происхождении языка“), мы должны, следовательно, допустить наличие классовой дифференциации уже в конце раннего палеолита.

«61. Яфетическая теория стремится ослабить значение внутренних законов развития языка, как такового, перенося центр тяжести не только в семантике, но и в морфологии, на обусловленность языковых явлений социально-экономическим фактором: „Яфетическое языкознание вскрыло, что семантика вытекает, как и морфология речи, из общественного строя человечества, его хозяйственно-экономических сложившихся условий“ („Об яфетической теории“). Особенно ярко эта тенденция выступает в учении о происхождении степеней сравнения: „Степени сравнения в грамматике оказались: низшая, т. е. положительная, отложением названия низшего сословия, средняя или сравнительная—среднего

сословия, высшая или превосходная—высшего сословия“ („Основные достижения яфетической теории“).

«62. Но иногда мы встречаем у Н. Я. Марра большее подчеркивание чисто-языкового момента. В статье „Лингвистика и материальная культура“ он говорит, что язык обусловлен социальным моментом только в семантической части. Признание большой роли чисто-фонетических и морфологических законов речи мы встречаем в „Яфетидах“: „При этом рядом с фонетическими и морфологическими, вообще, чисто-языковыми перерождениями приходится учитывать соответственное естественно-историческое развитие общественности и перерождение социальных типов бытия“.

«63. Итак, мы видим, что яфетическая теория стоит на почве основных положений диалектического материализма. В области лингвистики она делает то же самое, что марксизм сделал в области философии и социологии: она ставит лингвистику с идеалистической головы на материалистические ноги. Яфетическая теория вводит диалектический метод в исследование языковых явлений. Яфетическая теория в основном совершенно правильно определяет место языка в системе общественных отношений.

«64. Что-же касается некоторых утверждений яфетической теории, которые с точки зрения марксизма являются спорными,—сюда относятся: некоторая переоценка непосредственного влияния на языковые явления социально-экономического фактора и положение о „до-исторических классах“ (тезисы 55—61),—то относительно них нужно сказать следующее. „Перегиб палки“ в сторону „экономики“ является неизбежным методологическим приемом, поскольку яфетическая теория должна в этом отношении прокладывать совершенно новые пути и бороться со старой индоевропейской лингвистикой, у которой „перегиб“ был как-раз в обратную сторону. Что же касается допущения классовой дифференциации на ранних ступенях общественного развития, то в этом положении нет ничего методологически противоречащего марксизму. Речь идет о факте, и поскольку обширный новый материал, собранный наукой за последние годы, принудительно заставляет нас отодвинуть границы доклассового общества дальше, чем это допускалось до сих пор традицией,—необходимо, быть может, пересмотр чисто-фактического утверждения Энгельса (тезис 28). С другой стороны, яфетическая теория должна уточнить в этом во-

просе свою терминологию. Термины „класс“, „племя“ и т. д., в их установившемся значении, вряд-ли приложимы к явлениям до-истории.

«65. При тождественности методологических исходных точек и большой близости целого ряда отдельных утверждений марксизма и яфетической теории, оба учения неизбежно должны объединиться. Яфетической теории необходимо открыто признать марксизм, как свою обще-философскую и социологическую базу, марксизму необходимо принять яфетическую теорию, как свой специальный лингвистический отдел. Гениальная догадка Нуаре не может играть такой роли, поскольку она является только гипотезой, и поскольку она оперирует материалом и методами индоевропейской лингвистики. Ряд основных утверждений Нуаре, совершенно независимо от него, развивается Н. Я. Марром с полной научной убедительностью и исчерпывающей широтой.

«66. Еще одно обстоятельство повелительно диктует объединение революционного марксизма и яфетической теории. В то время, как „великодержавная“ индоевропейская лингвистика была типичным продуктом империализма с его угнетением колониальных народов и малых национальностей (Н. Я. Марр „Об яфетической теории“), яфетическая теория в той-же степени порождена эпохой пролетарских и колониальных революций. С этой точки зрения яфетическая теория не только кабинетное учение, но и мощное орудие культурного раскрепощения множества „бесписьменных“ народов, придавленных как аппаратом империалистического государства, так и высокомерным презрением старой европейской науки».

* * *

Кое-где мы видим в предложенном суммарно (в одних тезисах) докладе С. И. Ковалева „Марксизм и яфетическая теория“ вполне естественный неучет последних наших работ, или не ставших еще достоянием даже интересующихся или вовсе не появляющихся в печати, докладов и лекций. Это особенно касается тех мест, где речь о возникновении звукового языка, о предполагавшемся очеловечении непосредственно животного звука как орудия производства звуковой речи и где при отмеченном у нас подчеркивании «чисто-языкового» момента указывается на признание в них большой роли чисто-фонетических и морфологических законов, с ссылкой на старую работу „Яфетиды“. По

существо, однако, доклад С. И. Ковалева отличается полным вниманием к теоретическим положениям яфетической теории без никому ненужного панегиризма, но и без непродуманного полемического момента в отношении как к ней, яфетической теории, так к противоположному ей старому лингвистическому учению. Таким образом, настал уже момент, когда обществоведы сами берут в руки языковедное учение для оценки с точки зрения их специальных знаний. Настал, следовательно, тот момент, о желательности наступления которого я взывал, казалось бы, в пустыне на вводных страницах издания „По этапам развития яфетической теории“.

Одновременно составляются исчерпывающие картотеки по вопросу. Естественно бы не торопиться нам печатным изложением заключительного параграфа (51) Программы, если бы даже он был прочитан в эпизодическом курсе, состоявшемся в Азербайджанском Университете.

Второй с конца параграф (50) все из недочитанной части названной Программы начинает попадать, в отношении моей трактовки, в такое же положение. Речь о „соотношении яфетидологии с исследованием истории человечества по памятникам материальной культуры“ и т. д. Мною этот вопрос имелось в виду осветить лишь в тех пределах, в каких намечается возможность увязки языкового материала, как-то значений слов, склада или построения речи, морфологических явлений, да и звуковых с историей развития хозяйства и ею обусловленной общественности—общественных форм и мировоззрения. Отчасти вопрос затрагивается в различных местах курса, не говоря о таких специальных работах, как уже цитованные: 1) „Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до истории (к увязке языкознания с историей материальной культуры)“, 2) „Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры“, равно 3) „Яфетическое происхождение шумерского *tam-dam*“, 4) „О халдском *ruḫi* ‘камень’ и *riḫi* ‘водопровод’“, 5) Название этрусского бога смерти *Kalu* и термины ‘писать’, ‘петь’, ‘чорт’, ‘поэт-слепец’“, 6) „Происхождение терминов ‘книга’ и ‘письмо’“ и т. д.

Но вот историк материальной культуры А. А. Миллер докладом своим „Некоторые примеры увязки истории материальной культуры и языкознания“, прочитанным в июне

текущего же года в Яфетическом Институте, связь установил уже иную, именно, ряд положений яфетической теории, в частности, и по семантике, дали в применении к памятникам материальной культуры, их загадочным формам и комбинациям начертанных образов совершенно удовлетворительное осмысление. А. А. Миллер, характеризуя существующие приемы изучения культуры материальной, указал ряд примеров, подтверждающих наступление кризиса самого метода. Признавая, что исследования в области вещественных памятников и языка должны протекать самостоятельными путями, тем не менее, по А. А. Миллеру, взаимная связь между этими путями есть основная цель уже назревшего и крупного в своей значимости методологического сдвига.

Докладчик сделал опыт рассмотрения ряда тем, самостоятельно разработанных яфетидологией по материалам языка, с приведением соответствующего их освещения по данным культуры материальной. Докладчик коснулся моментов сложения и развития культуры в эпоху палеолита, особенно обратив внимание на темы 'рука—камень—топор', на значение *pars pro toto*, как в истории языка, так и в изобразительной деятельности древнего человека на 'речь без глаголов'—и возможные ей соответствия, устанавливаемые яфетической теорией семантические ряды, различные по их характеру, также находят по А. А. Миллеру свои соответствия в вещественных памятниках изобразительного характера. А. А. Миллер закончил доклад вопросом истории сложения тех средневековых культур северо-кавказского края, которые ныне выясняются по данным весьма значительного количества обследованных городищ. Эти культуры, туземные, преемственно слагавшиеся в крае, естественным образом ставят знак вопроса над традиционной формулой: „турки-кочевники-монголоиды по физическому типу—пришельцы из Азии—погребение с конем“ и пр. Указав на значение яфетического истолкования термина Саркел¹⁾, докладчик пришел к заключению, что работы последних лет по изучению чувашского языка в большой мере способствуют разрушению приведенной выше формулы и дают основу к установлению совершенно иной точки зрения на

¹⁾ По толкованию этого термина в готовящейся к сдаче в печать (ЯС) статье об Иштари есть дополнительное разъяснение его лингвистического анализа. (ЯС, V, стр. 135). Н. М.

природу культурно-исторического облика степной части Восточной Европы в эпоху средневековья.

Очевидно, надо располагать этим докладом, полностью в печатном виде, чтобы полнее трактовать сюжет опущенного в курсе параграфа.

Менее всего смущает то, что курс в чтении не захватил и темы предшествующего параграфа (49) Программы, именно, „связи теории яфетического языкознания с индоевропейской лингвистикой и зависимость от нее, как дальнейшего этапа развития учения об языке“¹ и т. д. Здесь дело идет не только о противополжении основных положений яфетического языкознания, несомненно, антитез основным же положениям индоевропейского языкознания, но и о том, что из старого лингвистического учения сохраняет актуальное значение и для нового учения об языке? Дождемся мы лично или нет, это вопрос иной, но яфетидология дождется, когда индоевропеисты сами с большой пользой и для дела и для себя возьмутся за эту благодарную тему, понятно, постаравшись предварительно получить действительное представление и о фактических и о теоретических утверждениях яфетической теории до степени различения бесспорных, окончательно обоснованных положений и гипотез по реально выяснившимся новым проблемам.

Из оставшихся трех параграфов (46, 47, 48) последние два, именно семантика, освещавшаяся в различных частях курса, и семантические эпохи, тесно связанные с эпохами истории материальной культуры и общественности, могут сейчас быть обойдены без ущерба для дела отчасти по указанным выше обстоятельствам, но нельзя опустить предшествующий им параграф (46) без изложения его содержания хотя бы кратко в целях большей ориентировки, чем это дается в программе.

А. Текст не раз цитованной Программы начинается с положения, что „сравнительная грамматика различных систем у каждой особая“. Однако, это лишь постольку, поскольку мы подходим к сравнительной грамматике формальным методом, исходя из презумируемой стабильности морфологической и фонетической структуры той или иной группы языков, того или иного языка.

а) И в таком случае в кругу яфетических языков не одна, а целый ряд сравнительных грамматик, ибо по фор-

мальной фонетической классификации мы имеем прежде всего сравнительную грамматику сибилантной ветви яфетических языков по двум группам, свистящей и шипящей. Однако, если остановимся хотябы на одной этой сравнительной грамматике, достаточно привлечь в нее близко стоящий формально к сибилантной ветви сванский язык, гибридно скрещенный спирантно-шипящий, и, тем более, морфологически значительно дальше отстоящий абхазский язык, также гибридно скрещенный, спирантно-свистящий, чтобы почувствовать неустранимую потребность или ограничиться сравнением лишь одного сванского языка, преимущественно шипящего его слоя, да свистящего слоя абхазского языка, без учета его морфологии, чтобы не выходить целиком из норм сравнительной грамматики сибилантной ветви, или формальный сравнительный метод осложнить палеонтологически устанавливаемой связью с сибилантной ветвью не только сванского языка, но и абхазского, морфологически отделенного пропастью от грузинского, мегрельского и даже сванского, языков почти флективного строя. ибо абхазский язык в этом отношении аморфный, да синтетический. Затем, по формальной же морфологической классификации, имеем сравнительную грамматику языков местоименного строя с группами синтетической и агглютинативной, но эта сравнительная грамматика неразрывно должна быть раз'ясняема палеонтологически, необходим отход от восприятия той или иной морфологической структуры, как стабильной. Словом, получается не раз раз'яснявшееся положение, что в яфетических языках, при формальном подходе, имеем не одну, а несколько систем с той особенностью, что различные системы легко увязываются друг с другом, легко устанавливается палеонтологически их диахронический разрез. В этом именно существенная особенность всех яфетических языков.

б) Фактическая же обстановка этих взаимоотношений различных систем внутри одних яфетических языков и проработка соответственных материалов и дали нам базу, как материальную, так идеологическую для сравнительной грамматики различных систем или языков различных систем всегда, разумеется, неизбежно с палеонтологическим анализом, так в первую голову прорабатываемую яфетическо-средиземноморскую (яфетическо-греко-латинскую), яфетическо-армянскую, в частности наиболее продвинутую в работе армянско-грузинскую, при применении палеонтологии раз'ясня-

ему с углублением, и находящиеся в работе лишь начатые построением обязательно палеонтологически, вообще яфетическо-прометеидская («индоевропейская»), яфетическо-алданская (урало-алтайская), яфетическо-китайская и др.

Б. Технические приемы каждой из формальных сравнительных грамматик, естественно, своеобразны, как и классификация языков каждой системы.

Ясное дело, что при сравнительной грамматике яфетическо-китайской морфологические признаки должны отпасть, да и фонетические значительно отойти на второй план. Главная работа над словарем, семантикой и синтаксисом. Естественно, в приемах этой сравнительной грамматики главную роль играет палеонтологический анализ формальный и идеологический по элементам.

Естественно, лингвистам, абсолютно чуждым палеонтологическому восприятию речевых фактов, вскрывающему совершенно конкретные свидетельства увязки языков различных систем между собой, сама попытка таких сближений представляется осужденной на кличку 'без метода'. В соответствующем кругу не ощущается факт, что сама решимость осуждать опыты сближения различных лингвистических систем свидетельствует о чем-то худшем, чем отсутствие метода: она свидетельствует о самоосуждении работающих с таким „осторожным методом“ никогда не добравшись до подлинного метода языковедного исследования. И в нас способно бы вызвать глубочайшее недоумение, как к такой оценке метода, присущей изжитой индоевропейской теории, приемыкает отчасти и Meinhoff безоговорочно¹⁾, если бы на нем мы не имели возможности иллюстрировать разительный пример расхождения, в одном и том же лице, исповедуемой им школьноусвоенной старой теории и брызжущих из его фактической работы над живыми африканскими языками живых творческих мыслей, более того—научных положений и научных формулировок нового учения об языке, яфетической теории, ему вовсе и неизвестной. Совершенно ясно из хотя бы одного следующего случая, что Meinhoff фактически находится действительно на том пути, который вскрыт яфетической теорией и способен продвигаться далее, т. е., перейти от стабильного восприятия языковых систем к палеон-

¹⁾ Was können uns die Hamitensprachen für die Bau des semitischen Verbum lehren (Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen, Берлин 1922, стр. 241-242.

тологической их трактовке, увязке языков различных систем. Вот этот случай в его формулировке: „Раньше и я оспаривал родство Банту с хамитическими языками. Ныне называю его пра-хамитическим“¹⁾).

В перечне Программы некоторый недочет, т. к. не названа отдельно угро-финская группа, но это не беда, ибо раз сказано „и т. д.“ после прометеидских, алданских, то неизбежно приходится подразумевать и финские языки, равно угорские. Замолчан и особо стоящий в одиночестве чувашский язык, между тем взаимоотношения чувашского языка с яфетическими языками требуют исключительного к себе внимания и предварительной проработки для более правильного сравнительного изучения не только финских и угорских языков, но и монгольского, особенно поскольку существует, независимо от яфетической теории, достаточно обоснованный интерес к не вполне улавливаемым взаимоотношениям его с турецким, к которому так близко стоит чувашский язык.

а) Основной прием формальной фонетической классификации представляет учет звуковых корреспонденций двух групп, т. н. свистящей группы и шипящей группы. Перечень основных корреспонденций уже дан (§ 23-24), в числе их имеется сс s || шп ш, что, однако, однуль не значит, чтобы точно обратно сс ш соответствовал шп s и т. п.

Языков свистящей группы, как обычно говорится, один грузинский, а шипящей два—мегрельский и чанский. Таково положение ныне, но если за норму принимать нынешнее положение, то, пожалуй, языков шипящей группы нет вовсе, ибо из двух языков шипящей группы чанский для чанов —второй домашний язык рядом с турецким, и мегрельский для мегрелов—домашний и обиходный язык рядом с грузинским, причем общественно мегрельский давно был загнан в крестьянскую среду в связи с тем, что само слово *magali-kofli* ‘мегрел’ в Мегрелии же понималось в значении ‘крестьянина’. В этом смысле общественные деятели Грузии, пожалуй, были правы, говоря, что мегрельского языка нет, что т. н. мегрельский язык это испорченный грузинский язык. Ведь и на говоры, кое-какие и наречия (так ингилойское и наречие персидских грузин) в быту не случайно принято смотреть как на подвергшийся порче благо-

¹⁾ Ц. с., стр. 242.

родный язык, в Грузии, естественно, как на испорченный грузинский язык,—это отражение взглядов совершенно определенной общественности. На самом деле, что ни говор, все пережиток какого-либо самостоятельного языка. По наличным говорам на территории Грузии было не менее десятка языков, из коих некоторые вовсе не были грузинскими или даже близко родственны ему, другие, не будучи грузинскими, были, однако, одной с грузинским свистящей группы и т. п. Правда, на карте Кавказа, действительно, и места нет для такого числа различных языков, хотя бы свистящей группы, если различные языки считать размещенными лишь территориально, но при учете социально предоставляемого пространства на той же территории исторической Грузии достаточно находится места еще для другого языка с группы, именно древне-литературного, ибо грузинский язык не один, их два—феодалный, древне-литературный, и массовый, вернее ставший массовым, народным, позднее выдвигающийся в широкий общественный обиход через мелкую знать и буржуазию, население мелких средневековых городов Грузии. Разница между двумя социальными, явно, языками одной и той же предполагается нации, значительна, как ни ослаблена она „взаимодействием языков“, собственно, господством сначала отмиравшей древней знати, вовсе и «этнический», resp. социально не тождественной с картвелами-грузинами, а иберами, с ее заодно отмиравшим языком, и впоследствии же возобладанием занявшей господствующее положение легкой знати, да буржуазии мелких городов, с XIX века возобладанием помещичьего дворянства, далее все падавшего, и крестьянства, да рабочих.

Как пример расхождения двух названных грузинских языков достаточно знать образование мн. числа в имен. падеже (др.-лит. - п - i, народн. - eb - i).

	агглют. вульг.	почти флективное др.-лит.
Им.	kaʃ - eb - i	kaʃ - п - i
Род.	kaʃ - e b - is	} kaʃ - iʃaʃ
Дат.	kaʃ - eb - sʃaʃ	
Дат. II	kaʃ - eb - mʃanʃ	
Тв.	kaʃ - eb - iʃ	- kaʃ - ʃa - mʃer
Напр.	kaʃ - eb - a - d	_____

Есть, конечно, и иные весьма существенные расхождения и в морфологии, и в фонетике (ср. звуки *q*, *y* и *w* древнелит.), и даже в лексике, в значительной мере ставшей общей, особенно благодаря церкви, традиционной придворно-княжеско-помещичьей речи и, конечно, также литературе, но все-таки достаточно сослаться на следующие случаи, когда сохранились действительно древне-литературные слова—

др.-л. (язык феод.)	народн. (мелко-буржуазн. и вульг.)
<i>m - qolo</i> 'единый'	{ <i>er^had er^h - i</i>
<i>qolo</i> 'однако', 'но'	
<i>aramed</i> 'но'	{ <i>marto</i>
<i>qem</i> 'лобное место', 'горнее или верхнее место' < 'голова'	энклит. <i>ki</i>
<i>gay^hla</i> > <i>ga^hla</i> 'чтобы'	<i>lav</i>
<i>vi^hag</i> 'как'	<i>rom</i>
<i>vi^har^hla</i> 'как', 'как-только'	<i>rogor</i>
<i>vi^har^hla</i> } 'когда'	<i>gavar^h, rogor^h</i>
<i>o - des</i> }	<i>ro^hla,</i>
<i>iqila</i> 'увидел' и т. п.	<i>rodesa^h</i>
	<i>dainaqa</i>

Особо должно быть отмечено, казалось бы, лишь синтаксическое явление, именно наличие в древне-литературном языке определительного члена, собственно, местоимения в роли определительного члена, и их полное отсутствие в языке масс, раньше крестьянства, населения мелких городов и т. д., ставшего ново-литературным.

Р. <i>ka^hisa mis</i>	и <i>ka^his^ha^h ka^h - is</i>
Д. <i>krmasa mas</i>	<i>krmas^ha^h km - as</i>
Тв. <i>krmi^hla mi^h</i>	<i>krmi^h km - i^h</i>
мн. ч.	
Им. <i>ka^h - n - i igi</i>	<i>ka^h - n - i ka^h - eb - i</i>
Р., Д. <i>ka^h - ^hla ma^h</i>	<i>ka^h - ^hla { ka^h - eb - is</i>
	<i>{ ka^h - eb - sa</i>

и т. д.

- Средневековой мирской литературный язык, язык новой знати—*mas ka^hisa, mas krma - s* и т. д.

Это явление, разлучающее др.-л. язык как будто лишь синтаксически, сближает его морфологически прежде всего

феодалным языком Армении, а затем вообще с яфетическими языками местоименно-агглютинативного строя, о чем специально в классификации яфетических языков по формальным признакам.

б) Яфетическо-прометеидская грамматика, довольно рано начатая проработкой, сначала выдвинула вопрос об армянском¹⁾, ибо давно стало выясняться, что в Армении было много языков; сейчас пережиточно наличных в длинном ряде говоров и наречий, в числе которых по сей день некоторые, так зокское, представляюг собственно самостоятельный язык, и теперь мы располагаем в Армении не одним языком, а двумя по образованию мн. числа: кейский (q), он же древне-литературный, феодальный, и рейский (r), ново-литературный. Кончилось тем, что эти два языка Армении определились принадлежащими каждый особой системе по морфологически-формальным признакам, один, кейский—флективной, другой, рейский—агглютинативной, в общем в то же время они оказались переходными от яфетической системы к прометеидской, однако, нисколько не исключались возможность и факт скрещенности каждого из них. Скрещенность их различная, одна произошла до завершения каждого из двух типов, другая по завершении, не говоря о том, что сложившиеся уже типы, в лице кейского армянского, т. е. литературного, сначала и долго священно-письменного, и рейского армянского, „народного“, вульгарного, почти до XIX в. бесписьменного, но языка трудовых классов, крестьянства и рабочих-ремесленников, вообще производственных коллективов, также влияли друг на друга и скрещивались друг с другом. Как один типичный пример укажем усвоение кейским языком окончания мн. числа рейского языка в названиях ряда предметов из крестьянского быта, так 'осла' ш - е - аг от еш, др.-л. или кейский еш - q.

в) На фонетическо-формальных законах корреспонденций основана сравнительная грамматика их, яфетических языков, с семитической системой. В языках семитической системы мы не находим в общем переживаний местоименно-агглютинативного строя, особенно постольку, поскольку удерживается взгляд на флексию арабского языка как на пережиток обще-семитического явления и постольку, в частности, не выдвигается как пережиток более древней стадии

¹⁾ Н. Марр, Яфетические элементы в языках Армении (ИАН за 1910—1920).

развития строй арамейских языков, в том числе сирийского, с исключительной ролью в образовании падежей более синтетического типа, как в значительной мере и в еврейском.

	груз.		арб.
Им. —		-i	И. -u, -up
Р. -is	диал. пережиточно -ip -i	Р. -i,	-ip
Д. + В. -sa, resp. -as	-ap	-a	В. -a, -ap

Палеонтология речи разъясняет, в какой мере в сходстве яфетического и семитического склонений, собственно склонениях грузинском и арабском, есть результат дальнейшего развития форм, имеющих одинаковое или разное происхождение. Факт, однако, тот, что сходства всетаки не случайны.

Впрочем, мы начинаем врываться в другой курс, курс сравнительных грамматик нового учения об языке. Это особо. Только одно предупреждение: в сравнительной яфетическо-семитической грамматике звуковые соответствия по существу те же, что во взаимоотношениях различных групп и ветвей внутри самих яфетических языков, как отчасти можно заметить по примерам, давно приведенным еще в Предварительном сообщении о родстве грузинского языка с семитическими¹⁾, но, понятно, сопоставления столь давнего времени требуют коренного пересмотра, и, вдобавок, всегда палеонтологической проверки путем и формального и идеологического анализа с помощью четырех элементов, так, напр., в яфетическо-семитической сравнительной грамматике такой пример звукосоответствия яф. s √ сем. h (→ γ), как г. srbā 'бегать' (srb + o - la 'производить набег') и арб. ḡaraba 'бежал' сохраняет, разумеется, свою силу, как и указание на то, что свистящий сибилант s успел спирантизоваться и в грузинском: srb √* hrb, :rb, отсюда s+i-rbin- → si-rb-il-i 'бег', rb+i-s 'бегаёт', но этого теперь мало. Палеонтологический анализ устанавливает, что общий яфетическо-семитический корень для понятия 'бегать', обращенный бытованием в трехсогласный шаблон srb √ 'h' rb → rb, представляет скрещенные двух элементов (AB)—sr-b √ γ r-b → sr-bl √* hr-bl,

¹⁾ Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. Пет. 1908. Предварительное сообщение переиздано в Сборнике статей Н. Я. Марра, По этапам развития яфетической теории, стр. 8-30

причем каждый из скрестившихся элементов означал, как глагол, также 'бегать', происходя от соответственного по палеонтологии речи имени, именно 'воды†реки', т. е. каждый из этих элементов означал и 'воду †реку', так *suġ* (> *su*), *gesp.* вол.-кам., фин. *šug* 'река—вода' (> чв. *šui* 'вода', √ бск. *hug* 'вода' и т. п.
